

Центр стратегической конъюнктуры

Муза Д.Е.

Актуальность глобальной войны и русская цивилизационная альтернатива

Даниил М.В. И помнит мир спасенный (1985–1995)

ISBN 978-5-93883-315-9

МУЗА Дмитрий Евгеньевич

доктор философских наук, профессор, член-корреспондент Крымской Академии наук, сопредседатель Изборского клуба Новороссии; автор более 300 научных работ, в том числе монографий: «В поисках духовной Родины. Проблема культурной идентичности в русской религиозно-философской мысли XIX–XX вв.» (2005), «Восточнохристианская цивилизация: социокультурное устройство и идентичность» (2009), «Константин Николаевич Леонтьев: Личностный миф и драма идей в контексте поиска духовного смысла истории» (2012, 2015), «Да, жизнь есть веры воплощенные: Этюды русской аксиологии» (2015), «РОССИЯ в системе координат глобального мира: метафизика, идеология, прагматика» (2016).

В своей новой книге автор предлагает оригинальные ответы на ряд кардинальных вопросов, связанных с предпосылками и причинами «горячей войны», формами ее проявления, а также культурно-цивилизационными основами бытия Русского Мира и Донбасса (как его части), генерируемой из этих основ альтернативистикой.

Данциг М.В. Победа (1984)

Муза Д.Е.

Актуальность
глобальной войны
и русская цивилизационная
альтернатива

Москва

Издатель Воробьев А.В.

2017

УДК930: 101.1

ББК 87

М29

Муза Д.Е.

М29 Актуальность глобальной войны и русская цивилизационная альтернатива / Предисловие Э.А. Попова / Центр стратегической конъюнктуры. — М.: Издатель Воробьев А.В., 2017. — 240 с.

ISBN 978–5–93883–315–9

Сегодня мир, как никогда ранее, ощущает поступь и дыхание новой мировой войны. Скачъ всадников Апокалипсиса уже отчетливо слышен. Он и в Стратегии национальной безопасности США, и в новых планах НАТО, и в «поддерживающих» эти начинания проектах западных сателлитов. Не секрет, что в отраженном виде они присутствуют и в военных доктринах ряда стран мира, вынужденных реагировать на изменение компоновки и характера международных отношений. Но именно этот сдвиг, метко названный «горячей войной», должен вызвать к жизни альтернативу, которую давно вынашивает Россия, как самобытная цивилизация. Альтернативу, которая обяжет другие здоровые общества выступить единым фронтом за иное будущее, без войн и насилия, «двойных стандартов» и уроков «демократии».

В своей новой книге сопредседатель Изборского клуба Новороссии, профессор Дмитрий Муза предлагает оригинальные ответы на ряд кардинальных вопросов, связанных с предпосылками и причинами «горячей войны», формами ее проявления, а также культурно-цивилизационными основами бытия Русского Мира и Донбасса (как его части), генерируемой из этих основ альтернативистикой.

© Муза Д.Е., 2017

ISBN 978–5–93883–315–9

© Воробьев А.В. & Центр СК, оформление, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

С болью и надеждой о России (вместо предисловия)	5
---	----------

Введение	6
-----------------------	----------

Основы

Несколько слов о Константине Великом и значении его деятельности для судеб православной (восточнохристианской) цивилизации	13
--	----

Язык как ключевой фактор становления русской цивилизации ..	24
---	----

Византизм и русское возрождение: неустышанный пророк (к 185-летию со дня рождения Константина Николаевича Леонтьева).....	29
---	----

С.Н. Булгаков о софийной природе бытия: попытка аксиологической транскрипции.....	41
--	----

Красная Империя

Советская и западная цивилизации: предел противоположностей в логике глобальной эволюции человечества	57
---	----

Берлинская стена: диалектика созидания и разрушения.....	69
--	----

А.А. Зиновьев о свободе в советском обществе.....	75
---	----

«Последний вздох» советской империи (к 25-летию деятельности ГКЧП)	88
---	----

Борьба за социальный идеал в эпоху деидеологизации: версия А.А. Зиновьева	97
--	----

Русский Миръ

Быть миром миров.....	105
-----------------------	-----

Тема «похищения» России в философии политики А.С. Панарина	112
---	-----

Донбасс как геополитический индикатор Беловежской геополитической эпохи	114
Русская Весна в Донбассе, война и государственное строительство ДНР	134
Тотальное наступление Запада	
Мегатренд глобальной гражданской войны: причины, формы развертывания, альтернативы	144
Тайна 11 сентября 2001 года, или Как действуют скрытые пружины американской политики	153
Феноменология глобальной власти: игра по правилам или без таковых?	161
Миграционный коллапс Европы?: Размышления о первопричинах, смысле и перспективах происходящего .	168
Геополитика восточнохристианской цивилизации в контексте противостояния с Ватиканом	175
«Есть подлый род господ весьма спесивых...»: о содержательном аспекте подготовки специалистов- международников в контексте изучения актуальных процессов мировой политики	185
Русские проекты	
Экспертный опрос РИА «Новый день»	190
О Русской цивилизационной альтернативе	192
Ноосферное сознание и его превращенные формы: некоторые соображения к рефлексии проблемы.....	203
К историософии единой исторической судьбы (тезисы о возможной траектории интеграции Сербии в структуру русско-евразийской цивилизации)	222
VIII Вселенский (всеправославный) собор или собор десяти поместных православных церквей?	228
ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ О главном условии реализации Россией позитивной цивилизационной альтернативы	236

С болью и надеждой о России (вместо предисловия)

Мир живет в предчувствии большой войны. Эта банальная констатация факта, тем не менее, имеет свое основание в пожарах локальных и региональных конфликтов и противостояний — в Магрибе, Леванте, Большом Ближнем Востоке, на востоке некогда единой Украины, на Корейском полуострове.

Если к этому ландшафту войны присовокупить информационное пространство и взять в расчет тотальную информационную войну, то складывающаяся ситуация выглядит весьма и весьма драматично. При этом уже с нескрываемой гордостью Все-Америка методично повышает градус противостояния, очерчивая в Восточной Европе «красные линии» и формируя новые «горячие точки».

Сегодня Донбассу суждено было стать такой «горячей точкой», причем на уровне цивилизационно-геополитического противоборства России и Запада. Новая книга известного донецкого ученого Д.Е. Музы не просто тематизирует этот конфликт Киева и его океанско-европейских кураторов с самопровозглашенными Донецкой и Луганской народными республиками, но дает его развернутую причинно-следственную связь. Естественно, для понимания нынешних социально-политических процессов, проходящих через горнило новых войн, — весьма необходимую. И думается, не случаен подбор сюжетов книги: «Основы», «Красная империя», «Тотальное наступление Запада», «Русский Мир» и «Русские проекты», увязанных с динамикой русской цивилизации.

Поэтому рекомендую данную мировоззренчески и методологически ориентированную на Россию и Русский Мир работу Дмитрия Евгеньевича Музы как обязательное чтение для всех, кого волнует судьба нашего многострадального, но великого Отечества. Уверен, что предложенные автором самобытные идеи, а также трактовка ставших привычными тем будут востребованы политиками, научным и патриотическим сообществами.

*Доктор философских наук, ведущий научный сотрудник
Института русского зарубежья (г. Москва)*

Э.А. ПОПОВ

Введение

Время войне, и время миру.

Мудрость лучше воинских орудий

ЕККЛЕСИАСТ

Война — просто грабеж, рэкет,
в котором меньшинство получает выгоду,
а большинству приходится платить.

С. БАТЛЕР

Тот, кто в гордости своей, забыв о Господе, надеется на оружие свое, тот постыдно терпит поражение и гибнет. Тот, кто в смирении сердца своего не надеется на оружие, а покаянно зовет о помощи к Богу, тот со славой побеждает.

СВЯТИТЕЛЬ НИКОЛАЙ СЕРЕБСКИЙ
(ВЕЛИМИРОВИЧ)

Справедливо считается, что феномен войны, взятый в когнитивном и практическом измерениях, относится к ведомству международных отношений и мировой политики, международного права и этики, наконец, политической антропологии. Но функционирующие мировые системы и разворачивающиеся мировые процессы неумолимо ставят вопрос о культурно-цивилизационном противостоянии, которое задолго до А.Дж. Тойнби и С. Хантингтона, Х. Маккиндера и К. Шмитта было открыто Н.Я. Данилевским и К.Н. Леонтьевым, позже — уточнено и развито кн. Н.С. Трубецким и П.Н. Савицким, а продолжено А.С. Панариным и А.А. Зиновьевым.

Собственно это обстоятельство обеспечивает шаг в сторону постановки проблемы, которая пронизывает данную работу: у сценария тотального военного вмешательства в мировые дела, в самое «механику» социальной эволюции, инспирированного и реализуемого Западом во главе с США, есть альтернативный вариант, «ло-

мающий» управляемый силовым механизмом ход истории. И что естественно — переводящий ее в иномерное русло. В частности, целесообразно говорить о знаменитой «Мюнхенской речи» президента РФ В.В. Путина и последующих оппонирующих акциях института глобальной войны. Причем с учетом всех тех поправок в ее алгоритмику, которые были сделаны США и НАТО в 1999, 2001, 2003, 2004, 2008, 2011, 2014 годах, т.е. в войнах, «цветных революциях» и госпереворотах «постмаастрихтской эпохи» (Дж. Фридман).

Тем не менее около семидесяти лет тому назад, на заре атомной эры, А.Дж. Тойнби предметно очертил следующее: «Институты Войны и Классы в том виде общества, который мы называем цивилизацией, являются социальным отражением темной стороны человеческой природы — того, что теологи называют первородным грехом... Классы способны теперь полностью разложить общество, а Война — уничтожить человеческий род целиком»¹. Парадоксально, но в этом суждении содержатся две перекрещивающиеся тенденции, связанные как с идеологиями модерна, так и с присущими ему вариантами решения социальных конфликтов. Но также «по умолчанию» присутствует сюжет со светлой стороной человеческой природы — надежда на либерал-идеализирование, точнее, заявка на возможность социализации «духа войны» и выведение системы международных отношений к бесконфликтному режиму функционирования.

При этом в рамках теории международных отношений кристаллизовались вполне узнаваемые позиции в отношении войны: война как необходимость и состояние (реализм и неореализм); война как антипод миру, в котором суть мирового процесса (либерализм — неолиберализм); война как игра по правилам (английская школа); война и революция как способы решения классовых противоречий (марксизм — неомарксизм); война как скрытая агрессия, маскулинная сущность или конструктивистский принцип (постмодернизм).

Но все они, к сожалению, не учитывают специфику отечественного истолкования феномена войны, имеющую в лице целого ряда мыслителей — В.С. Соловьева, Н.А. Бердяева, С.Л. Франка, Л.П. Карсавина, И.А. Ильина, но также А.С. Панарина, А.А. Зиновьева,

¹ Тойнби А.Дж. Цивилизация перед судом истории // Тойнби А.Дж. Цивилизация перед судом истории. Сборник. М.: Прогресс — Культура; СПб.: Ювента, 1995. С. 32.

А.И. Уткина, А.И. Субетто, Н.А. Нарочницкой, Л.Г. Ивашова, А.И. Фурсова, И.Ф. Кефели, А.Г. Дугина, Э.А. Попова и других иную смысловую сигнатуру. А именно — духовную и этико-социальную.

Хотя мои военно-политические студии начаты сравнительно недавно², и своим промежуточным итогом они имеют формулу: *потенциальная (а за нею и актуальная) война способна погрузить непокорное либеральному интернационалу, олицетворяемому США и западным сообществом, человечество, вначале в информационную, а затем и кровавую купель войны с целью достижения режима реальной однополярности. Разумеется, с жестким подавлением социокультурного разнообразия планеты, как избыточного для этой одномерно-редукционистской модели.* Но при этом вопрос о возможном и реальном гипернасилии как-то не ставится, а если и ста-

²Муза Д.Е. Россия в Первой мировой войне: попытка синергетической интерпретации // Россия и Великая война: Опыт и перспективы осмысления роли Первой мировой войны в России и за рубежом: Материалы Международной конференции. Москва, 8 декабря 2010 г. М.: Издательство Московского университета, 2011. С. 118–124; Муза Д.Е. Историософия Отечественной войны 1812 года: урок Л.Н. Толстого // Народы России и Отечественная война 1812 года в истории и культуре: материалы международной научной конференции 23–24 октября 2012 г. СПб.: ГИП А Прана, 2012. С. 104–107; Муза Д.Е. Феномен войны: попытка создания системного подхода к проблеме // Філософські дослідження. Збірник наукових праць. Луганськ: Східноукраїнський національний університет ім. В. Даля, 2013. Вип. 19. С. 135–148; Муза Д.Е. Зиновьевская версия прогностики глобальной социальной эволюции: концептуальная схема и принципы верификации // Зиновьевские студии: научное издание. Донецк; Москва: Цифра, 2013. Выпуск 4. С. 10–15; Муза Д.Е. Диалог современных цивилизаций: pro et contra // Ноосферный проект социоприродной эволюции: поиск алгоритмов устойчивости (коллективная монография) / Отв. ред. Муза Д.Е. Донецк: ДонНТУ, Технопарк ДонНТУ УНИТЕХ, 2014. С. 142–156; Муза Д.Е. Новороссия как новый форпост глобальной духовной брани // Новая Земля. Журнал Изборского клуба Новороссии. Апрель 2015. №3 (6). С. 3–5; Муза Д.Е. О технологиях и смысле антирусской информационной войны // Новая Земля. Журнал Изборского клуба Новороссии. Июнь 2015. № 5 (8). С. 16–19; Муза Д.Е. Геостратегия США как фактор деструкции международных отношений // 70 лет ООН: Сборник материалов по итогам международной научно-практической конференции (Донецк, ДонНУ, 10 декабря 2015) / Отв. ред. Т.Р. Мармазова. Донецк: ДонНУ, 2015. С. 156–159; Дмитрій Левченко. Геополітика історичнохристиянської цивілізації у контексті сукоба са Ватиканом // НЕБЕСКА геополітика: Ватикан і міжнародні відносини / приредіо Зоран Милошевић; [преводіоци Стефан Милошевић, Татјана Вучинић-Мальєвић, Зоран Милошевић]. Шабаци: Центар академске речи; Москва: Міжнародна словенська академія науки, образовања, уметности и културе, 2016. С. 94–104.

вится, то в весьма замысловатой форме³, хотя прогрессирующее «насилие глобального» (Ж. Бодрийяр) более чем очевидно.

Но само это насилие, если следовать А.А. Зиновьеву, предопределено антропокодом «западоида», двумя его базовыми мотивациями: 1) добиваться максимально высокого жизненного уровня либо воспроизводить уже достигнутый; 2) стремление к фактической (а не только юридической) личной свободе, к независимости от окружающих при максимализации безопасности. В конце концов, во имя них сделавшего своей «зоной охоты» весь мир (!)⁴. Собственно фиксация этой «глобальной охоты» весьма удачно проделана и оценена в работах А.С. Панарина и А.А. Зиновьева, о подходах которых речь пойдет в данной книге. Подчеркну, подходах, являющихся своеобразным методологическим компасом в деле понимания цивилизационной динамики человечества, столь заметно отличающихся от западных⁵ или отечественных⁶.

В свою очередь мои многолетние исследования в этом направлении, точнее, поиск продуктивной русской (российско-евразийской)

³ Имеется в виду, в рамках предложенной А.П. Назаретяном оригинальной концепции социального насилия и механизмов упреждения такого со стороны культурно-психологического замещения. См.: *Назаретян А.П.* Антропология насилия и культура самоорганизации: Очерки по эволюционной психологии. М.: ЛКИ, 2007. Однако констатация факта о том, что человек отличается «склонностью к провоцированию неустойчивостей», и гипотеза «техно-гуманитарного баланса» некоррелятивны ни в диахронном, ни в синхронном измерениях. Точнее: нововведения «инструментального интеллекта» не всегда адекватно компенсируются «гуманитарным». Скажем, стратегия расширения НАТО на Восток в наши дни (саммит НАТО в Варшаве 7–9 июля 2016 года) вовлекает Грузию и Украину в новое противостояние в Евразии, равно как продление мандата для войск НАТО в Афганистане до 2017 года или размещение систем ПРО в Южной Корее. По мнению же А.П. Назаретяна, отношение между причиной и следствием парадоксально: «геополитические и экологические кризисы, войны и катастрофы порождаются не только и часто не столько «материальными», сколько «духовными» потребностями людей: бескорыстной тягой к социальному самоутверждению, самоподтверждению, самовыражению, самоотвержению, смыслу жизни, приключению и подвигу». См.: *Назаретян А.П.* Антропология насилия и культура самоорганизации: Очерки по эволюционной психологии. М.: ЛКИ, 2007. С. 99.

⁴ *Зиновьев А.А.* Запад. Феномен западнизма. М.: Центрполиграф, 1995. С. 313.

⁵ См. напр.: *Тернборн Й.* Мир: Руководство для начинающих. М.: Высшая школа экономики, 2015. С. 125–181.

⁶ Россия в глобальной политике. Новые правила игры без правил / Под ред. Ф. Лукьянова. М.: Эксмо, 2015. С. 92–119.

цивилизационной альтернативы⁷, ее мироустроительных и мейнстримных возможностей, говорит о том, что *Россия как «мир миров»*

⁷См. напр.: *Муза Д.Е.* Русская цивилизация: возвращение к себе или новое обретение культурной идентичности // Ноосфера и цивилизация. Выпуск 1 (4). Донецк: ДонНТУ, 2004. С. 103–115; *Муза Д.Е.* В поисках духовной Родины. Проблема культурной идентичности в русской религиозно-философской мысли XIX–XX в. в. Монография. Донецк: Лебедь, 2005; *Муза Д.Е.* Евразийская цивилизация: идеолого-теоретический фантом или историческая реальность? // Ноосфера и цивилизация. Выпуск 2 (5). Донецк: ДонНТУ, 2005. С. 53–62; *Муза Д.Е.* Русская цивилизация: между полюсами сакрального и профанного бытия // Культурологічний вісник: Науково-теоретичний щорічник Нижньої Наддніпрянщини. № 17. Запоріжжя: “Просвіта”, 2006. С. 161–166; *Муза Д.Е.* Восточнохристиянська цивілізація: інваріанти політичного порядку існування // Ноосфера і цивілізація. Выпуск 5 (8). Донецк: ДонНТУ, 2007. С. 61–74; *Муза Д.Е.* «Творческое меньшинство» восточнохристиянської цивілізації: к вопросу о формировании культурно-ідентифікуючих орієнтацій // Ученые записки Таврического национального университета имени В.И. Вернадского. Научный журнал. Серия: Философия, социология. Том 21 (60). № 3. Симферополь: ТНУ имени В.И. Вернадского, 2008. С. 64–74; *Муза Д.Е.* Восточнохристиянська цивілізація: соціокультурне устроєння і ідентичність: монографія. ДонНТУ. Донецк: Вебер, 2009; *Муза Д.Е.* Проект восточнохристиянської цивілізації: попытка історіологічної концептуалізації // Практична філософія. 2009. № 2. С. 147–159; *Муза Д.Е.* Целостный человек как ближайшая цель восточнохристиянского цивилизационного проекта // Ученые записки Таврического национального университета имени В.И. Вернадского. Научный журнал. Серия: Философия, социология. Том 22 (61). № 1. Симферополь: ТНУ имени В.И. Вернадского, 2009. С. 83–93; *Муза Д.Е.* Восточнохристиянська цивілізація в пошуках інтегральної ідеї: попытка концептуального уточнення // Духовная жизнь общества и человека: история и современность. Международный сборник научных трудов / Под общ. ред. И.В. Вострикова. Воронеж: Воронежская государственная техническая академия, 2010. С. 157–170; *Муза Д.Е.* Восточнохристиянська цивілізація в глобальному світі: пошук адекватної історическої орієнтації // Россия и славянский мир в контексте многополярности: Материалы VII международной научной конференции, 6–9 августа 2010 г., Славянск-на-Кубани: в 4 ч. Ч. 1. Разд. 1 / Отв. ред. проф. Т.С. Анисимова; Славянский-на-Кубани государственный педагогический институт. Славянск-на-Кубани: Издательский центр СГПИ, 2010. С. 136–141. *Муза Д.Е.* Леонтьевская модель истории и стратегия пути русской цивилизации // Материалы международной научной конференции «Русская идентичность и будущее православного мира в эпоху глобализации», посвященной 180-и летию со дня рождения и 120-и летию со дня смерти К.Н. Леонтьева (Санкт-Петербург, исторический факультет Санкт-Петербургского университета, 6.10.2011) [ruskline.ru/analitika/2011/11/11/leontevskaya_model_istorii_i_strategemaputi_russoj_civilizacii/]; *Муза Д.Е.* «Вызов» глобализации и судьба славянских культур: опасности и перспективы // Материалы научно-практической конференции «Россия и славянский мир в интеллектуальном контексте времени», посвященной 135-летию начала русско-турецкой войны 1877–1878 гг. (10–12 октября 2012 г., Кубанский государственный университет, филиал в г. Славянске-на-Кубани, Россия; Университет имени

имеет значительный, хотя и невостребованный Историей социокультурный, точнее, религиозно-нравственный потенциал, способный задать новый формат и качество международных отношений. Поначалу в славянском, затем в евразийском, наконец, общемировом масштабе.

Конечно, эти идеи в известной мере развивают начатую А.С. Панариным работу по конструированию «Большой идеи российской цивилизации», которая среди прочего как раз несет в себе: а) развенчание основ бытия технопотребительских обществ, их экологическо-го и нравственного нигилизма; б) продуцирования самобытного «альтернативного проекта постиндустриального будущего»⁸, причем, с приглашением к его реализации классических цивилизации Востока.

Быть может, в том и состоит основная миссия России в мире, чтобы последовательно-этапно давать прочтение партитуры Войны, диалектической парой которой является Мир (Л.Н. Толстой — «Война и мир», И.А. Ильин — «Мир над пропастью», М.А. Волошин «Мир», Д.Л. Андреев «Роза мира» и многое другое), равно

Св. Кирилла и Мефодия, г. Велико Тырново, Болгария). Краснодар: КГУ, 2012. С. 36–42; *Муза Д.Е.* Глобальный сценарий развития человечества: к реконструкции футурологии А.А. Зиновьева // Модернизация социально-экономических систем: вызовы времени. Сб. статей II Международной научно-практической конференции: г. Батайск, 23 апреля 2013 г. / Отв. ред. Е.А. Угнич. Ростов-на-Дону: Профпресс, 2013. С. 21–27; *Муза Д.Е.* Феномен славянства в системе координат христианского суперэтнического текста и универсалий Просвещения (перечитывая А.С. Панарина) // Цивилизационная миссия России. XI Панаринские чтения: Сборник статей / Отв. ред. В.Н. Расторгуев. Пушкино: Центр стратегической конъюнктуры, 2014. С. 115–127; *Муза Д.Е.* «Да, жизнь лишь Веры воплощение...» (этюды русской аксиологии) // Saarbrücken: Lap Lambert Academic Publishing, 2015; *Дмитрий Е. Муза.* Словенский свет у XXI века: нови изазови и перспективе // Где ти је држава, Каине? Будућност словенских држава. 3 приредбо Зоран Милошевић. Шабац: Центар Академске речи, 2015. С. 69–81; *Муза Д.Е.* Что строим на этот раз? (заметки к незавершенному спору об исторической сущности России) // Цивилизационная парадигма в философии и смысло-жизненная рефлексия. Сборник трудов научной конференции с международным участием. Ростов-на-Дону: РАНХиГС, 2015. С. 128–130; *Муза Д.Е.* В предвестии новой Российской империи: некоторые интуиции, наблюдения и оценки // Идеология Отечества. Сборник. М.: Международный издательский центр «Этносоциум», 2015. С. 64–76; *Муза Д.Е.* Россия в системе координат глобального мира: метафизика, идеология, прагматика / Предисл. С.Ю. Житенева / Центр стратегической конъюнктуры. М.: Издатель Воробьев А.В., 2016.

⁸ *Панарин А.С.* Реванш истории: российская стратегическая инициатива в XXI веке. М.: Логос, 1998. С. 224.

как остерегать от реальных и возможных грядущих потрясений (В.В. Бибихин — «Мир»). В иной терминологической оболочке глобальная война — суть беспрецедентный «вызов», обращенный к миру и России, и требующий как некогда ранее адекватного «ответа».

Поэтому лейтмотивом текста все же остается *мироустроительное дело*, не имеющее прецедентов и гарантий, поскольку фронт войны «Третьей волны» исчез, а ее форма калейдоскопически меняется на наших глазах⁹. Тем не менее, Россия весьма успешно показала вначале в Абхазии и Южной Осетии, затем Донбассе и Сирии, что в этих условиях невиданной турбулентности она способна нести цивилизационную миссию, решая, казалось бы, сугубо стратегические и задачи обеспечения собственной безопасности.

Правда, в сложившихся условиях нередок скепсис в отношении валидности русской (российской) политики, экономики и культуры: политика представляет собой «драматургию», «замешанную на экономическом интересе и крови»; а культура подчинена «строго манипулятивным процедурам, с одной стороны, оправдываемым так называемыми требованиями рынка (при отсутствии свободного рынка как такового), с другой стороны, осуществляемым на фоне ухода с исторической сцены характерной для России социальной группы — и превращения ее в квазигруппу интеллектуалов»¹⁰. Этот скепсис в высшей степени характерен для прежней — ельцинской эпохи, но начавшееся при президенте В.В. Путине возрождение русской цивилизации, ее культуры и социальности, опирается на одну самоочевидную предпосылку: «История мировых цивилизаций свидетельствует, что цивилизация способна претерпеть любой материальный урон и воссоздать себя, если уцелело ее ценностное ядро»¹¹.

Собственно данная работа может быть рассмотрена как сильный шаг в обретении твердой концептуальной версии стратегического присутствия России в современном, «дышащем» войной мире.

⁹ Тоффлер О. Война и антивоина: Что такое война и как с ней бороться. Как выжить на рассвете XXI века. М.: АСТ; Транзиткнига, 2005. С. 105–136.

¹⁰ Покровский Н. В зеркале глобализации // Сумерки глобализации: Настольная книга антиглобалиста. М.: АСТ; Ермак, 2004. С. 63–64.

¹¹ Панарин А.С. Реванш истории: российская стратегическая инициатива в XXI веке. М.: Логос, 1998. С. 22.

ОСНОВЫ

Несколько слов о Константине Великом и значении его деятельности для судеб православной (восточнохристианской) цивилизации¹²

В своем известном стихотворении «Русская география» Ф.И. Тютчев писал:

Москва и Град Петров, и Константинов Град —
Вот царства Русского заветные Столицы...
Но где предел ему? и где его границы —
На север, на восток, на юг и на закат?..
Грядущим временам судьбы их обличат.

Собственно за этими имперскими гео- и хронополитическими медитациями русского дипломата и поэта скрываются важнейшие смыслы исторического присутствия России не только на Ближнем Востоке, в Средиземноморье, в Евразии, но и мире. Не секрет, что исток всех этих смыслополаганий необходимо искать, прежде всего, в личности и деятельности базилевса Константина Великого, заложившего прочный фундамент при строительстве восточнохристианской цивилизации. Цивилизации, вначале явленной в виде более чем тысячелетнего Второго Рима=Византии, но передавшей свою имперскую форму и миссию Третьему и последнему Риму=России.

Константин Великий (полное имя — Флавий Валерий Константин), император (Imperator Caesar), в церковном почитании — равноапостольный (ισαποστόλος, aequalis apostolis), выдающийся деятель христианской политической и церковной истории. Лич-

¹² Впервые опубликовано в журнале: Новая земля. 2016. № 5 (19). С. 36–40.

ность и сам характер его связываются, с одной стороны, с «революцией в политике» (С. Рансимен), а с другой со «святым зачатом христианского мира» (прот. Александр Шмеман). Именно поэтому исследователи делают ударение на том, что при нем произошло перерождение римского принципата в теократическую монархию, в рамках которой император суть связующее звено между Богом и миром, а сама империя суть земное отображение небесного закона. Отсюда следует «политическая теология» Константина, как и его преемников (Евсевий Памфил).

Считается, что родился «второй Август» и «второй Павел» 22 февраля 272 года, а представился, перед тем приняв святое крещение 22 мая 337 года. Его политическая и личная судьба логично вплелись в логику стагнации «ветхого» Рима и строительства «нового», второго Рима. Причем это империостроительство в одеждах Византии, но на началах христианства нужно воспринимать как главную сторону его миссии. Именно миссии, поскольку *императорская власть имеет религиозный фундамент* и дается как божественная инвеститура. Подчеркну, миссии «священника-царя», с одной стороны, связанной с иранским, эллинистическим и собственно римским сакральным характером власти; а с другой — уходящей корнями в Ветхий Завет (Мельхиседек, Давид, Моисей, Аарон) и Новый Завет (Христос), предполагающей такую двойную контаминацию.

При этом важно понять, что для христианской императорской власти характерно не сколько обожествление самого императора, сколько его места и официального положения в государстве. Этот принцип известен как *adoratio* (обожание, поклонение) Христу и его земному наместнику. В византийской традиции этот принцип имеет редакцию: Христос — Пантократор (Всевластитель), а василевсу дан удел Его земных владений во Славу Спасителя, но с задачей водительства народов в Небесный Иерусалим.

Тем не менее, феномен святого василевса Константина возникает в условиях политической модели управления Римской империей, инициированной императором Диоклетианом (284–305). Точнее, ее последовательного усовершенствования именно Константином, если не сказать больше. По сути своей реформа государственной вла-

сти Диоклетианом привела к серьезным трансформациям: вместо одного императора в Империи появляются четыре соправителя (двое из них — августы как старшие правители, двое — цезари как младшие правители). августы и цезари управляли четырьмя префектурами: 1) Востоком; 2) Иллирией; 3) Италией и Африкой; 4) Галлией вместе с Испанией и Британией. В свою очередь префектуры подразделялись на диоцезы и провинции. Эта модель давала определенный оперативный простор всем четырем «управленцам» и свидетельствовала о децентрализации власти.

По замыслу Диоклетиана в Империи должна быть исключена борьба за власть, а сам механизм ее передачи должен быть гибким и морально содержательным. Само же наследование власти со временем предполагало уход августов в добровольную отставку, и приход цезарей на их место. В свою очередь рекрутирование цезарей — важнейший процесс кадровой имперской политики.

В этом контексте и состоялось политическое восхождение Константина. Итак, вспомним событийную канву. Когда после отречения Максимиана Констанций Хлор стал августом на Западе, цезарем при нем был назначен военачальник Север. После смерти Констанция Хлора в 306 году обострилась борьба за власть: сын Констанция Хлора — Константин — был провозглашен легионерами Галлии и Британии августом; а сын Максимиана — Максенций — был провозглашен преторианской гвардией в Риме принцепсом (наследником императорского престола). В 312 году после длительного противостояния армии двух претендентов встретились недалеко от Рима у Красных скал. Битва у Мильвийского моста, накануне которого во сне Константин получил откровение свыше в образе Labarum-а (креста в виде буквы Х, пересеченной сверху изогнутой чертой, и который должен был быть расположен на щитах его армии), завершилась его блестящей победой. Максенций был разбит и утонул в Тибре, а Константин с триумфом вошел в Рим. Сенаторы оказали ему почести и приняли решение о старшинстве именно Константина в деле управления Империей (двумя другими были Максимин Даза и Лициний, представлявшие Восток).

На Востоке империи события развивались не менее драматично. После отречения Диоклетиана августом стал Галерий. В качестве

помощника себе, т.е. цезаря, он назначил военачальника Максимиана Дазу. В 311 году Галерий умирает, и у Максимиана Дазы тотчас появляется реальный соперник в лице Лициния. Между тем Галерий, то ли по злему умыслу («заговор»), то ли в целях замирения сторон (реальных и возможных претендентов), во время усилившихся в Империи настроений назначил именно августом Запада Лициния (!). Однако утвердиться на Западе ему не удалось по причине викторий Константина, поэтому Лициний активно осваивал восточную часть империи, не без труда избавившись от Максимиана Дазы (битва при Геллеспонте в 313 году и последующая смерть).

Константин и Лициний как соправители недолго жили в мире. После назначения цезарей (сыновей Константина — Криспа и Константина-младшего, сына Лициния — Лициния-младшего), образовалась новая интрига. Первая стычка между соправителями состоялась в 314 году у Цибала, вторая в 324 году во Фракии, наконец, они сошлись в морской / сухопутной битве у Никомедии. В конце концов Лициний был повержен и сдался на милость Константину. Впрочем, его дальнейшая судьба была печальной...

При этом нужно вспомнить еще один принципиальный сюжет, оказавший решающее значение для перестройки языческой Римской империи — в христианскую империю, хорошо известную нам под названием Византии. В данном случае речь идет о Миланском эдикте 313 года, который легализовал христианство (после эпохи длительных гонений) и приуменьшал роль традиционных языческих культов за счет уравнивания их в правах. В частности, он разрешал отправление обрядовой деятельности христиан при условии, что последние будут приносить свои молитвы в честь Рима и императора (императоров-соправителей).

Но на самом деле Миланский эдикт, о чем почему-то молчат большинство историков и религиоведов, был началом длинного цикла подлинного утверждения христианства в империи: в 315 году Константин своим указом освободил земли христианского духовенства от налогов, отменил распятие в качестве способа смертной казни и возвратил всех христиан, дотоле находившихся в ссылке или на рудниках; в 318 году своим указом Константин возвел епископский (церковный суд) в разряд важных правовых дея-

ний внутри империи; в 319 году он запретил частные жертвоприношения и гадания; в 321 году именно Константин возвел восхождение во всеобщий церковный праздник; в 324 году был издан эдикт о недопустимости принуждения в новую веру; в 326 году было издано предписание о запрете восстановления ранее разрушенных языческих храмов¹³. Таким образом, для «нового вина» понадобились «новые мехи», и христианство постепенно стало единственным и необходимым духовным основанием для строительства универсальной империи.

Но, пожалуй, самым значительным феноменом в деятельности василевса, но напрямую связанным с жизнью христианской церкви, встал созыв I Вселенского собора. В IV веке империю, помимо иных нестроений, раздирали на части различные версии толкования Бога, Его атрибутов, свойств и т.д., которые культивировались на практике в различных частях империи. Одна из них, арианство (по имени ее основателя — пресвитера Ария из Александрии) начала свое шествие по городам и весям империи. Арий учил, что Христос не единосущен Богу Отцу, а подобосущен Ему, и вообще, сотворен во времени. Епископ Александрии наложил на учение Ария запрет, а его самого лишил сана. Но эта мера не помогла...

Поэтому император был вынужден созвать вселенский собор архиереев (либо их представителей), который состоялся в Малой Азии, в городе Никее, и был направлен на богословское развенчание ложности Ариева учения, плюс некоторых других ересей. На соборе присутствовали 318 епископов, которые осудили учение Ария как ересь и приняли Символ Веры из 7 пунктов, в котором утверждалась единосущность Отца и Сына. Тем самым *символ исповедания веры христианской*, принятый отцами I Вселенского собора, стал догматической нормой жизни Церкви, впоследствии дополнен и окончательно утвержден на II Вселенском соборе, состоявшемся в Константинополе в 381 году. Естественно, роль императора в этом событии сложно переоценить.

Помимо властных и религиозных вопросов Константин Великий, как никто до него и никто после него, успешно решал адми-

¹³ См.: *Величко В.М.* История византийских императоров. От Константина Великого до Анастасия I. М.: Вече, 2012. С. 39–44.

нистративно-территориальный вопрос. В те годы он определялся достаточно шатким положением столицы — I Рима, неоднократно испытывавшего внешнее (варварское) давление и перманентные внутренние смуты. Основание новой столицы — на месте прежней греческой колонии VII в. до Р.Х. — явилось событием фундаментальным настолько, что именно оно предопределило цикл более чем тысячелетнего развития христианской ойкумены, равно как и ее последующие циклы. Включая русский, направленный на освобождение Царьграда!

Но вспомним, что Константин ранее управлял провинциями из нескольких балканских ставок — Фессалоники, Ниша, Сирмия, Сисции и Сердики-Софии. Найдя Византий (а так назывался городок, расположенный на стыке Европы и Азии, на северном берегу Мраморного моря, у входа в Босфор) в военном и экономическом отношении более выгодно расположенным, нежели указанные временные резиденции, Константин принял решение в его пользу. В качестве доводов тут известны два: явление во сне Христа с указанием на Византий (Созомен), либо позиционирование столицы к месту, откуда явился Эней, основатель римского государства (Псевдо-Евсевий).

Кроме того, в этом вопросе важны и дополнительные — геополитические и цивилизационные соображения. А именно: новый центр империи должен был связывать всю ойкумену в единый организм и давать ему жизненную энергию. В выбранном месте начинались две главные дороги в Европу — западная, ведущая в Фессалонику, пересекающая северную Грецию и доходящая до Дураццо и Бриндизи, и — северная, направленная на Адрианополь, Софию, Ниш и дунайские провинции, а через них, Северную Италию, на Рейн, в Галлию и Британию. В свою очередь, на противоположном берегу Мраморного моря существовала аналогичная сеть дорог к юго-востоку, к Анкире и Кесарии Каппадокийской и далее в Месопотамию. На юге же новая столица координировала через горы Тавра южное побережье Малой Азии, Сирийской Антиохии, Палестину и, наконец, Египет. Восточное же направление коммуникаций упиралось в Армению. Тем самым север и юг, запад и восток империи были «собраны» в узловой точке.

Но как бы там ни было, а все версии, особенно в их сочетании, можно принять как рабочие, что и подвигло Константина в 324 году решиться на строительство новой столицы империи. При этом возводимое здание столицы нуждалось в людях, материалах, архитектурных проектах...

И нужно заметить, что все необходимое, и даже с лихвой, было дано василевсу: 40 000 германских воинов-наемников и множество других ктиторов; памятники Рима, Афин, Александрии, Эфеса и т.д. вовлекались в новый имперский круг; планы и проекты самого императора (среди которых — храм 12 апостолов, куда Константин мечтал собрать мощи всех ближайших Христовых учеников; ипподром, место, равновеликое афинской агоре, т.е. проявления прямой демократии в действии, где каждый мог обратиться к императору с вопросом). Словом, строительство Царьграда (а так наши предки именовали этот чудесный город, место паломничеств и молитв, покаяния и эстетического любования), стало грандиозным действием, которое завершилось торжеством — 11 мая 330 года, сопровождавшимся ликованием длиною в 40 дней!

К сказанному нужно добавить следующее: этот святой город до сих пор превосходит многие (если не все) известные нам градостроительные проекты и решения — например, Рима, Афин, Милана, Трира. А Тырново, Трир, Киев и Москва, претендовавшие на роль второго Константинополя, в той или иной мере копировали его градостроительную структуру. И вовсе не случайно, ведь в Константинополе, как центре Византийской империи и цивилизации, сходятся небесная и земная истории, сочетаются «политическая» и «духовная» топографии¹⁴.

Но вернемся к биографии Константина Великого. Как это ни покажется чудесным, но свой многотрудный земной путь василевс Константин окончил следующим образом. В 337 году Константин, выступив в поход против персов, заболел и скончался в Никодимии. Перед своей смертью, наступившей в святой Праздник Пятидесятницы, он таки крестился и отошел к Господу как подлинно христианский император.

¹⁴ См.: *Краутхаймер Р.* Три христианские столицы. Топография и политика. СПб.: Алетей, 2000.

В дальнейшем дело василевса Константина Великого было продолжено его наследниками, но с ударением на сакральных свойствах Богом данной императорской власти. Речь идет о том, что уже придворный историк Константина Великого — Евсевий Памфил развивал идею о том, что василевс действует, царствует и живет «во Христе», а его деятельность божественна, его правление совместное со Христом. Недаром, во исполнение этого принципа, в Святой Софии будут стоять два трона: один — для василевса, другой — Христа!

Сам же Константин, и в этом проявляется метафизика его статуса, с определенного момента начинает осознавать себя (свое служение) как *сослужителя епископов*. Но важнейшее здесь — возложение на себя и реализация *функции религиозного спасения*. Причем спасения вселенского масштаба. Функция спасения в особенности четко просматривается в речи к I Вселенскому собору: «Бог освобождает через меня бесчисленное множество народов, подвергшихся игу сего рабства, через меня — своего служителя, и приводит к своему вечному Свету»¹⁵. Иначе говоря, на долю василевса выпало бремя создания «христианского народа» (Лев Диякон) из множества этносов языческого Рима, ранее претендовавших на исключительность (!). Но чудесным образом Византия, Византийская империя и цивилизация, выросшие из новой столицы — Града Константина, охватила практически все Средиземноморье, вовлекая в новую жизнь сотни и сотни народов.

Известно, что наряду с привычной литургической практикой (в которой император принимал участие наряду с патриархом) в Византии существовал также и *культ императора*. Поклонение императору было одновременно обязанностью и привилегией. Тем не менее, культ императора имел несколько измерений:

1) *календарь* (день освящения Константинополя — 11 мая, сопровождавшийся разнообразными празднествами, процессиями, императорскими аудиенциями, скачками на ипподроме и т.д.; 21 мая — день посещения могилы основателя византийской империи в церкви Святых Апостолов; Рождество Христово, Пасха, Богородичные праздники, праздник св. Илии пророка и т.д.);

¹⁵ Цит. по: Карташов А.В. Вселенские соборы. М.: Республика, 1994. С. 47.

2) *новую имперскую столицу — Константинополь*, по преданию названную Константином Великим в честь победы над Лицинием, собственноручно (копьем) очертившего контуры нового центра ойкумены; Константинополь, как известно, в свою градостроительную структуру включал элементы Рима и Иерусалима, являясь новым Римом и новым Иерусалимом (среди них можно назвать Золотые Ворота, храм-мавзолеей в честь свв. апостолов, заложённый храм в честь Софии — Премудрости Божией, храм св. Ирины, дворец, здание сената, ипподром, термы...);

3) *императорский дворец*, как средоточие политической и церковной жизни, где имел место разработанный в деталях церемониал, включавший в себя, в том числе, поставление на государственную должность;

4) *императорское церковное служение*, выражающееся в стабилизации религиозной ситуации в империи (эдикты 313–324), в частности, включение христианства в реестр имперских религий, его опека; созыв I Вселенского собора для выработки общего догматического учения и каноники, т.е. осуществление того, что можно назвать христианской политикой, в дальнейшем ставшей достоянием византийской политической культуры;

5) *императорские изображения* (форум и колонна Константина, портреты Константина Великого чеканились на монетах, ставились на клеймах, удостоверявших качество драгоценных металлов, официальных костюмах высших сановников, наконец, мерах и гириях).

Все сказанное подводит к мысли о том, что так великолепно начатый византийский «историал» (А. Корбе), как мы знаем, пришел к своему печальному концу. Причем при Константине XI Палеологе, до конца молившем Бога и Богородицу о спасении замечено скукожившейся империи, но и самолично сражавшемся в дружине защитников политической и духовной цитадели христианского мира¹⁶. Но цитадель пала, и главной причиной чаще всего считают духовную капитуляцию, точнее, подписанную византий-

¹⁶ См.: *Рансимен С.* Падение Константинополя в 1453 году. М.: Издательство Сретенского монастыря, 2008.

ским василевсом Иоанном VIII Палеологом и патриархом Константинопольским Григорием Маммой Ферраро-Флорентийскую унию (1438–1439 / 1440–1442).

В контексте идеи *translatio Imperii* важно вспомнить недавнее художественное открытие архимандрита Тихона (Шевкунова) — фильм «Гибель империи. Византийский урок» (2008). В нем, помимо выделения внутренних (олигархи, «национализмы» вместо имперскости, бездумное заигрывание с Западом, мораль гедонизма) и внешних (коварство западных элит и держав, выражающееся в военном, политическом, экономическом, религиозном и моральном «превосходстве» над Византией), автор фильма обобщил: «Исторические поражения Византии происходили тогда, когда сами византийцы изменяли основным принципам, на котором держалась империя»¹⁷.

Но существует и другая, глубинно-метафизическая версия, излагаемая в русском памятнике — «Повести о взятии Царьграда турками в 1453 году». Здесь говорится об особом откровении Константину Великому. Он и его свита как-то стали свидетелями схватки змеи и орла. Змея, вцепившись в орла, одолела его, как он ни старался изловчиться и нанести ей смертельный удар. Но люди, подбежав, убили змею и отняли у нее орла. Василевс призвал толкователей, и те вывели: орел — символ христианства, змея — символ мусульманства. Змея же одолела орла, а значит, мусульманство одолевает христианство. Но христиане убили змею, а орла отняли, и «явлено этим, что напоследок снова христианство одолевает мусульман, и Седьмохолмным овладеют, и в нем восцарятся»¹⁸.

Но личная судьба Константина Великого, его нового имперского дела и самое Византийской империи неумолимо ставят вопрос о преемственности, или *принципе исторической эстафетности*. Или начале русского «историала». Естественно, это 988 год и все последующие сакрально-политические действия, украшающие историю великой России вплоть до принятия служения по филофее-

¹⁷ Интервью с архимандритом Тихоном // Гибель империи. Византийский урок. Сценарий фильма. М., 2008. С. 225.

¹⁸ Повесть о взятии Царьграда турками в 1453 году // Памятники литературы Древней Руси: Вторая половина XV века. М.: Художественная литература, 1982. С. 219.

вой формуле «Москва — Третий Рим». Но русский «историал», помимо известных сотериологических обязательств, включает в себя тайну Константина, в форме притчи об орле и змее.

В редакции известного русского византолога Ф.И. Успенского принцип эстафетности звучит так: «По отношению к оставленному Византией наследству мы напрасно стали бы себя обманывать, что в нашей воле уклониться от деятельной роли в ликвидации дел по этому наследству. Хотя вообще от наследника зависит принимать наследство или отказаться, *но роль России в «Восточном вопросе» заведена историей и не может быть изменена по произволу*, если только какое-либо непредвиденное потрясение не даст нам способности забвения и не отшибет память о том, чем мы жили, к чему стремились и от чего страдали»¹⁹ (курсив мой. — Д.М.).

Как мы знаем, сам «восточный вопрос» был и остается инвариантным вопросом русской геополитики, русской религии спасения и культуры. Но сам этот вопрос есть нечто иное, как убиение змеи и спасение орла! Нисколько не сгущая краски, все же хотелось обратить внимание на то, что последние политические и духовные события в мире происходят в пространстве бывшей византийской ойкумены (буйство ИГИЛ, война в Сирии, миграционные потоки, «мудрая» внешняя политика Эрдогана, возвращение Крыма, конфликт в Донбассе и Нагорном Карабахе...). Но все они, тем не менее, уступают поворотному событию, совершившемуся в конце мая.

На святой горе Афон, по случаю чествования русских иноков, подвизавшихся здесь 1000 лет назад, паломничество совершили Президент и Патриарх. На долю Президента, а дело происходило 28 мая (28 мая 1453 года — последний, предсмертный день жизни Византии), выпало быть на особой церемонии, содержательно связанной с признанием его достоинства как василевса, защитника всех православных христиан. Такая милость (быть усаженным на место византийских василевсов), как мне кажется, имеет экстраординарное значение. Оно — в санкционировании В.В. Путину полномочий василевса в условиях глубочайшего духовно-нравственного кризиса мира и самого вселенского православия

¹⁹ Успенский Ф.И. История Византийской империи. М.: Мысль, 1996. Т. 1. С. 41.

(созыв VIII Вселенского собора патриархом Константинопольским=Вселенским Варфоломеем терпит неудачу). В противовес этому актуализируется вопрос о мессианстве Путина, который пытаются разгадать многие, включая А.А. Проханова. По его мнению, оно состоит, во-первых, в том, чтобы «разгромить метафизическую машину, уничтожающую русскую цивилизацию»; а во-вторых, в том, чтобы реализовать проект новой, «Евразийской империи»²⁰.

К сказанному я бы добавил следующее. Возможно, знаки времени как никогда ранее говорят о нынешнем «сверх-историале», соединившем «византийский» и «русский» «историалы» в единую цепь времен и смыслов. Соединивши через зримо проступившие в нынешнем правителе России архетипические черты василевса Константина Великого. И кто знает, как скоро василевс и патриарх вновь воздадут хвалу Всевышнему в чудесном храме Софии — Премудрости Божией! И двуглавый византийский орел вновь покроет своими крылами распадающуюся вселенную, дав ей новый шанс.

Язык как ключевой фактор становления русской цивилизации²¹

2015 год в России является годом русской литературы. Я думаю, что день рождения Александра Сергеевича Пушкина и праздник родного нам — русского языка логично вписывается в этот контекст. Более того, обязывает нас в очередной раз понять, принять и сделать стратегической нормой нашего цивилизационного развития русский язык.

²⁰ Проханов А.А. Мессианство Путина // Проханов А.А. Русский вихрь. М.: Книжный Клуб Книговек, 2014. С. 194.

²¹ Выступление на круглом столе «Пушкинский день в ДНР» в «Русском центре» Донецкой республиканской универсальной научной библиотеки имени Н.К. Крупской 06.06.2015.

В начале своего выступления мне бы хотелось напомнить о таких местах в Донецке, которые напоминают нам о Пушкине. Это, конечно же, Бульвар Пушкина, памятник в центре Бульвара, это не так давно построенный ресторан с соответствующим памятником, ну и находящееся в Донецком областном художественном музее замечательное полотно «Пушкин в Михайловском» кисти А.И. Лактионова.

Ну, теперь к теме доклада *«Язык как ключевой фактор становления русской цивилизации»*. Здесь сегодня говорилось на евангельскую тему, о том, что в начале бытия было Слово. Ну, без всякого сомнения, наша русская земля, то многообразие этносов, которые в древности населяли нашу землю, жили и развивались сообща, поскольку были объединены словом. В данном случае хочу здесь сослаться на величайшие памятники древнерусской литературы — «Слово о полку Игореве» и «Слово о законе и благодати» митрополита Иллариона Киевского.

С одной стороны, летописный, а с другой стороны, историософский тексты в общем-то поставили эти этносы в поток истории, посчитавши, что мы — молодое вино, хотя и для всякого молодого вина нужно иметь соответствующие меха, «новые меха». Ну и, как Вам известно, развитие письменность в Руси, развитие культуры как таковой, развитие социальности не могло бы осуществиться без кирилло-мефодиевской традиции, без создания соответствующего сакрального языка и на его основе легитимации всех сторон жизнедеятельности наших предков.

Собственно этот факт предопределил всю дальнейшую цивилизационную логику развития вплоть до забвения русского языка, наставшего после «прихода» в прорубленное Петром I «окно в Европу» западных языков и языков (народов), ведомых Наполеоном.

Какова роль Пушкина в этом процессе? Ведь он жил много лет спустя и по сути дела его место определялось в другой системе координат: считается, что Пушкин был ответом на прорубленное Петром «окно в Европу», т.е. реакцией на приход в Россию западных социокультурных ценностей и идеалов.

Делая небольшое отступление, я хотел бы напомнить, что Николай Яковлевич Данилевский, выводя законы бытия культурно-исторических типов (законы развития цивилизаций), посчитал, что

первым и самым важным законом развития любой цивилизации является закон лингвистический. Его формулировка выглядит так: «Этнос или группа народов тогда достигнут цивилизационной стадии развития, когда непосредственно и явно между ними будет сформирован языковой союз». Причем естественным путем, без всяких филологических изысканий. Подчеркну, прямо и непосредственно.

Если мы берем вот эту точку отсчета, Петровскую империю, сформированную по кальке прусского воинского общества, в которую был вдохнут дух французского просвещения с его языком, символикой и ценностями, то как бы ни пытались Ломоносов, Тредиаковский, Державин и другие переломить эту ситуацию, вплоть до Пушкина это было невозможно. Не было возможно именно оттого, что Россия после модернизации Петром ее культуры и ее социальности становится расколотой страной. Есть «верх» говорящий, мыслящий и полагающий смыслы европейские, отнюдь не русские, и есть «низ», так называемое «безмолвствующее большинство» («Борис Годунов»), и его традиция, которая выражалась в сказках, в былинах, в народном песенном жанре. Ну и в какой-то мере эта традиция сохранилась и была соотнесена с более широкой византийской православной традицией.

Что же делает Пушкин? Он соединяет обе эти традиции, традицию просвещения, европейскую традицию, в частности текстологическую традицию (эпос, роман, трагедию), с устной народной традицией, причем соединяет очень оригинально. В «Евгении Онегине», как и в «Дубровском», мы видим, что этот раскол существует, но Пушкин пытается его преодолеть, опять же указуя нам на русский архетип — Арину Родионовну, преображенного Дубровского, как носителей русских народных традиций и тех глубинных смыслов, той мудрости, которая соответствует сущности самой России, как цивилизации.

Кроме того, Александр Сергеевич в одной из ранних своих статей «О причинах, замедливших ход нашей словесности» высказался в пользу создания метафизического языка (повторная сакрализация языка, после его секуляризации). Поэт констатировал: нет в России языка, на котором мы могли думать, и которым бы мы политически, литературно, философски могли изъясняться.

Он формулирует саму задачу по созданию такового и сам блестяще решает ее в дальнейшем.

Анна Андреевна Ахматова, комментируя этот посыл, говорит нам о том, что Пушкин стремился к созданию языка с универсальными потенциями, при помощи которых современный русский язык будет языком социокультурного кодирования из сокровищницы трансцендентных смыслов. Вот та всемирная отзывчивость, о которой будет говорить Достоевский в своей «Пушкинской речи», она во многом и определяется тем, что мы способны к позиции вненаходимости, к соучастию в судьбе иных народов и культур. Но русский язык также является метафизическим, трансцендирующим языком потому, что культургенерирующие смыслы других народов, в том числе европейских, способен переводить на язык нашей автохтонной традиции. Наконец, язык раскрывает глубины русской народной души, манифестируя христианскую любовь и праведность.

Вот здесь, правда, есть одно «но», о котором вообще никогда не говорят, и только покойный А.С. Панарин в своей книге «Русская культура перед вызовом постмодернизма» обратил внимание на это обстоятельство. Он написал о том, что Пушкин создает парадигму развития России, предлагая нам медиатор (для жизни «верхов» и «низов», дворян и крестьян) в виде святоотеческой православной традиции (!). В этой связи вспомним «Капитанскую дочку». Гринев и Емельян Пугачев религиозно-нравственно находят общий язык, хотя их социальный статус, их политические пристрастия, их мировоззрение — разнятся, но в корне своем русские люди всегда понимают друг друга именно на уровне глубочайших метафизических, религиозных смыслов.

Поэтому обратите, пожалуйста, внимание, что Александр Сергеевич Пушкин занят и своеобразной герменейей православного Писания и Предания, а также агиографией. Молитву великую покаянную Ефрема Сирина он перелагает на стихотворный лад, он создает задел для «Исторического словаря русских святых». Да он пишет «Сказку о попе и его работнике Балде», начинается с определенного момента очень ревностно относиться к нашей святоотеческой, православной традиции. Иногда критически, поскольку секуляризация уже коснулась фундамента русской жизни и не могла не волновать Поэта.

Неудивительно поэтому, что и ревностно он относится к монарху, равно и к Империи. Я смело утверждаю, что Пушкин монархист и империалист, как бы кому того не хотелось. Цитирую его лицеистское стихотворение:

Полней, полней! и, сердцем возгоря,
Опять до дна, до капли выпивайте!
Но за кого? о други, угадайте...
Ура, наш царь! так выпьем за царя!
Он человек! им властвует мгновенье.
Он раб молвы, сомнений и страстей;
Простим ему неправое гоненье:
Он взял Париж, он основал Лицей.

Империализм у Пушкина. За одно это стихотворение, мне представляется, Александр Сергеевич заслужил память в веках. Речь идет о стихотворении «Зачем анафемой грозите Вы России». Я не буду читать это стихотворение полностью, но коснусь лишь концовки, поскольку она очень актуальна, потому что она говорит о русской цивилизации, как носительнице этого метафизического языка, порождающего национально, культурно, цивилизационно — смысл нашего бытия, но главное, порождающего русское самосознание. Образ России, созданный Пушкиным, это и есть словесный, вербальный, образный ключевой вклад его в развитие русской цивилизации.

Вы грозны на словах — попробуйте на деле!
Иль старый богатырь, покойный на постеле,
Не в силах завинтить свой измаильский штык?
Иль русского царя уже бессильно слово?
Иль нам с Европой спорить ново?
Иль русский от побед отвык?
Иль мало нас? Или от Перми до Тавриды,
От финских хладных скал до пламенной Колхиды,
От потрясенного Кремля
До стен недвижимого Китая,
Стальной щетиною сверкая,

Не встанет русская земля?..
Так высылайте ж к нам, витии,
Своих озлобленных сынов:
Есть место им в полях России,
Среди нечуждых им гробов.

Это я о том, что как бы там ни пыжились натовские и пентагоновские ястребы, как бы побольнее ужалить сейчас Россию в Македонии ли, в Приднестровье ли, и, естественно, у нас — в Донбассе, адекватный ответ будет найден.

Вот такой завет Пушкин нам оставил. Пушкин есть наше русское национальное самосознание!

Византизм и русское возрождение:
неуслышанный пророк
(к 185-летию со дня рождения
Константина Николаевича Леонтьева)²²

Этот год является особенно значимым для Константина Николаевича Леонтьева (инока Климента), поскольку исполняется 185 лет со дня его рождения и 125 лет со дня его кончины. Эти памятные даты вполне резонно инициируют повышенное внимание к личности и взглядам этого выдающегося русского философа, писателя, дипломата, общественного деятеля и православного инока. Речь не идет о создании «культа Леонтьева», в котором не нуждается ни он сам, ни его парадоксально правдивые идеи. Здесь вполне уместны слова Н.А. Бердяева, сказанные в его адрес: «К. Леонтьев остается живым и для нашего времени, для нашей религиозной и социальной мысли... Он действует в высшей степени возбуждающе на мысль, дает духовные импульсы».

²² Впервые опубликовано в журнале: Новая земля. 2016. № 1–2 (15). С. 46–50.

К.Н. Леонтьев родился 13 января 1831 года в имении Кудиново Мещовского уезда Калужской губернии, в древней дворянской семье. В детстве он получил не только хорошее домашнее образование, но и первую духовную формацию, поскольку в их семье «религиозное соединялось с изящным». В имении был собственный «Эрмитаж», библиотека и прекрасный сад. И все это сложилось благодаря его матери — Феодосии Петровне Леонтьевой (Карабановой), бывшей фрейлине императрицы Марии Федоровны. Именно мать впервые повезла сына в Оптину пустынь, после посещения которой он провидчески воскликнет: «Вы меня больше сюда не возите, а то я непременно тут останусь». Ей же он обязан «преданиям монархической любви и настоящего русского патриотизма». Конечно, такая духовно-аристократическая закваска сыграла решающую роль в дальнейших поисках смысла, обретения культурно-исторической, православно-государственной и эстетической системы жизненных координат. Но она сложилась в тяжелой внутренней нравственной борьбе, в т.ч. с собственными страстями и идейными заблуждениями (либерализмом), равно как и в борьбе с разнообразными внешними обстоятельствами.

Если кратко охарактеризовать траекторию личного пути К.Н. Леонтьева, то она очерчивается определенными циклами. Так, Константин Николаевич прошел через учебу в Смоленской и Калужской гимназиях, кадетство в Петербургском Дворянском полку (1841–1849), занятия на медицинском факультете Московского императорского университета (1849–1854), службу военным лекарем во время Крымской войны (1854–1856), период литературного, философского и гражданского самоопределения (1856–1863), службу на дипломатическом поприще (1863–1873)²³, достаточно сложный период духовных поисков и адаптации к пореформенной

²³ К.Н. Леонтьев служил секретарем и драгоманом консульства в Кандии (Крит), Андрианополе, затем в Белграде, вице-консулом в Тульче, консулом в Янине, наконец, консулом в Салониках. За свою деятельность на этом поприще он пожалован кавалером ордена св. Анны 3-й и 2-й ст. и кавалером ордена св. Станислава 2-й ст. Вообще же он дослужился до звания коллежского советника. В честь признания его заслуг как государственного деятеля и дипломата в 2006 году, на здании бывшего Императорского посольства в Константинополе была установлена памятная доска.

России (1874–1880), в т.ч. работу в Московском цензурном комитете (1880–1887), наконец, последние приговорительные к монашеству годы и собственно тайный иноческий постриг, состоявшийся 13 августа 1891 года.

Проще, перед нами целый ряд качественных личностных метаморфоз, которых, наверное, хватило бы на несколько биографий. По ходу нужно заметить, что И.С. Тургенев прочил К.Н. Леонтьеву гениальную писательскую карьеру (наряду с Ф.М. Достоевским и Л.Н. Толстым), Л.Н. Толстой считал Константина Николаевича единственным достойным философом России, а император Александр II после прочтения его «России, Востока и славянства» пришел в восторг! Но для понимания его мировоззрения, исторических, политических и культурных воззрений, наиболее важен именно православный фундамент.

Говоря о нем, нельзя обойти вниманием факта формирования К.Н. Леонтьева в ограде двух монастырей — «Руссика» или Свято-Пантелеймонова монастыря на Афоне и Свято-Введенской Оптиной пустыни в Козельске. Именно в них мыслитель находит чутких к его эстетически настроенной душе и тонкому уму наставников: на Афоне — архимандрита Макария (Сушкина) и иеросхимонаха Иеронима (Соломенцова), в Оптиной пустыни — о. Климента (Зедергольма) и о. Амвросия (Гренкова). И в том и в другом случае, мы встречаемся с прекрасными катехизаторами (учителями теории) и старцами (руководителями самой жизни в ее частностях).

Именно из афонских, а затем и русских монастырей, из духовной динамики их жизни, Константин Николаевич опытно познал и вынес свою, пожалуй, главную интуицию, посвященную устройству бытия русской цивилизации. Речь идет о *византизме, как идейно-ценностном комплексе, лежащем в основе всего объема социокультурных процессов Руси-России*. Не случайно он неоднократно делал ударение на том, что *«Византийские идеи и чувства сплотили в одно тело полудикую Русь. Византизм дал нам силу перенести татарский погром и долгое данничество. Византийский образ Спаса осенял на великокняжеском знамени верующие войска Димитрия на том бранном поле, где мы впервые показали*

татарам, что Русь Московская уже не прежняя раздробленная, растерзанная Русь! Византизм дал нам всю силу нашу в борьбе с Польшей, со шведами, с Францией и с Турцией. Под его знаменем, если мы будем ему верны, мы, конечно, будем в силах выдержать натиск и целой интернациональной Европы...»²⁴

Однако, кроме открытия «византизма» (и византийского культурно-исторического типа, который не разглядел Н.Я. Данилевский), его заслугой является конструктивная критика западной либерально-центрированной цивилизации, взявшей на себя роль пионера истории в условиях «вторичного смесительного упрощения» или распада своих главных цивилизационных институтов и антропокода. Думается, что и сегодня «карикатурная Европа прогрессивного самообольщения», как и ее производная — «Все-Америка», своими глобальными инструментами охватившая весь мир, представляют серьезные проблемы не только социального познания, но и бытия. Точнее, эволюционных перспектив развития дискретного человечества.

Тем не менее, для того чтобы понять смысл леонтьевской концепции, еще раз затронем тему Афона. Связь Леонтьева со Святой Горой — Афоном, мистическая и идейная, личная и эстетическая продолжилась и после возвращения в Россию. В этой связи важно и его личное (навеянное Афоном) признание: «возгоревшись сердечной верой, еще и долгою политической деятельностью в среде восточных христиан, я понял почти сразу и то, что я сам лично вне Православия спасен быть не могу, и то, что государственная Россия без строжайшего охранения православной дисциплины разрушится еще скорее многих других держав, и то, наконец, что культурной самобытности нашей мы должны по-прежнему искать в греко-российских корнях наших...»

Откуда, спрашивается, проистекает такой вывод?

Итак, во время своего служения в Азиатском департаменте Министерства иностранных дел, в июле 1871 года в его жизни

²⁴ Леонтьев К.Н. Византизм и славянство // Леонтьев К.Н. Восток, Россия и славянство: Философская и политическая публицистика. Духовная проза (1872–1891) / Общ. ред, сост. и коммент. Г.Б. Кремнева; вступ. ст. и коммент. В.И. Косика. М.: Республика, 1996. С. 104.

происходит духовный перелом и вполне искреннее обращение к православию. Иначе говоря, Леонтьевым была пройдена «заветная черта» и открылось прежнее ничтожество жизни. Но это стало возможно благодаря физическому и духовному страху, страху перед Богом и Церковью, как он сам определял его.

В тот момент Леонтьев выполнял свои консульские обязанности в своем округе (Салоники), он заразился холерой и слег. Далее было то, что можно назвать чудесным исцелением. Историю о своем «внутреннем перерождении» он писал не раз, но наиболее точно она передана незадолго до смерти в письме к В.В. Розанову. Здесь, в частности, говорится следующее: «Причин было *много* разом, и *сердечных*, и *умственных*, и, наконец, тех *внешних* и, *повидимому* (только) *случайных*, в которых нередко гораздо больше открывается Высшая Телеология, чем в ясных самому человеку его внутренних перерождениях... Одним словом: все главное мною сделано после 1872–1873, т.е. после поездки на Афон и после *страстного* обращения к *личному* православию... *Личная вера* почему-то *вдруг* dokonчила в 40 лет и политическое, и художественное воспитание мое. Это до сих пор удивляет меня и остается для меня таинственным и непонятным. Но в *лето 1871 года*, когда консулом в Салониках, лежа на диване в страхе *неожиданной* смерти (от сильнейшего приступа *холеры*), я смотрел на образ Божией Матери (только что привезенный мне монахом с Афона), я *ничего этого* предвидеть еще не мог, и все литературные планы мои были даже очень смутны. Я думал в ту минуту даже *не о спасении* души (ибо вера в *Личного Бога* давно далась мне гораздо легче, чем вера в *мое собственное личное бессмертие*); я, обыкновенно вовсе не боязливый, пришел в ужас просто от мысли о *телесной* смерти, и, будучи уже заранее подготовлен (как я уже сказал) целым рядом других психологических превращений, симпатий и отвращений, я *вдруг*, в одну минуту, *поверил* в существование и могущество *этой Божией Матери*; поверил так ощутительно и твердо, как если бы видел перед собою *живую, знакомую, действительную* женщину, очень добрую и очень могущественную, и воскликнул: «Матерь Божия! *Рано!* Рано умирать мне!.. Я еще ничего не сделал достойного моих способностей и вел в *высшей*

степени развратную, утонченно-грешную жизнь!»²⁵ (курсив. — К.Л.). И далее следует обет Пресвятой Богородице: «Подыми меня с этого одра смерти. Я поеду на Афон, поклонюсь старцам, чтобы они обратили меня в *простого и настоящего* православного, верующего и в *среду*, и в *пятницу*, и в чудеса, и даже постригусь в монахи...»²⁶ (курсив. — К.Л.).

После этого он впал в забытие, крепко заснул (проспал почти целые сутки), а проснулся вполне здоровым человеком. Данный Пресвятой Богородице обет он начал выполнять незамедлительно, несмотря на свой дипломатический статус и соответствующие ему функции. Под впечатлением произошедших с ним перемен он верхом на лошади отправился на Афон. Почти год К.Н. Леонтьев прожил на Афоне, пройдя там настоящую школу православной (византийской) аскетики, которая стала основой его философско-исторических и политических взглядов.

Касаясь этого аспекта его творчества, нужно лишь подчеркнуть, что основой русской и группы юго- и восточнославянских, греческой, грузинской и других культур. Итак, «*Византизм — читаем в его главном трактате, — есть особого рода образованность или культура*»²⁷. Иначе говоря, он представляет собой систему церковно-государственных, общественно-бытовых, нравственных и эстетических идей, благодаря которым Византийская империя как самобытная цивилизация просуществовала 1123 года (с 330 по 1453). А погибла, что показал уже в наше время архимандрит Тихон (Шевкунов) в своем замечательном фильме — «Гибель империи. Византийский урок», по сути, отказавшись от собственно православно-византийских принципов организации жизни.

²⁵ Письмо К.Н. Леонтьева — В.В. Розанову от 13 августа 1891 года // *Розанов В.В. Собрание сочинений. Литературные изгнанники*: Н.Н. Страхов. К.Н. Леонтьев. М.: Республика, 2001. С. 377, 378.

²⁶ Письмо К.Н. Леонтьева — В.В. Розанову от 13 августа 1891 года // *Розанов В.В. Собрание сочинений. Литературные изгнанники*: Н.Н. Страхов. К.Н. Леонтьев. М.: Республика, 2001. С. 378.

²⁷ *Леонтьев К.Н. Византизм и славянство* // *Леонтьев К.Н. Восток, Россия и славянство: Философская и политическая публицистика. Духовная проза (1872–1891)* / Общ. ред. сост. и коммент. Г.Б. Кремнева; вступ. ст. и коммент. В.И. Косика. М.: Республика, 1996. С. 94.

Константин Николаевич справедливо полагал, что византийское православие, пришедшее на Русь и ею органично усвоенное, имеет в себе две стороны: «для государственной общности и для семейной жизни оно есть религия *дисциплины*. Для внутренней жизни нашего сердца — оно есть религия *разочарования*, религия безнадежности на что бы то ни было земное»²⁸ (курсив. — К.Л.). Эти два модуса «византизма», заимствованные от «материнской цивилизации», являются решающими в деле построения онтологии «дочерней» — русской цивилизации.

Набрасывая проект новой русской цивилизации, мыслитель включил в него такие подсистемы, как: 1) *государство* (пестро, сложно, крепко, сословно, с осторожностью подвижно, сурово, иногда до свирепости); 2) *церковь* как независимый институт, своими действиями смягчающий государство, а церковная иерархия должна быть властнее и сосредоточеннее; 3) *быт* как выражение поэзии, разнообразия в национальном, обособленном от Запада единстве; 4) *законы*, которые должны быть строже, а люди должны стараться быть лично добрее; одно уравнивает другое; 5) *науку*, призванную развиваться в духе глубокого презрения к своей пользе.

Конечно, леонтьевские формулы могут показаться слишком жесткими, но если учитывать, что их антитезой является западная «религия прогресса», эгоистически понятая свобода и последовательный рационализм, крайний индивидуализм и эвдемонизм, то они вполне правомочны.

Но вернемся к нашему герою, который увидел в «монашеской республике» сохранившиеся (живые) ткани византийской цивилизации и ее благочестия. Афон того времени представлял собой достаточно интересное явление, не укладывавшееся в логику жизни Османской империи. О цветущем своей сложностью феномене Святой Горы Константин Леонтьев поведал в своих знаменитых произведениях афонского цикла и ряде других сочинений, в том числе в дипломатических донесениях.

Например, ему как русскому консулу пришлось выступить в роли миротворца в конфликте иноков Ильинского скита греческо-

²⁸ Леонтьев К.Н. Четыре письма с Афона. Письмо 4-е // Леонтьев К.Н. Моя литературная судьба. Воспоминания. М.: Русская книга, 2002. С. 469.

го монастыря Пантократор. После кончины игумена скита о. Паисия братия долго не могла избрать наставника, поскольку часть ее не соглашалась с завещанием прежнего настоятеля. В нем говорилось, что игумен должен быть из внешней среды (либо насельник Киево-Печерской лавры о. Гervasий, живущий на Святой Горе в отшельничестве, либо о. Израиль). Братия же видела в приемниках о. Иннокентия или о. Андрея. Протат (местный монашеский синод) и каймакам (турецкий чиновник) Святой Горы наблюдали за развитием ситуации и готовы были вмешаться. Последний — даже используя силу жандармов. Леонтьев же провел беседы со всеми сторонами конфликта — расколовшейся братией Ильинского скита, греческими монахами из Пантократора и русскими иноками из «Руссика», Протатом и каймакомом, и, самое важное, с о. Гervasием. Последний был избран настоятелем Ильинского скита, а на зачинщиков конфликта была наложена епитимья²⁹.

Но важно и другое: в «Письмах с Афона», в частности, он дал пространное описание всех существующих на Святой Горе монастырей, традиций и монашеских жизненных укладов. Так, согласно его наблюдениям, на Афоне сложились следующие образы жизни: 1) *киновии*: общежительные монастыри, где все общее, где все равны, где большая строгость; 2) *идиоритмы*, свособычные монастыри, где не все общее и где каждый имеет значительную долю свободы; 3) *отдельные келии* (дома с домовыми церквями) вне монастырей, где протекает жизнь без определенного устава; 4) *каливы* — пустые хижины без домовых церквей; 5) *жизнь в скитах русских*, наподобие общежительных монастырей; 6) *жизнь в скитах греческих*, наподобие села, состоящего из отдельных домов или келий; устав строгий, но жизнь напоминает идиоритмы; 7) *отдельные монашеские квартиры в Карее*, афонском городке; 8) *пещеры в лесах, по берегу моря, в безлесных скалах, под камнями и открытым небом*³⁰.

²⁹ См.: *Донесение К.Н. Леонтьева* — Н.П. Игнатьеву от 9.11.1871 г. // *Долгов К.М. Восхождение на Афон: Жизнь и мирозерцание Константина Леонтьева*. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Отчий дом, 2008. Приложение. С. 600–610.

³⁰ *Леонтьев К.Н. Четыре письма с Афона. Письмо 2-е* // *Леонтьев К.Н. Моя литературная судьба. Воспоминания*. М.: Русская книга, 2002. С. 442.

Эта «цветущая сложность» монашеской республики настолько очаровала эстета Леонтьева, особенно Великим постом и Пасхой, что он воскликнул: «эта гора мало-помалу начинает пестреть и становится веселой и прекрасной, как богатый, расписной ковер»³¹. И конечно, на этом ковре «Русрик» выглядел как особый, неповторимый узор. Здесь совершались и до сих пор совершаются великие подвиги во имя спасения человечества.

Но для темы русского возрождения важен и иной ракурс леонтьевского наследия, сегодня имеющий прямое отношение к дискуссиям о русском социализме как аутентичном России социально-политическом строе.

Важно подчеркнуть, что на Афонской горе существует традиция складывания фрагментов печатей отдельных монастырей (греческих, болгарских, русских, сербских и др.) в одну печать, выражающую *христианский соборный принцип единомыслия в главном*. При этом «равенство неравных» есть предзаданный макет отношений, генетически восходящий к отношениям Лиц Святой Троицы, апостольской общины и т.д.

Более того, в поздний период творчества, в небольшом кругу своих последователей и единомышленников (среди которых Л.А. Тихомиров, о. Иосиф Фудель, А.А. Александров, Я.А. Денисов, Г.И. Замараев, И.И. Кристи и др.), он разрабатывал концепцию семи столпов будущей русской культуры — *гептастилизм*. В частности, в ней находим, что русская культура и цивилизация может состояться в случае реализации семи столпов: 1) *православия как основы жизни*; 2) *монархического государства*; 3) *сословного общества*; 4) *экономики, построенной на традициях «реального социализма» киновий Афона*; 5) *дифференцированной бытовой сферы*; 6) *презирающей свой утилитаризм науки*; 7) *философии и художественного творчества*³².

³¹ Леонтьев К.Н. Пасха на Афонской горе // Леонтьев К.Н. Восток, Россия и славянство: Философская и политическая публицистика. Духовная проза (1872–1891) / Общ. ред, сост. и коммент. Г.Б. Кремнева; вступ. ст. и коммент. В.И. Косика. М.: Республика, 1996. С. 346.

³² См.: Фетисенко О.Л. Гептастилисты: Константин Леонтьев, его собеседники и ученики. СПб.: Пушкинский Дом, 2012. С. 89.

Тем не менее, эта модель подразумевала опору на социально-экономические отношения, веками складывавшиеся и воспроизводящиеся на Афоне, где хотя и существует разница в поземельных отношениях и правах, но хозяйственные инициативы и их результаты целиком находятся в распоряжении организованных общих и отдельных подвижников. Иначе говоря, всех!

При этом К.Н. Леонтьев отдавал себе отчет в том, что Россия с времен царствования императора Александра II уже пошла по пути либерального и эгалитарного «прогресса».

В частности, его цивилизационный «проект» был нацелен на то, чтобы создать устойчивый цивилизационный мир России. Для того чтобы выстоять в агрессивной международной среде, Россия должна непременно соблюсти у себя следующие четыре условия: «1) *усилить* (по возможности) *религиозность* высшего класса общества; 2) *утвердить глубокую сословную разницу* (при сохранении доступности высшего слоя); 3) *уменьшить донельзя подвижность* экономического строя; *укрепить* законами *недвижность* двух основных своих условий — высшего правящего и низшего рабочего; 4) улучшить *вещественное* экономическое положение рабочего класса настолько, чтобы при неизбежном (к несчастью) дальнейшем практическом обращении с Западом русский простолюдин видел бы ясно, что его государственные, сословные и общинные «цепи» гораздо удобнее для материальной жизни, чем свобода западного пролетариата»³³.

Конечно, эти меры сложно выполнимы в условиях: старости народов и человечества; его увлеченности «техническими премудростями»; либеральным разложением индивида; социальной дифференциацией, секуляризацией и рационализацией. Поэтому прогнозика Леонтьева скорее пессимистична, точнее, эсхатологична, ибо рай на земле — мечта мыслителей и обывателей Запада — невозможен!

Но вообще, перед человечеством стоял (и стоит) общецивилизационный выбор. Как мне удалось показать, основных вариантов

³³ Леонтьев К.Н. Культурный идеал и племенная политика // Леонтьев К.Н. Восток, Россия и Славянство: Философская и политическая публицистика. Духовная проза (1872–1891) / Общ. ред, сост. и коммент. Г.Б. Кремнева; вступ. ст. и коммент. В.И. Косика. М.: Республика, 1996. С. 623–624.

изменения соотношения исторических сил, в динамике которых Россия или окончательно обретет себя, или потеряет навсегда, можно выделить пять:

– *вариант цивилизационного симбиоза*, т.е. соединения китайской государственности и индийской религиозности с последующим подчинением европейского социализма их однозначно-дисциплинирующим началам;

– *вариант цивилизационно-геополитического рывка России*, т.е. «передвижение русской жизни» на берега Босфора, т.е. образование новой антизападной, антибуржуазной цивилизации, куда должны войти Османская империя, греческое царство и те славяне, которые готовы оттолкнуться от европейской (прогрессивно-разлагающейся) цивилизации и сформировать новое русло исторического процесса;

– *вариант цивилизационного коллапса России*, т.е. ее и других славян полного банкротства (в смысле превращения этих этносов в бесцветных и пошлых «европоидов») с последующей зачисткой их территорий племенами «от стен недвижного Китая»;

– *вариант переориентировки России на социалистическую перспективу*, в смысле «нового средневековья» с Царем во главе, с новой иерархически организованной социальностью, и выступающей в виде альтернативы всеобщему всесмешению, «все-Америке» (но это, по-видимому, путь невиданных ранее насилия и крови, а не мирных реформ!);

– *вариант безответного, монологического бытия Запада*, при котором сам Запад трансформируется в «одну либеральную и нигилистическую республику» или «всебуржуазный, всетихий, всемелкий Эдем», а затем в качестве образца приходит в Петербург, Киев, Царьград, требуя отречения от династии, веры, бытовой поэтики и народных традиций³⁴.

Как видим, перед нами чрезвычайно идейно-богатое наследие, которое сочетает в себе эвристику и крайнюю противоречивость. А наряду с ними — веру, надежду и любовь в торжество России, в ее нравственное величие.

³⁴ Муза Д.Е. Константин Николаевич Леонтьев: личностный миф и драма идей в контексте поиска духовного смысла истории. М.: Либроком, 2012. С. 88–89.

Завершить этот экскурс в мир К.Н. Леонтьева хотелось бы поэтическими строками Александра Городницкого, посвященными выдающемуся русскому мыслителю:

«Россию нужно подморозить,
Чтобы Россия не гнила».
В леонтьевской предсмертной прозе
Любая фраза тяжела.
На койке монастырской узкой,
В последний собираясь рейс,
Он утверждает: «Надо русским
Сорваться с европейских рельс».
Он пишет, скорбный и увечный,
Смиряя боль в суставах рук,
Что кроме гибели конечной,
Недостоверно все вокруг.
«Нам конституция опасней,
Чем пугачевщина, — увы».
В окне — листва березы красной
На фоне бледной синевы.
Над белокаменной Лаврой
Витает колокольный звон.
Ах, неужели мы не правы
И правым оказался он?
В краю, где над морями бедствий
Горят кресты церковных вех
И близким связаны соседством
Слова «успенье» и «успех»?

С.Н. Булгаков о софийной природе бытия: попытка аксиологической транскрипции³⁵

Общеизвестно, что Сергей Николаевич Булгаков (1871–1944) представлял парадигму всеединства в русской мысли, в том числе, оригинально развивая софиологическую тему, идущую от В.С. Соловьева, но также своеобразно заявленную и преломленную такими известными представителями Серебряного века, как о. Павел Флоренский, кн. Е.Н. Трубецкой, Л.П. Карсавин.

Тем не менее, «спор о Софии», к которому непосредственно причастен как о. Сергей Булгаков, так и его многочисленные комментаторы и критики, включая современных, далек от своего завершения. Свидетельством чему являются материалы тематических конференций, посвященных его наследию³⁶, статьи в «Православной энциклопедии» и энциклопедии «Русская философия».

Так, чтобы понять общую и притом не «снятую» интригу, имеющую место в современном булгаковедении, сошлюсь на материалы указанных энциклопедий.

В одной из них сказано, что основные смысловые коннотации его учения о Софии следующие: 1) София как ипостась Божества; 2) София как тварно-нетварная посредница между Богом и миром; 3) София как «вечная женственность»³⁷. В другой же: понятие София «в самом первом приближении можно истолковать как предвечный замысел Божий о мире и человеке»³⁸.

³⁵ Впервые опубликовано в журнале «Гуманитарий Юга России». 2016. № 2. С. 160–174. Соавтор — профессор Оленич Т.С.

³⁶ С.Н. Булгаков: Религиозно-философский путь: Международная научная конференция, посвященная 130-летию со дня рождения / Научная редакция А.П. Козырева; сост. М.А. Васильева, А.П. Козырев. М.: Русский путь, 2003; Героизм и подвижничество. Творчество С.Н. Булгакова в современном дискурсе (к 130-летию со дня рождения С.Н. Булгакова): Украинский журнал русской философии. Вестник Общества русской философии при Украинском философском фонде. Киев: Радуга, 2005. Вып. 2.

³⁷ Резниченко А.И. Булгаков // Православная энциклопедия. Т. 6. [www.pravenc.ru/text/153629.html (28.03.2015)].

³⁸ Сапов В.В. Булгаков Сергей Николаевич // Русская философия: Энциклопедия. 2-е изд., дораб. и доп. / Под общ. ред. М.А. Маслина. Сост. П.П. Апрышко, А.П. Поляков. М.: Книжный клуб Книговек, 2014. С. 75.

Собственно такой «конфликт интерпретаций» носит объективный характер, поскольку софиологическая система С.Н. Булгакова строилась на протяжении 30 с лишним лет и, похоже, не была закруглена в итоговую формулу. Отсюда — отсутствие общего знаменателя в ее понимании, который пока не создан. Хотя попытки в этом направлении делаются регулярно³⁹.

Не претендуя на реализацию такого замысла в полной мере, в данной статье нам бы хотелось высказать ряд соображений, касающихся аксиологической фокусировки в вопросе понимания Софии, точнее, в ценностном видении софийной природы бытия, познания, практики.

Рассмотрение заявленной проблемы нужно начать с определения хронологии и логики творчества мыслителя.

Если говорить о трудах Булгакова, то их можно расценивать как манифестацию трех увлечений: политэкономией, философией и богословием. Отсюда градация на три главных периода творчества — социально-экономический (1898–1912) и сугубо богословский (1923–1944). Между ними располагается период философских поисков и синтезов, и связан он с Крымом.

Проще говоря, именно на крымской земле были подведены своеобразные итоги прежних мировоззренческих поисков, наиболее последовательно и четко выраженных в сборнике, посвященном природе общественных идеалов — «Два града» (1911), докторской диссертации «Философия хозяйства» (1912) и «духовной автобиографии» — «Свете невечернем» (1917) и «Тихих думах» (1918). С другой стороны, — намечены контуры предстоящей грандиозной богословской систематики — трилогии «О Богочеловечестве»: «Агнец Божий» (1933), «Невеста Агнца» (1946), «Утешитель» (1936), а также примыкающей к ней заключительной книге «Апокалипсис Иоанна» (1944).

Но прежде чем предложить содержательную транскрипцию названных работ под интересующим нас углом зрения, а значит, — его философско-богословского кредо тех лет, необходимо припом-

³⁹ *Аржаковські А.* Отець Сергій Булгаков: Нариси про християнського філософа та богослова (1871–1944). Львів: Від. Українського Католицького університету, 2007.

нить, какова общая мировоззренческая позиция философа, — до, а также после его крымского периода жизни. Разумеется, здесь нужна путеводная нить, способная привести не только к воссозданию облика мыслителя, а также к мотивированной историко-философской реконструкции. Она должна вывести на проблематику, всегда его «сверлившую».

В этом отношении сентенция Г.Д. Гачева, думается, может сослужить хорошую службу: «Философия Булгакова — это мирозерцание русского мужика-земледельца, поднятое до самых интеллектуальных высей...»⁴⁰ От себя добавлю: не сколько интеллектуальных, сколько духовно-ценностных. О чем, например, свидетельствует «Дневник духовный» отца Сергия, особенно запись в нем, сделанная 17/30. VIII. 1924 года: «Над тобою бдит ангел, охранитель душ и телес наших, все святые, Матерь Божия, а ты бди только и храни сердце твое, его отдай и принеси Богу, его наполни елеем любви и радования»⁴¹.

Итак, попытаемся, ухватившись за эту нить, пройти вместе с С.Н. Булгаковым к высотам его созерцающего духа, который направлен и на Бога, и на мир Божий, и на Софию как центральную категорию его мысле- и житнетворчества, и конечно же на человека, как образ и подобие Творца.

В своей заметке «Мое безбожие» философ так описал собственный лик: «Я родился и вырос под кровом церковным, и это навсегда определило мою природу»⁴². И несмотря на потерю веры в Бога, в том числе, в полной мере вкусив яд «интеллигенщины» со всеми вытекающими последствиями, мыслителя всегда сопровождало «бессознательное религиозное вдохновение». Речь идет о событиях, связанных с Богородичными праздниками (накануне или после которых у Булгакова были всевозможные неприятности, вплоть до ареста; но Матерь Божия, как он считал, всегда заступа-

⁴⁰ Гачев Г.Д. Русская дума. Портреты русских мыслителей. М.: Новости, 1991. С. 227.

⁴¹ Протоиерей Сергей Булгаков. Дневник духовный. М.: Общедоступный православный университет, основанный протоиереем Александром Менем, 2003. С. 33.

⁴² Булгаков С.Н. Мое безбожие // Булгаков С.Н. Тихие думы. М.: Республика, 1996. С. 319.

лась за него), о видении «Белого царя» на набережной Ялты⁴³, о видении потустороннего мира при погребении сына Ивашечки в Кореизе, о «мукe духовного рождения» перед принятием священнического сана⁴⁴. Но самое, пожалуй, важное — это переживание от увиденного в Дрезденской картинной галерее.

Последнее впечатление нуждается в иллюстрации: «И вдруг неожиданная, чудесная встреча: Сикстинская Богоматерь в Дрездене, Сама Ты коснулась моего сердца, и затрепетало оно от Твоего зова... И там мне глянули в душу Очи Царицы Небесной, грядущей на облаках с Предвечным Младенцем. В них была безмерная *сила чистоты и прозорливой жертвенности*, знание страдания и готовность на вольное страдание, и та же вещая жертвенность виделась в недетски мудрых очах Младенца...». И далее: «Я не помнил себя, голова у меня кружилась, из глаз текли радостные и вместе горькие слезы, а с ними на сердце таял лед, и разрешался какой-то жизненный узел. Это не было эстетическое волнение, нет, то была *встреча*, новое знание, чудо... Я (тогда марксист!) невольно называл это созерцание *молитвой* и всякое утро, стремясь попасть в Zwinger, пока никого там еще не было, бежал туда, пред лицо Мадонны, “молиться”, и плакать, и немного найдется в жизни мгновений, которые были бы блаженнее этих слез...»⁴⁵ (курсив. — С.Б.).

Думается, что именно Богородичный образ и соответствующий ему мотив как раз и стали доминирующими в мирозозерцании русского философа. Следует подчеркнуть, что этот мотив подкреплен доводом об особо важной роли религиозного чувства в бытии всякого человека и культуры. Поэтому, собственно, религия и личный опыт трактуются им как постижение и переживание

⁴³ Легшее в основу статьи «Родине».

⁴⁴ Нужно заметить, что Булгаков принял священнический сан на фоне заметных преследований инакомыслящих советской властью. Из-за этих опасений он отправляет семью в Крым, а сам он 23 июня 1918 года в день Пятидесятницы по благословению патриарха Тихона был рукоположен во диаконы, а на следующий — Свято-Духов день во священники. Рукоположение совершалось в присутствии его ближайших друзей — философов Серебряного века: о. Павла Флоренского, Н. Бердяева, Л. Шестова, кн. Е. Трубецкого, Вяч. Иванова и др.

⁴⁵ *Булгаков С.Н.* Свет не вечерний. Созерцания и умозрения. М.: Республика, 1994. С. 14.

трансцендентных сфер, которые, по своей аксиологической сути, служат главным источником всякого творчества.

После этих замечаний нужно обратиться к его софиологическому учению, выраженному, как считается, в первом приближении — в «Философии хозяйства», затем — в «Свете невечернем», так и в указанной богословской трилогии.

В книге «Свет невечерний» философ определял Софию через космологический аспект, однако он связан с «вечной женственностью»: «В женственности — Тайна мира... Ангелом твари и началом путей Божиих является св. София. Она есть *любовь Любви*. Божественное триединство, Бог-Любовь, в Своем замкнутом, самодовлеющем, вечном акте Божественной, субстанциальной Любви внеполагает (в смысле метафизической внеположенности) предмет этой Божественной Любви, любит его и тем изливает на него животворящую силу триипостасной Любви. Конечно, этот предмет любви не есть только абстрактная идея или мертвое зеркало, им может быть лишь живое существо, имеющее лицо, ипостась. И эта любовь есть София, вечный предмет Любви Божией, “услаждения”, “радости”, “игры”»⁴⁶.

Нужно отметить, что данный мотив восходит к Вл. Соловьеву⁴⁷, но Булгаков идет дальше по пути конкретизации идеи Софии как «мостика между небом и землей, движение по которому осуществляется в обоих направлениях», признавая вместе с этим и правоту соловьевской художественной интуиции о «Вечной женственности»:

О лучезарная! тобой я не обманут:
Я всю тебя в пустыне увидал...
В моей душе те розы не завянут,
Куда бы ни умчал житейский вал.

⁴⁶ Булгаков С.Н. Свет невечерний. Созерцания и умозрения. М.: Республика, 1994. С. 186, 187.

⁴⁷ Напр., софиологическая тема заявлена В.С. Соловьевым в неоконченной работе «София», в поэме «Три свидания». Далее она развита, хотя и в несколько модифицированном виде, в «Философских началах цельного знания», «Чтениях о богочеловечестве» и «Смысле любви».

Один лишь миг! Видение сокрылось —
И солнца шар всходил на небосклон.
В пустыне тишина. Душа молилась,
И не смолкал в ней благовестный звон.

* * *

Еще невольник суетному миру,
Под грубою корою вещества
Так я прозрел нетленную порфиру
И ошутил сиянье божества⁴⁸.

В частности, нужно вспомнить, что С.Н. Булгаков шел от понимания Софии в качестве «трансцендентального субъекта и знания, и хозяйства, и истории»⁴⁹, — к Софии как «природе Божией, уссии, Всеединству»⁵⁰. В таком качестве она способна одолеть хаос (дисгармонию) современного «хаотического механизма» или мира, вставшего на путь технического прогресса.

Но если здесь София трактуется как четвертая ипостась Бога, то в дальнейшем, пройдя через горнило мощной критики⁵¹, Булга-

⁴⁸ Соловьев В.С. Три свидания // Соловьев В.С. Стихотворения и шуточные пьесы. Л.: Советский писатель, 1974. С. 130–131.

⁴⁹ Булгаков С.Н. *Философия хозяйства* // Булгаков С.Н. Сочинения: В 2 т. М.: Наука, 1993. Т. 1. Философия хозяйства. Трагедия философии. С. 144.

⁵⁰ Протоиерей Сергей Булгаков. Агнец Божий. М.: Общедоступный православный университет, 2000. Ч. 1. О Богочеловечестве. С. 133.

⁵¹ В т.ч., в нелепых обвинениях в ереси! В 1933 году после выхода «Агнца Божия», митрополитом Сергием (Старгородским) и богословской комиссией РПЦ было предложено считать учение о Софии Булгакова как не соответствующее учению православной церкви. Особую роль в этой богословско-философской драме сыграла работа архиепископа Серафима (Соболева). В ней, в частности: определено: «В этом хаосе с еретической настойчивостью проводится, как самая главная, болезненная мысль, что «София есть «Все», а «Все» есть София», которая на самом деле есть ничто, — нелепая, кощунственная фантазия древних гностиков, принявшая новую форму в учении отца Булгакова». См.: *Серафим (Соболев), архиепископ. Новое учение о Софии Премудрости Божией*. Краснодар: б.и., 2006. С. 366. И это при том, что библейские, литургические, иконографические и иные аргументы не принимались в расчет.

Помимо этого, организованное о. Сергием по благословению патриарха все-российского Тихона и митрополита Петроградского Вениамина братство Святой Софии декларировало иные принципы: раскрытие смысла христианской Тради-

кову пришлось скорректировать свое понимание в пользу совмещения Софии с Троичностью Бога. Но, кроме того, имеет место и редакция Софии в виде «мира идей», «идеальной основы мира», что может быть квалифицировано как присутствие платонизма (неоплатонизма) в его воззрениях.

ции, фундаментальным компонентом которой явилась София — Премудрость Божия; братское единение и общение его членов, работающих в различных областях церковной и церковно-просветительской жизни. (См.: Братство Святой Софии. Материалы и документы 1923–1939 гг. / Сост. Н.А. Струве. Подгот. текста и примеч. Н.А. Струве и Т.В. Емельяновой. М.: Русский путь; Париж: YMCA-PRESS, 2000. С. 17), а сам о. Сергей четко обозначил свою позицию: «1) София Премудрость Божия есть откровение жизни триединого Бога, явленная природа Божества, и в этом смысле, Слава Божия. 2) София не имеет собственного ипостасного бытия, но ипостасируется в каждой из Божественных Ипостасей. 3) Как Божественная жизнь «іпасти», София есть энергия, раскрывающая Божественную уссию или сущность Божию, и проявляется в мире как сокрытая и открывшаяся глубина Божественной жизни, Ее сила и идея. 4) София, энергия есть Бог, но не в смысле подлежащего, а сказуемого. 5) Бог творит мир Премудростью или в Премудрости...» (Братство Святой Софии. Материалы и документы 1923–1939 гг. / Сост. Н.А. Струве. Подгот. текста и примеч. Н.А. Струве и Т.В. Емельяновой. М.: Русский путь; Париж: YMCA-PRESS, 2000. С. 142–143).

Кроме того, коллегия Православного Богословского института в Париже (игумен Кассиан, В. Зеньковский, А. Карташев, Г. Федотов, Б. Выпеславцев, В. Ильин, В. Вейдле, Л. Зандер и др.) дали понять: «указ митр. Сергея наносит тяжкий удар не только о. Сергию и институту. Он ставит под угрозу самое существование богословской науки и высшей богословской школы». (*Братство Святой Софии. Материалы и документы 1923–1939 гг. / Сост. Н.А. Струве. Подгот. текста и примеч. Н.А. Струве и Т.В. Емельяновой. М.: Русский путь; Париж: YMCA-PRESS, 2000. С. 40–41).*

В свою очередь о. Сергей Булгаков же ответил на это обвинение «Докладной запиской», своеобразной жалобой на имя митрополита Евлогия (Георгиевского). Западно-Европейский экзархат, который возглавлял митрополит Евлогий и которому канонически подчинялся о. Сергей Булгаков, не считал возможным поддерживать жесткую оценку его богословского творчества. Тем не менее, Московская патриархия (07.09.1935) и архиерейский собор в Карловцах (30.10.1935) вынесли свои решения относительно богословской концепции о. Сергея. Следует заметить, что в указанном споре активное участие приняли такие православные богословы, как В.Н. Лосский, протоиерей Сергей Четвериков, протоиерей Георгий Флоровский и мн. другие. В.Н. Лосский, перу которого принадлежит работа «Спор о Софии», резюмировал: «Смещение природы и личности есть коренное заблуждение всей софианской системы о. С. Булгакова». См.: *Лосский В.Н. Спор о Софии // Лосский Н.О. Боговидение. Минск: Белорусский Экзархат, 2007. С. 197.* Итогом этих затяжных споров стало определение позиции о. Сергея Булгакова в вопросе о Софии как теологумена, т.е. личной интерпретации или личного мнения богослова.

Вообще же для русского мыслителя важен сам факт «неустранимости» софиологической проблемы, как исконно-христианской проблемы из структуры современного богословия⁵². И в этом вопросе Булгаков прав, поскольку в творчестве таких крупных богословов, как П. Тиллих и П. Тейяр де Шарден, также встречается «широкий взгляд на реальность и историю»⁵³.

Однако, кроме рассмотренных вариантов софиологического видения бытия, которые носят главным образом умозрительный характер, необходимо заострить внимание на конкретном примере представленности Софии на уровне эмпирической реальности. Так, в своем путевом дневнике от 9 (22). 01. 1923 года при посещении Константинополя Булгаков записал: «Вчера я имел счастье посетить Св. Софию, Бог явил мне эту милость — не умереть, не увидев Св. Софии, и благодарю Бога моего... София есть Храм, вселенский, абсолютный храм вселенского человечества и вселенской Церкви, имеющий для христианского мира и его истории значение, аналогичное Иерусалимскому храму, интегральное значение. Иерусалимский храм принадлежит Ветхому Завету, началу истории, посему он должен упраздниться, Храм Новозаветный принадлежит вселенскому будущему Церкви, а сейчас пока нет вселенской Церкви в ее исторической силе и славе, после раскола церковного...» И самое важное: «София живет божественной, бессмертной жизнью, София есть потрясающий факт для сознания и современного и всех времен христианства; или — София — символ, пророчество, знамение»⁵⁴.

Причем таковые, нужно заметить, которые содержат указание на то, что небо актуально и вечно снисходит к земле!

Конечно, приведенный выше фрагмент отсылает нас к некоторой итоговой формуле, в которой бы был сконцентрирован сущно-

⁵² *Протоиерей Сергей Булгаков*. Еще к вопросу о Софии, Премудрости Божией // *Протоиерей Сергей Булгаков*. Путь Парижского богословия. М.: Издательство храма святой мученицы Татианы, 2007. С. 468–469.

⁵³ *Жак Л.* Актуальность богословия С. Булгакова в диалоге с Западом // Православное богословие и Запад в XX веке: История встречи. Материалы международной конференции Синодальной Богословской комиссии Русской Православной Церкви и итальянского Фонда «Христианская Россия» (Италия, 2004). М.: Христианская Россия, 2006. С. 129.

⁵⁴ *Булгаков С.Н.* Из «Дневника» // *Булгаков С.Н.* Тихие думы. М.: Республика, 1996. С. 357, 359–360.

стный пласт софийного миропонимания. Для о. Сергия Булгакова очевидно, что лестница между небесами и землей не просто существует⁵⁵, но существует в виде Богочеловечества, конкретизируемого им посредством Премудрости Божией или Софии, а также эклессиологически. Проще говоря, именно София как Премудрость Божия и Церковь как откровение Богочеловечества способны привести христианское сознание, а за ним и жизнь к подлинно экуменической, объединяющей форме.

Кроме того, в софиологическом фокусе булгаковских построений чрезвычайно важен мотив мудрости, который весьма характерологичен для всей русской религиозно-философской мысли. Для Булгакова эта грань оказалось весьма важной, свидетельством чему явилась разработка Ветхозаветного учения о Премудрости Божией⁵⁶, плюс специальное исследование, посвященное истолкованию святоотеческих представлений о Премудрости Божией, в частности, у св. Афанасия Александрийского⁵⁷.

В первом случае он экзегетически показал, что в канонической книге — Притчах Соломоновых, а также в неканонических книгах — Премудрости Соломоновой и Премудрости Иисуса, сына Сирахова содержатся прямые указания на сотворенность Премудрости Богом, ее особое онтологическое значение в общей структуре тварного бытия (быть прежде бездны, источников вод, гор и холмов, небес и т.д.), ее функции — быть «художницей» при Боге и быть в радости с сынами человеческими. Но сама оценка о. Сергием этого учения идет дальше библейских положений, притом в направлении апофатического определения Премудрости: «Притом

⁵⁵ По ходу нужно заметить, что Булгаков тем самым указывает на несостоятельность «двух крайних полюсов» в христианском мироощущении — «мироотрицающем манихействе» и пантеизме. В первом случае между небом и миром постулируется непреодолимая пропасть, которая не подразумевает соединяющего их воедино «Богочеловечества». Во втором — мир принимается таковым, как он есть в своей фактичности, где дифференциация горнего и дольного представляется излишней.

⁵⁶ *Прот. Сергей Булгаков. Ветхозаветное учение о Премудрости Божией // Прот. Сергей Булгаков. Купина Неопалимая. Париж: б.и., 1926. С. 234–260.*

⁵⁷ *Прот. Сергей Булгаков. Учение о Премудрости Божией у Св. Афанасия Александрийского // Прот. Сергей Булгаков. Купина Неопалимая. Париж: б.и., 1926. С. 261–288.*

последняя (Премудрость. — *М.Д., Т.О.*), мы полагаем, в общем благоприятствует истолкованию, принимаемому нами по основаниям библейским и общехристианским. В состав церковной традиции надлежит отметить и данные иконографического и литургического богословия, которые уже определенно *не* благоприятствуют пониманию Премудрости как Второй Ипостаси: ни огненный ангел, сидящий на престоле и имеющий над собой отдельное изображение Христа, ни Богоматерь на иконах Софии не оставляют возможности разуместь в Софии Вторую Ипостась. Это же нужно сказать о содержании службы Софии, Премудрости Божией, в которой она сближается то со Христом, то с Богоматерью, как носительницей Духа Святаго, однако не отождествляется вполне ни с Тем, ни с Другой и в то же время, разумеется, ни на одно мгновение не приобретая характера особой Ипостаси и не превращая Св. Троицы в четверицу, — сие богохульство да не будет!»⁵⁸ (курсив. — *С.Б.*).

Во втором случае о. Сергей фиксирует у Афанасия Александрийского различие между созданной (тварной) и рожденной Премудростью, которое необходимо понимать как основание и запечатление — соответственно. Разъясняя эту мысль, он полагает, что Премудрость «основана в нас, чтобы соделаться ей начатком и основанием новой в нас твари и нашего обновления»⁵⁹.

Тем самым, мы подошли к работе, содержание которой до сих пор не осмысленно, хотя она дает еще один ключ к пониманию Софии, в т.ч., в онтологическом и ценностном ключе. Иначе говоря, вопрос о новой тварности человека, вопрос об обновлении человеческой личности ставится и решается мыслителем в русле новозаветной и древнерусской традиции.

Однако сам диалог Бога с человеком, как диалог личностей, осуществим в слове. В слове как таинстве, поскольку «Вначале было Слово...». Именно поэтому им и была написана «Философия

⁵⁸ *Прот. Сергей Булгаков. Ветхозаветное учение о Премудрости Божией // Прот. Сергей Булгаков. Купина Неопалимая. Париж: б.и., 1926. С. 254.*

⁵⁹ *Прот. Сергей Булгаков. Учение о Премудрости Божией у Св. Афанасия Александрийского // Прот. Сергей Булгаков. Купина Неопалимая. Париж: б.и., 1926. С. 273.*

имени», на первый взгляд формально «включившая» мыслителя в затяжной спор об имени Божиим (имяславии)⁶⁰. Предмет последнего — отождествление имени Божьего и самого Бога, которое предстает в формуле: «Имя Божие есть сам Бог, но Бог есть имя». Реальным же основанием этого процесса было движение имяславцев на Афоне, апеллировавшее к умной молитве в ее простейшей редакции, но осужденное Святейшим Синодом Русской Православной Церкви как идололатрия, как «механицизм» и «прелесть».

Для отца Сергия же этот вопрос вполне очевиден: именование — это онтологический акт, поскольку «язык дан человеку потому, что в нем и через него говорит вся вселенная, он есть логос вселенной, и всякое слово не есть только слово данного субъекта о чем-то, но и слово самого чего-то». Такое расширительное толкование слова имеет логичное продолжение: «Слова-идеи суть голоса мира, звучание вселенной, ее идеация»⁶¹. Но именно человеку в этой конструкции отведена особая функция: всякий аспект бытия, каждая вещь через человеческую личность, наделенную космическими словоформами, имеет возможность «ожить», став собой, получить «голос», «звучать»...

При этом тема Софии здесь продолжает свое развитие: поскольку София — суть вместилище идей, благодаря которым вещи «творятся» в актах именования, то она ответственна за всю энергию творения. Это положение можно свести к лапидарной формуле: «София есть Имя имен, всеимя всечеловека»⁶². Иначе говоря, решая задачу по переводу идей в имена, а затем, оформляя с их помощью материю, София, подчиняясь Божественному Логосу-Христу, привлекает для этого «софийного универсального человека Адама-Кадмона»⁶³. Ему, этой универсальной личности, этому «многоименному умопостигаемому человеку» и поручено свыше стать: а) законодателем имен природных вещей; б) основой исто-

⁶⁰ Нужно отметить, что имяславское движение в России в те годы поддерживали ректор Московской духовной Академии епископ Феодор (Волоколамский), о. Павел Флоренский, В.Ф. Эрн, А.Ф. Лосев и М.А. Новоселов.

⁶¹ Булгаков С.Н. Философия имени. СПб.: Наука, 1998. С. 36.

⁶² Там же, с. 261.

⁶³ Там же, с. 256.

рического человечества. Тем самым человек подтверждает и оправдывает свой софийный статус.

Вообще такой, личностный, поворот булгаковской мысли связан с желанием обнаружения устойчивого в человеке (имена человеческие написаны на небесах), которая опять же упирается в Софию. Между прочим, многие ученики и последователи мыслителя парижского периода — мать Мария (Скобцова), о. Дмитрий (Клепилин), Илья Фондаминский в полной мере прошли намеченным софиологическим путем и были канонизированы Священным Синодом Вселенского Константинопольского патриархата.

Кроме приведенных соображений нельзя обойти вниманием и совершенно неожиданную постановку вопроса о роли Богоматери в апокалиптическом сюжете. В книге «Апокалипсис Иоанна» о. Сергей спрашивает: если ли моменты явления Богоматери в Откровении? Тем самым подтверждается его интуиция о том, что начало и конец мира сопряжены с Софийно-Богородичным аспектом бытия. Иначе говоря, само это вопрошание выходит за пределы привычной мариологии.

И хотя прямых текстологических указаний на этот счет не существует, Булгаков настаивает на том, что в Откровении чувствуется присутствие Богоматери. В частности, здесь указывается: «Хотя Пресвятая Богородица не развоплощается в усении Своем, но Ее прославленная телесность не может быть приравнена нашей смертной телесности, и Ее видения в этом смысле воспринимаются не плотскими, но духовными (или, точнее, духовно-телесными) очами. Пресв. Богородица, по учению Церкви, не отделяясь от мира, благоволит приходить в него и пребывать в нем в избранных Ее волею местах (а также и в местах особого Ее присутствия — в «чудотворных» иконах)»⁶⁴. Но далее самое интересное: «На основании сказанного следует понимать и то духовное присутствие Богоматери в видениях Апокалипсиса во всей неясности, так сказать, его очертаний, как Жены, облеченной в солнце, Жены и Невесты Агнца»⁶⁵. Речь идет о главах XII, XIX, XXI и XXII Откровения

⁶⁴ Прот. Сергей Булгаков. Апокалипсис Иоанна. М.: Православное братство Трезвости «Отрада и Утешение», 1991. С. 343–344.

⁶⁵ Прот. Сергей Булгаков. Апокалипсис Иоанна. М.: Православное братство

Иоанна Богослова, где четко просматривается роль «Жены, Невесты Агенца»: во-первых, она связана с Женихом своим — Иисусом Христом узами брака в Небесном Иерусалиме (XXI, 9); во-вторых, она вместе с Духом Святым вызывает к Агнцу о его пришествии: «прийди» (XXII, 17). Разумеется, эти весьма тайные библейские смыслы нужны были русскому мыслителю для усиления его позиции новыми аргументами.

Один из них касается упразднения деления на ад и рай в его софиологической эсхатологии. Булгаков считает, что эти реальности не могут быть вечными, поскольку само Воскресение Спасителя есть манифестация Софии в ее божественном и антропологическом измерениях. Проще говоря, она манифестирует архетип божественного Человека, искомый пункт сверхтварного бытия.

И здесь нужно обратить внимание на следующее обстоятельство. Отец Сергей Булгаков, как и Николай Бердяев в XX веке, возрождают порядком подзабытую (и осужденную на V Вселенском соборе) богословскую тему апокатастасиса или всеобщем воскресении. Предложенное еще Оригеном и интерпретированное св. Максимом Исповедником, это учение связывалось с идеей о том, что Царство Божие устроено таким образом, что оно способно вместить в себя всех людей. Иначе, ад — при богоспасающей силе Любви — невозможен. Русские философы как раз и подхватили этот нравственный мотив, настаивая на недопустимости вечности адских мук⁶⁶.

Собственно такой разворот проблемы, а именно, конституирование аксиологической перспективы в софиологии приобретает важнейшее значение. Например, сестра Иоанна (Рейтлингер), развивая интуиции своего духовника, отмечала: «*София есть любовь, София есть надежда, София есть вера*. Мне не нужно видение Софии, читала бы его, м.б., прелестным («ибо верой ходим, а не видением»), но эта самая вера дает внутреннее духовное созерцание, кото-

Трезвости «Отрада и Утешение», 1991. С. 344.

⁶⁶ Любопытно, что крупнейший современный богослов — митрополит Иларион Алфеев замечает по этому поводу: «Концепция апокатастасиса была осуждена церковью. Другое дело, что в духовной жизни христианина вопрос спасения людей может принимать иную перспективу — как предмет *надежды, упования и молитвы*» (курсив. — И.А.). См.: *Епископ Иларион (Алфеев)*. Православие. М.: Издательство Сретенского монастыря, 2008. Т. 1. С. 795.

рое можно было бы рассказать внешними знаками, — это конкретное чувство разных плоскостей, как бы пространственных представлений для непространственных вещей»⁶⁷ (курсив. — Ю.Р.).

Вообще же, такая общая, хотя и весьма вариативная редакция проблемы Софии не отменяет (а скорее предполагает) и не менее значимую тему — тему России, причем взятую в ракурсе «Россия — удел пресвятой Богородицы». Сама эта софиологическая проекция на исторический процесс и, тем самым, определения места и роли в нем России, имеет два измерения: позитивное и негативное.

Если говорить о позитивном восприятии России, то нужно вспомнить признание о. Сергия Булгакова, сделанное им в конце 30-х — начале 40-х⁶⁸. Оно касается судьбоносного для всякого русского человека понятия Родины⁶⁹. В своей автобиографической заметке «Моя Родина» он писал: «Родина — святыня для всякого, и как таковая, она всегда дорога и прекрасна. И моя родина есть прекрасный дар Божий, благословение и напутствие на всю жизнь. И вот брежу я эту долгую жизнь, и внемлю завещанию, и все яснее *она раскрывается мне, как первозданная улыбка Софии Божественной*, которой она позвала, приласкав меня как младенца, и тихим, тихим шепотом сказала мне свое имя... И теперь, на пороге иной и новой жизни, я возвращаюсь сердцем на эту мою родину и узнаю ее Имя»⁷⁰ (курсив мой. — М.Д.).

Понятно, что в промежутке между жизнью на родине и эмиграцией нужно искать отрицательный образ России. Он вычитыва-

⁶⁷ Ю.Н. Рейтлингер (сестра Иоанна) и о. Сергей Булгаков. Диалог художника и богослова. Дневники. Записные книжки. Письма / Состав., подг. текста предислов., коммент., примеч. Б.Б. Поповой. М.: Никея, 2011. С. 187.

⁶⁸ Времени тяжелой, смертельной болезни.

⁶⁹ *Муза Д.Е.* В поисках духовной Родины. Проблема культурной идентичности в русской религиозно-философской мысли XIX–XX вв. Донецк: Лебедь, 2005.

⁷⁰ *Булгаков С.Н.* Моя родина // *Булгаков С.Н.* Свет невечерний. М.: Республика, 1994. С. 318. Примечательно также, что в своем завещании он просил о следующем: «У меня нет никакого пожелания относительно места погребения, после изгнания из родины, где я преждевременно избрал себе место около могилы сына на Корензском кладбище... Однако я прошу положить мне в гроб горсть родной земли, зашптовой в ладанку и взятой с могилы моего сына, соединив ее с горстью земли из Гефсимании, започенной в мешпочке под моими иконами...». См.: *Булгаков С.Н.* О моих похоронах // *Булгаков С.Н.* Тихие думы. М.: Республика, 1996. С. 419.

ется в ряде работ и в чем-то напоминает «Апокалипсис нашего времени» В.В. Розанова, «Падение священного русского царства» Н.А. Бердяева и «Крушение России» И.А. Ильина.

И тут показательно одно из его размышлений о России: «Россия, как ты погибла? Как ты сделалась жертвой дьяволов, твоих же собственных детей? Что с тобой? Никогда не было загадки загадочнее, непонятнее. Загадку эту дал Бог, а разгадывает дьявол, обрадовавшийся временной и кажущейся власти. “О недостойная избрания, ты избрана” (так пели славянофилы), а теперь приходится говорить: ты отвергнута, проклята, но ведь Бог никогда не отвергает и не проклинает, почему же Россия отвергнута? Раньше я все понимал и толковал, а теперь этой судьбы России я не понимаю и не берусь истолковывать, Богу я верю, п<отому> ч<то> верю в Бога, значит, верю, что произошедшее с Россией нужно, совершилось не только по грехам нашим, но и да явятся дела Божии...»⁷¹ И далее сугубо личное признание, вполне характеризующее личность православного мыслителя и патриота: «Я не хочу быть неблагодарным, свиньей, эгоистом (хочу и нахожу, что раз мне дана жизнь, я могу радоваться этой жизни), я не дам пинка копытом несчастной родине, но я не буду лгать, ни сентиментальничать у одра гноящегося Иова, да не возгремит с неба Вышний на горе»⁷². Как известно, «И благословил Бог последние дни Иова более, нежели прежние...» (Иов 41: 12), проведя его через испытания. То же, по мнению мыслителя, ожидает и Россию!

И последнее. Понятно, что для софиологического дискурса С.Н. Булгакова, его философско-богословских исканий и окончательного синтеза нужна и важна некоторая общая установка, которая отражает как его собственные, так и объективные (эпистемолого- и ценностно-культурные) процессы. В своей работе «Православие» (1964) отец Сергей писал: «Православие имеет видение *умной красоты*, к которой душа ищет путей приближения. Это есть небесное царство идей, которое в язычестве созер-

⁷¹ Булгаков С.Н. Из «Дневника» (запись 18 (31) декабря 1922 года // Булгаков С.Н. Тихие думы. М.: Республика, 1996. С. 352.

⁷² Булгаков С.Н. Из «Дневника» (запись 18 (31) декабря 1922 года // Булгаков С.Н. Тихие думы. М.: Республика, 1996. С. 352.

цал еще Платон, — образцы ангельского мира, духовное “небо” (Быт. 1,1), которое смотрится в земные воды. Это есть идеал не только религиозно-эстетический, который лежит уже по ту сторону добра и зла в их разделении. Это есть тот свет, который светит на пути земных странников. Он зовет за пределы теперешней жизни к ее преображению»⁷³ (курсив. — С.Б.).

Собственно отец Сергей Булгаков и был носителем живой православной традиции, всегда искал *умную (софийную) красоту*, ей служил и ее исповедовал, признавая за ней особую ценность, а также странствовал, водимый неземным светом, и по мере своих сил способствовал преображению земного бытия.

⁷³ Булгаков С.Н. Православие: Очерки учения православной церкви. М.: Терра, 1991. С. 323.

Красная Империя

Советская и западная цивилизации: предел противоположностей в логике глобальной эволюции человечества⁷⁴

В статье акцентуировано внимание на важнейшей проблеме актуального исторического процесса: наличии двух альтернативных версий социальной эволюции, имевших место в XX веке и реализованных советской и западной цивилизацией соответственно. С опорой на цивилизационную теорию показано, что по своему генезису, социоструктуре, проективным заданиям и целям исторического творчества эти цивилизации принципиально разнятся. Событием, указывающим на предел противоположности, выступает «холодная война» и поражение в ней СССР. В свою очередь желание США перестроить постсоветскую Россию по лекалам западной техногенно-урбанистско-гедонистической цивилизации свидетельствует о метафизическом отрицании иномерной формы и вектора социальной эволюции.

Споры о природе советской цивилизации, ее потенциях и интенциях, более того, о «вписанности» этого «социального гиганта» в логику глобальной эволюции, не утихают до сих пор. Недавний пример, свидетельствующий в пользу этого обстоятельства, имел место в конце мая 2015 года на заседании «Зиновьевского клуба» в МИА «Россия сегодня». Причем само заседание прошло под характерной вывеской: «Советская цивилизация как продолжение и развитие европейской цивилизации», т.е. с позиции, подчеркнута отождествляющей рассматриваемых субъектов⁷⁵.

⁷⁴ Впервые опубликовано: Социологическое наследие А.А. Зиновьева: Сборник научных статей / Отв. ред. Н.И. Гаврилов. Донецк: ДонГУУ, 2015. С. 20–33.

⁷⁵ Заседание «Зиновьевского клуба» в МИА «Россия сегодня» 28 мая 2015 года // ria.ru/analytics/20150611/1069500954.html (30.05.2015).

Собственно само отождествление, поначалу совершаемое западниками, за ними представителями социал-демократической и марксистской мысли еще в XIX, а затем и в XX веке, почему-то выглядит допустимым и органичным век спустя. При этом якобы интеллектуальная вершина XX — начала XIX столетий: А.А. Зиновьев и само его наследие могут быть легко втиснуты в европо- (шире — западнцентристскую) модель исторического процесса, причем со всеми его интригами и метаморфозами.

Непродуктивность, а то и нелепость подобной ориентации не подтверждает как состояние самой социальной теории (укажу лишь на принципиальные работы А.С. Панарина⁷⁶ и С.Г. Кара-Мурзы⁷⁷), так и весьма определенную фигуративность мысли самого Александра Александровича Зиновьева, который, впрочем, никогда не выпестовал из России и СССР — Европу. Замечу, как «настоящую», «аутентичную», так и первую / вторую ее, Европы, производную (!). Проще говоря, существующие интерпретации наследия мыслителя скорее деформируют его интуиции и их формализацию, чем говорят правду о соотношении советской и западной цивилизаций.

Так, в автобиографической «Исповеди отщепенца» мыслитель, индуцируя опыт проживания в ФРГ, писал: «Различие двух типов

⁷⁶ Одно из наблюдений А.С. Панарина гласит: «Запад идентифицирует себя как техническая цивилизация и в своем противостоянии не-Западу уповает только на техническое могущество». См.: *Панарин А.С. Россия в циклах мировой истории*. М.: МГУ, 1999. С. 70. Между тем, СССР попытался также реализовать «промееву волю» в виде ГУЛАГа, но его культурная память не позволила сделать это последовательно и до конца, поскольку «анти-Идея», апеллирующая к духовно-нравственным устоям, таки сломала логику Модерна, и что само собой разумеется, ломает на наших глазах логику Постмодерна.

⁷⁷ К примеру, С.Г. Кара-Мурза полагает, что «Между Западом и Россией издавна существует напряженность, неизбежная в отношениях между двумя разными цивилизациями, одна из которых очень динамична и агрессивна (Запад немислим без экспансии)». См.: *Кара-Мурза С.Г. Советская цивилизация*. М.: ЭКСМО-Пресс, 2002. Книга первая. От начала — до Великой Победы. С. 400. Однако у него «главная разница и принципиальная несовместимость», помимо отличающегося социогенеза, антропологических типов, форм народного представительства, морали и права — состоит в нетождественных представлениях о целях жизни и блага в религиозно- и идеократически-ориентированном типах общества — с одной стороны, и гражданском обществе с доминирующем в нем «механизме» манипуляции — с другой. См.: *Кара-Мурза С.Г. Советская цивилизация*. М.: ЭКСМО-Пресс, 2002. Книга первая. От начала — до Великой Победы. С. 426.

социальных систем — западной и советской — не есть всего лишь пропагандистское изобретение. Это различие имеет место на самом деле. Оно на самом деле идет гораздо глубже, чем принято об этом думать на Западе и в Советском Союзе. Мы это испытали на себе...»⁷⁸ (курсив мой. — Д.М.). Но последнее обстоятельство никак не отменяет (быть может) главного методологического credo Зиновьева, как «внутреннего», а не только «внешнего» наблюдателя обоих социальных систем, а именно: «Что коммунистическое общество дает ключ к пониманию и современного западного общества», поскольку, «что на Западе существует лишь в тенденции, что растворено в явлениях иного рода (вроде плюрализма, демократии, идеологического хаоса) и что может быть выделено лишь в абстракции, в Советском Союзе можно видеть почти что в лабораторно чистом виде»⁷⁹. Более того, дивергентная социологическая оптика удерживается в пределах *установки на понимание общечеловеческих явлений*.

В этом, собственно, и видится проблемность ситуации, вызванной не только когнитивным, но и ценностным диссонансом, наличествующих в современном зиновьевоведении. Степень его преодоления пока не задана, и предлагаемый материал в некотором отношении как раз и претендует на роль своеобразного начала дискуссии об этом предмете.

Впрочем, для установления обстоятельства их, цивилизаций, онтологической нетождественности необходима (цель статьи) проработка категориального каркаса зиновьевской версии эволюции человечества с выходом на уровень глобальности, но с учетом существующих в цивилизационной теории концептуальных решений о дискретно-связном ходе исторического процесса.

Итак, обратимся к текстам А.А. Зиновьева, в которых вычитывается немало интересного, прямо касающегося содержания зафиксированной проблемы. В первую очередь нужно говорить об аксиоматическом уровне исторического процесса, который очерчивается принципами и логикой социальной эволюции. Разумеет-

⁷⁸ Зиновьев А.А. Исповедь отщепенца. М.: Астрель, 2008. С. 464.

⁷⁹ Зиновьев А.А. Исповедь отщепенца. М.: Астрель, 2008. С. 489.

ся, поданных по-зиновьевски оригинально. Вкратце, следуя зиновьевской экспликации понятия социальной эволюции, можно говорить о том, что социальная эволюция есть процесс: а) конституирующий в определенных условиях; б) многомерный; в) одинаковый для всех частей и протекающий с одинаковой скоростью, г) включающий в себя внешний и внутренний аспекты; д) определенно (за счет борьбы различных сил в течение длительного времени) направленный⁸⁰.

Помимо этого здесь важна (как для эволюционизма в целом) метафора роста. В нашем случае, «точками роста» как раз и выступают описываемые величины — советская и западная цивилизации, по-разному осуществляющие «механику» изменчивости, наследственности и отбора. Но главный, сущностный признак здесь — возникновение и развитие «более высоких уровней организации». Именно в свете этого признака становится понятной общая схема эволюционного процесса, которая имеет формы восхождения от предобществ — через общества — к сверхобществу. На этом пути к «социальным гигантам» располагаются привычные таксоны исторического процесса — «народы», «нации» и «цивилизации». В реальности, несмотря на действие механизма «снятия» (закона отрицания отрицания), именно они обладают субъектностью, в отличие от художественно-конструируемого и умозрительно постигаемого сверхобщества⁸¹.

Данное обстоятельство нуждается в более развернутом объяснении. Многие исследователи мировой динамики, и А.А. Зиновьев здесь отнюдь не исключение, тяготеют к двум полярным позициям. А именно: отрицание цивилизации как реальности идет через отрицание а) универсального (линия Данилевского — Шпенглера и их

⁸⁰ Зиновьев А.А. Логический интеллект. М.: Московский гуманитарный университета, 2005. С. 253–255.

⁸¹ Тут напрашивается одно уточнение: в социологическом романе «Глобальный человек» (1997) и ключевой теоретической работе «На пути к сверхобществу» (2000), посвященных «надвигающейся громаде веков сверхчеловеческой или постчеловеческой истории», А.А. Зиновьев преподнес именно как гипотетическую линию конституирования новой социальности. При этом в других работах мыслителя можно встретить тезис о том, что СССР — суть один из первых вариантов сверхобщества.

современных последователей); б) регионального (современные концепции глобализации, а также разновидности «мир-системного» подхода⁸². Понятно, что результаты, кристаллизующиеся в рамках реализации этих (не связанных) крайностей никак не обогащают науку. Напротив, давно созрела необходимость в выработке общей для Global studies и Civilizational studies перспективы истолкования присутствия цивилизаций в структуре и логике формирующегося глобального мира, о которой я писал неоднократно⁸³.

Помимо этого, глядя на состояние современных глобальных и цивилизационных исследований, можно обнаружить, что они уже пришли к пониманию необходимости согласования своих позиций: «Глобалистика и цивилиология глядятся одна в другую, тематизируют одна другую, и им уже не обойтись друг без друга». В частности, «цивилогия есть в конечном счете познание человеческих стратегий выживания в прошлом, тогда как глобалистика — познание человеческих стратегий выживания в настоящем и, возможно, в будущем. Выживания — вопреки неизбежно возникающим и

⁸² Шемякин Я.Г. К вопросу о методологии цивилизационных исследований // Цивилизации. Вып. 9: Цивилизация как идея и исследовательская практика / Отв. ред. А.О. Чубарьян. М.: Наука, 2014. С. 31.

⁸³ Муза Д.Е. Прологомены к созданию интервальной модели истории // Академия знаний. Научный журнал [под. ред. Ф.В. Лазарева]. Симферополь: МАДН, 2010. № 3. С. 44–51; Муза Д.Е. Диалог современных цивилизаций как средство коррекции глобализации // Материалы II Международного научного конгресса «Глобалистика — 2011»: «Пути к стратегической стабильности и проблема глобального управления». Москва, 18–22 мая 2011 г. / Под общей ред. И.И. Абылгазиева, И.В. Ильина. В 2 т. М.: МАКС-Пресс, 2011. Т. 1. С. 65–66; Муза Д.Е. Глобализация и опыт дифференциации гражданской самоорганизации // Ученые записки Таврического национального университета имени В.И. Вернадского. Научный журнал. Серия: Философия, социология. Том 25 (64). № 3. Симферополь: ТНУ имени В.И. Вернадского, 2012. С. 3–9; Муза Д.Е. Глобальная «кризис-матрешка»: новые вызовы и перспективы // Материалы Международной научно-практической конференции «Гражданское общество: истоки и современность». Севастополь: Крымская ассоциация философов, 2013. С. 42–43; Муза Д.Е. Глобализация как системная вестернизация мира: опыт исторической реконструкции // Ноосферный проект социоприродной эволюции: поиск алгоритмов устойчивости (коллективная монография) / Отв. ред. проф. Муза Д.Е. Донецк: ДонНТУ, Технопарк ДонНТУ УНИТЕХ, 2014. С. 64–87; Муза Д.Е. В поисках ценностных оснований для диалога современных культур // Диалог культур: социальные, политические и ценностные аспекты // Материалы Московского форума, посвященного памяти Гейдара Алиева / Под общей редакцией Мамедова Н.М., Чумакова А.Н. Ответ. ред. Гезалов А.А., Мамед-заде И.Р. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2015. С. 165–176.

воспроизводящимся в истории силам социальной и духовной энтропии»⁸⁴.

Но вернемся к А.А. Зиновьеву. У него категория «цивилизация» весьма операциональна, о чем хотя бы говорит ее использование во многих работах, и в частности, в тексте, проясняющем методологию социального познания — в «Логической социологии». Тут цивилизация дефинирована и как колыбель генезиса новых человеичков, и как макросоциальная общность (сборка нескольких обществ). При этом, имея пространственные, временные (синхронно-диахронные), социально-родственные связи (возникающие в ходе драматических взаимодействий между государствами, принадлежащими к одной цивилизации), размеры входящих в нее объединений, материальную культуру и определенное качество человеческого материала, всякая цивилизация стремится к порождению единой системы власти и управления⁸⁵. Так, собственно, было и в СССР, и на Западе.

Однако главный критерий жизни цивилизаций — это идеолого-проективный. Тут мы имеем дело с коммунизмом и западнизмом, по Зиновьеву, этими двумя «крайностями эволюционного процесса»⁸⁶.

В первом случае речь идет о марксизме как проекте создания «человеичка всеобщего благоденствия», который и был реализован в виде «советского (русского) коммунистического человеичка» на соответствующем материале, но с опорой на идеологию, а не науку⁸⁷. Его логика развертывания циклична: зарождение, юность, зрелость, кризис и крах. Но при этом именно второй период — период юности (1924–1953) стал наиболее продуктивным:

⁸⁴ Раишковский Е.Б. Глобалистика и мир цивилизаций: теоретические вопросы // Цивилизации в глобализирующемся Мире. Предварительные итоги междисциплинарного проекта. По материалам научной конференции / Отв. ред. В.Г. Хорос. М.: ИМЭМО РАН, 2009. С. 117.

⁸⁵ Зиновьев А.А. Логическая социология // Зиновьев А.А. Логическая социология: избранные сочинения. М.: Астрель, 2008. С. 205–208.

⁸⁶ Зиновьев А.А. Логическая социология // Зиновьев А.А. Логическая социология: избранные сочинения. М.: Астрель, 2008. С. 212–213.

⁸⁷ Зиновьев А.А. Логическая социология // Зиновьев А.А. Логическая социология: избранные сочинения. М.: Астрель, 2008. С. 214 и сл.

именно Сталин «руководил построением реального коммунизма в реальных условиях России, с реальным человеческим материалом, в окружении реальных врагов»⁸⁸.

Во втором случае правомерно говорить о плюральном, а не целостном учении (по истокам и уровням функционирования⁸⁹), но при этом выступающим в ранге общего дела: оно имеет внегрупповой, внеклассовый, т.е. всеобщий характер. В этом своем качестве она нацелена на поддержание нужного идейно-психологического состояния общества, на выработку и поддержку в людях иммунитета в отношении анти-западнистских влияний, на привитие западнистской системы ценностей.

Но самое, пожалуй, важное обстоятельство в рассматриваемой проблеме находится в аксио- и идеосферах двух цивилизаций. Но дабы перейти к его анализу (а именно к установлению разновекторности ценностно-целевых и идеало-логических компонентов обоих проектов), нужно принять во внимание системный взгляд на устройство цивилизации.

Так, можно утверждать, что всякая цивилизация как социокультурная целостность может быть интерпретирована посредством: 1) *базисного смыслообразующего текста* (текстов) и *лидера* (иногда — «творческого меньшинства»); 2) *первичных цивилизационных институтов* — церкви и школы, литературы и искусства, наконец, науки, раскрывающих и закрепляющих смысло-содержание базисного текста, манифестирующих смыслы, обращенные к материи Истории; 3) *вторичных цивилизационных институтов* — государства и экономики, обеспечивающих материальную мощь бытия; 4) *цивилизационного («безмолвствующего») большинства*. Но сама по себе эта концептуальная рамка нуждается в наполнении конкретным содержанием.

Поэтому ниже я привожу общую сравнительную таблицу, касающуюся всего класса вопросов цивилизационной архитектуры:

⁸⁸ Зиновьев А.А. Логическая социология // Зиновьев А.А. Логическая социология: избранные сочинения. М.: Астрель, 2008. С. 216.

⁸⁹ В частности, речь идет об элитарном, пропагандистски-просветительском и житейском уровнях.

<i>Принципы цивилизационного устройства и функционирования</i>	Советская цивилизация	Западная цивилизация
Идейно-мировоззренческие истоки	Коллективизм, мораль, имперская (русская и советская) традиция	Индивидуализм, частная собственность, мозаика «национальных государств», капитализм
Проективный план	Марксизм, народничество, ленинский («Государство и революция») и сталинский («Краткий курс ВКП(б)» и «О диалектическом и историческом материализме») проекты конституирования коммунистического общества	От стихии: буржуазных революций в Англии и Франции, борьбы Нидерландов за независимость от Испании, борьбы американских колоний за независимость, французской революции (1789), — к проективности: «Конституции США» (1787); «Декларации прав человека и гражданина» (1800), «Кодекс Наполеона» (1804).
Условия осуществления	«Социальная пустыня»: предвоенная, военная и послевоенная разруха, нищета, голод, хаос, безграмотность населения и дефицит культуры	«Социальные джунгли»: наличие категории «свободных людей», которые могли нанимать других «свободных людей» или наниматься другими, конкуренция, законы, государство-посредник, денежная система, мозаика национальных государств
Превалирующий социальный аспект	Коммунальный (то, что интереса дела не касается, а связано со взаимодействием человека с социальной средой и подчиняется «принципу «социального расчета»)	Деловой (интересы дела и «закон эффективности дела»)
Человеческий материал (антропологический тип)	Homo soveticus, в основе которого «руссоид»	Естественные и искусственные «западоиды»
Ценностно-целевая программа	«Райский коммунизм», «царство равенства, справедливости и изобилия», и в то же время служение народу и стране, героический труд и достойное (самопожертвование) поведение в коллективе, образование и овладение культурой как таковой	Индивидуализм, богатство, власть, слава, мастерство, собственность, комфорт, благополучие, сила, здоровье, удовольствия, предпринимательство, свободы, права

Помимо указанных структурных и динамических характеристик этих субъектов, важен ракурс, говорящий об их непростых взаимоотношениях. Классическая теория цивилизаций, восходящая к Н.Я. Данилевскому и К.Н. Леонтьеву, делала ударение на процедуре усиливающегося *Drang nach Osten* со стороны Запада, либо включения России в ритмику «вторичного смесительного упрощения». Неклассическая теория цивилизаций — в лице О. Шпенглера и А.Д. Тойнби — предлагала усматривать самостоятельный маршрут «русской души» («души края») или восточнохристианской цивилизации несмотря на петровско-большевистский псевдоморфоз или беспрецедентный «вызов» Запада. Современная же, постнеклассическая теория, например, представленная именами Ф. Броделя, Б.С. Ерасова, Э. Каволиса, М. Мелко, С. Эйзенштадта, Й. Терборна и т.д., акцентуирует несколько вариантов интеракций: а) дополнительности; б) альтернативности; в) симбиоза институтов и ценностей взаимодействующих цивилизаций.

У Зиновьева данный пункт выглядит как направленный процесс неэквивалентного обмена, точнее, предстающий в форме *западнизации*. В частности, в книге «Запад. Феномен западнизма» читаем: «Когда народы стран Восточной Европы и Советского Союза вознамерились уподобиться Западу, они полностью игнорировали то обстоятельство, что западнизация их стран не может стать превращением их в части Запада или западные страны по двум основным причинам. Первая — навязывание этим народам и странам отдельных свойств Запада (демократия, рынок, приватизация и т.д.) не есть превращение их в части Запада, ибо Запад вообще не сводится к этим свойствам. Запад есть огромный и многосторонний феномен, сложившийся по бесчисленным каналам в течение многих столетий. Вторая причина — место и роль Запада (скажем, «мировой престол») уже заняты, и самое большее, на что эти западнизируемые народы могут рассчитывать, это оказаться в сфере власти, слияния и колонизации Запада, причем на тех ролях, какие им может позволить сам единственный и неповторимый Запад»⁹⁰.

⁹⁰ Зиновьев А.А. Запад. Феномен западнизма // Зиновьев А.А. Запад: избранные сочинения. М.: Астрель, 2008. С. 43.

Спрашивается, как поступил Запад, западная цивилизация со своим эволюционным оппонентом в ходе и на исходе «холодной» войны? Ответ мыслителя здесь вполне откровенен: «В течение буквально нескольких лет благодаря «бомбе западнизма» в России под вопли «ура!» были разрушены три основные опоры советского общества, создававшаяся в течение семидесяти лет усилиями миллионов людей в неимоверно трудных исторических условиях, — система власти, социальная организация трудовых коллективов и идеология»⁹¹. Под «бомбой западнизма» же здесь понимается нечто иное, как «мирная пропаганда достоинств западной цивилизации и западного образа жизни и бескорыстная помощь незападным народам планеты в их добровольном развитии в направлении западного образца общественного устройства»⁹².

Но при этом поставленный вопрос и релевантный ответ не снимают остроты метавопроса: во имя чего Запад осуществил убийство СССР, а далее наметил аналогичную акцию в отношении исламской и китайской цивилизаций? Замечу, метавопрос, который объективируется на наших глазах не только в виде «Арабской весны» на Севере Африки и Ближнем Востоке, активизации «Исламского государства», но и методичных плясок вокруг Поднебесной (заигрывании с Гонконгом).

Зиновьевская версия и здесь исчерпывающая: сегодня «Запад стремится к объединению человечества в единый глобальный человек не ради каких-то абстрактных идеалов, а как необходимое средство формирования и выживания западной сверхцивилизации. Для выживания на достигнутом ею уровне ей необходима вся планета как среда существования, необходимы все ресурсы человечества»⁹³. Проще говоря, полное уничтожение «оставшихся в живых» своих эволюционных оппонентов — исламской и китайской цивилизаций, о чем прямо говорит не только зиновьевская прогностика⁹⁴, но и реалии американско-натовской силовой геополитики.

⁹¹ Зиновьев А.А. Исповедь отщепенца. М.: Астрель, 2008. С. 552.

⁹² Зиновьев А.А. Исповедь отщепенца. М.: Астрель, 2008. С. 551.

⁹³ Зиновьев А.А. Запад. Феномен западнизма // Зиновьев А.А. Запад: избранные сочинения. М.: Астрель, 2008. С. 211.

⁹⁴ Муза Д.Е. Зиновьевская версия прогностики глобальной социальной эво-

И далее, чтобы развеять все сомнения относительно позиции А.А. Зиновьева по обсуждаемой проблеме, нужен еще один довод, их упраздняющий. Он сопряжен с самоотрицанием, саморазрушением бытия советской цивилизации и ее идентичности: «Как бы русские ни оплевывали коммунистический период своей истории, как бы ни усердствовали в разрушении всего того, что было достигнуто за этот период, как бы ни ползали на коленях и ни холуствовали перед Западом, как бы ни подражали всему западному и как бы ни перенимали все пороки Запада, Россия все равно никогда не станет частью Запада»⁹⁵.

Наконец, перед завершением анализа хочу обратить внимание на следующее обстоятельство. Зиновьев не был бы Зиновьевым, если бы в его построениях не содержалось доли надежды. Нет, надежды, не связанной с возрождением идеологии коммунизма (марксизма-ленинизма-сталинизма), ибо вероятность этого ничтожна, в т.ч. из-за несоответствия ее содержания — реальности XXI века. И это при том, что на западнистский путь к сверхобществу, как прямая противоположность коммунистическому, уже встали страны и народы планеты.

Тем не менее, социальная «точка роста» человечества возможна и желательна, причем как преодоление (отрицание!) западнизма и коммунизма, в т.ч. негативных последствий осуществленных ими экспериментов. В первом случае это «дефекты», как обратная сторона «добродетелей» при советизме, а именно, гарантированные основные жизненные потребности имеют следствия в виде сравнительно низкого уровня удовлетворения потребностей, подчинение индивида коллективу, неравенство в распределении благ, принудительный труд, низкий уровень деловой активности. Во втором — прямое и безответственное разрушение природной среды, массовые эпидемии, технизация жизни, тотальное помутнение умов и моральная деградация, наконец, деградация духовной культуры.

люции: концептуальная схема и принципы верификации // Зиновьевские студии: научное издание. Донецк; Москва: Цифра, 2013. Выпуск 4. С. 10–15.

⁹⁵ Зиновьев А.А. Запад. Феномен западнизма // Зиновьев А.А. Запад: избранные сочинения. М.: Астрель, 2008. С. 43.

В конце концов, многовековая эволюционная логика (борьба, отбор, наследственность) породила «физически могучего и интеллектуально примитивного *мирового насильника*»⁹⁶ (выделено мной. — Д.М.). Т.е. западный путь в будущее квалифицирован как тупиковый. Отсюда задача по созданию «Партии будущего», которая возьмет на себя нелегкое бремя разработки и адаптации новой идеологии для посткоммунистической России и человечества.

В этой связи приведу два важных, на мой взгляд, высказывания мыслителя непосредственно касающихся формы и направленности эволюционного процесса.

Первое сопряжено с единственной референцией — коммунистическим идеалом, как абстрактным образом искомого объекта, равно как его несовершенными инкарнациями в СССР и странах социалистического лагеря: «Реализация коммунистического идеала, какая бы она ни была, не могла не сказаться на судьбе самого идеала... Ориентация на этот опыт в корне меняет сам социальный тип идеала, его конкретное текстуальное содержание, сферу его распространения (пропаганды), механизм его воздействия и вообще весь комплекс явлений, так или иначе связанных с социальными процессами эволюционного масштаба»⁹⁷. Более того, этот новый идеал адресован России и человечеству!

Второе указывает на отрицательный канал эволюции и его субъекта: анти-референтом в процессе разработки и внедрения нового социального идеала выступает именно Запад (и западнизм), поскольку предложенный им опыт шествия по дорогам Истории едва ли является «непреодолимым, универсальным, закономерным»⁹⁸.

Тем самым, подводя итог проведенному рассмотрению категориального каркаса зиновьевской версии эволюции человечества и обнаруженной «осевой» проблемы соотношения двух субъектов — советской и западной цивилизации, плюс двух форм и векторов таковой, можно заключить: советская и западная цивилизации, в XX веке претендовавшие на роль пионера в социально-эволюционной динамике, не только разнятся структурно-онтологически

⁹⁶ Зиновьев А.А. Идеология партии будущего. М.: Алгоритм, 2003. С. 227.

⁹⁷ Зиновьев А.А. Идеология партии будущего. М.: Алгоритм, 2003. С. 232.

⁹⁸ Зиновьев А.А. Идеология партии будущего. М.: Алгоритм, 2003. С. 233.

(на уровне проектов, условий их реализации, социальной организации и человеческого материала, ценностей и идеалов), но образуют в принципе несовместимый узор исторического праксиса. В этом качестве оба полюса диалектически взаимосвязаны (не только теорией конвергенции), но способностью переходить в свою противоположность. Однако вопрос об их реальном единстве снят, поскольку грядет «борьба человечества за социальный идеал, альтернативный западнизму».

Берлинская стена: диалектика созидания и разрушения⁹⁹

9 ноября 1989 года была разрушена Берлинская стена, как считается в мировом общественном сознании, символ советского тоталитарного диктата Европе определенного порядка вещей, порядка с точки зрения западных мировоззренческих и ценностных стереотипов — «противоестественного», уничтожающего свободу личности и ее права. Тем не менее, эти стереотипы «холодной войны» давно опровергнуты элементарной социологией. В особенности в отношении демократичности самого западного общества. Так, А.А. Зиновьев в книге «Запад» (Мюнхен, 1993) квалифицировал новое, объединенное немецкое государство как «царство преступников». И для этого была выявлена фактологическая база: количество преступлений, совершенных на бытовой почве, возросло более чем в 2 раза в сравнении с периодом bipolarности; в 1983 году в Германии было зарегистрировано 7,5 тыс. преступлений в отношении окружающей среды, а в 1992-м их число равнялось 26 тыс.; в 1987 году количество киберпреступлений было на отметке 3 тыс., а в 1992-м их число перевалило за 12 тыс.; наконец, заметно увеличилось количество служащих в полиции, что неудивительно в условиях повышенной криминогенности.

Тем не менее, вынесенный в заголовок вопрос и сегодня требует больших усилий для преодоления коллизии, связанной с Берлинской стеной.

⁹⁹ Впервые опубликовано в журнале: Новая земля. 2015. № 10 (13). С. 22–24.

Вспоминая сегодня это событие, нередко ассоциируемое с окончанием «холодной войны», ее последним аккордом, исполненным Генеральным секретарем ЦК КПСС М.С. Горбачевым, но при четкой дирижерской работе США и Запада в целом, приходится констатировать ряд обстоятельств.

Первое, о чем нужно говорить, так это об исторических контекстах возникновения (13.08.1961) и разрушения стены (09.11.1989). Появление данного сверхсложного инженерного сооружения, по сути, являвшегося государственной границей между двумя Германиями — капиталистической и социалистической, вытекает из более раннего события. А именно, из решений Потсдамской мирной конференции (17.07.1945–02.08.1945), в рамках которой Президент США Г. Трумэн и генеральный секретарь ЦК ВКП(б) и Верховный главнокомандующий И.В. Сталин высказали диаметрально противоположные представления об устройстве послевоенной Германии. На втором заседании конференции Трумэн, помимо вопроса о выплате Германией репараций, поставил вопрос о том, в каких границах должна существовать эта страна? В качестве ответа советским лидером было предложено рассматривать Германию в качестве «разбитой страны», причем без правительства, границ, войск, но с оккупационными зонами. Так, западную часть делили США, Великобритания и Франция, а пять восточных земель были под опекой СССР.

Тем не менее, в сталинской модели Германия должна быть воссоздана с учетом проблем Судетской области, Восточной Пруссии, западной границы Польши. И хотя этот образ *Германии носил геополитический характер: в него была «вложена» логика создания Восточной, коммунистической Европы*, данная позиция по существу не устроила США. Трумэн настаивал на модели Германии 1937 года, точнее, ее государственно-территориального устройства, восходящего к Версальскому договору. При этом *Германия мыслилась как органическая часть Европы*. В развитие этой бинарной логики возникли (в мае и октябре 1949 года) ФРГ и ГДР.

Естественно, что их сосуществование носило крайне противоречивый характер, как, впрочем, противостояние в Корее. Камнем преткновения стал Берлин, разделенный на зоны влияния. При

этом советское руководство выступило с инициативой демилитаризации западной части города (озвучена во время визита Н.С. Хрущева в США). Однако прилет самолета-разведчика U-2 вглубь территории СССР обесмыслил диалог с США по вопросу о статусе Берлина. На этом фоне руководство Америки направило в его западную часть 1500 военнослужащих. Отсюда решение — построить «антифашистский оборонительный вал». Решение, нужно заметить, на выполнение которого ушло 14 лет (последние постройки были выполнены в 1975 году).

В свете сказанного полезно также вспомнить «план Маршалла», его антисоветскую, антикоммунистическую направленность. Причем нацеленный, как известно, на страны Восточной Европы в том числе...

В свою очередь крушение этой разделительной межи было предопределено как политикой США в отношении СССР и соцлагеря, так и изменения Горбачевым внешнеполитической доктрины Советского Союза. И здесь нужно вспомнить ряд действий последнего Генерального секретаря ЦК КПСС, напрямую связанных с нашей темой.

Нужно заметить, что начавшиеся в СССР перемены поначалу мало затронули Восточную Европу и Германию в частности. Тем более, что коммунисты ГДР, Болгарии и Румынии (в лице Эриха Хонеккера, Тодора Живкова и Николае Чаушеску) достаточно настороженно наблюдали за инициативами лидера «перестройки». Но уже к октябрю 1989 года, когда М.С. Горбачев во время визита в Финляндию озвучил свою *доктрину невмешательства в восточно-европейские дела*, стало понятно, что ничего хорошего сателлитам СССР ожидать не приходится. Напротив, фундамент советского присутствия в Европе, а именно, доктрину «социалистического интернационализма» предлагалось забыть навсегда. Альтернатива, исходившая от человека, имевшего партбилет, — евросоциализм.

Но это, на поверку, официальная версия. На самом же деле (о чем поведал в своей «Дипломатии» патриарх американской дипломатической миссии Генри Киссинджер) все выглядело куда прозаичнее. Не много, не мало он сообщает о том, что еще в 70-е годы Горбачев и Шеварднадзе пришли к выводу о том, что коммунистическую систе-

му следует «изменить с головы до ног»¹⁰⁰. Но замысел, как говорится, полдела. Важнее само дело. Конкретнее: отказ от «неправильных дел», «ошибок» (!), которые озвучил Э. Шеварднадзе 25 июля 1988 года на встрече с американскими представителями в Министерстве иностранных дел. Среди них, между прочим, «афганская катастрофа», «спор с Китаем», «длительная недооценка Европейского экономического сообщества», «дорогостоящая гонка вооружений»¹⁰¹...

Тем самым судьба «антифашистского оборонительного вала» была предрешена. Но она же значилась в схемах американских кураторов «перестройки» и «нового мышления».

Так, 12 июля 1987 года Президент США Рональд Рейган — во время празднования 750-летнего юбилея Берлина — произнес пламенную речь у Бранденбургских ворот (находящихся вблизи данного сооружения). В ней он недвусмысленно призвал лидера СССР уничтожить стену, олицетворявшую неадекватное коммунистическое представление о делении Европы (и Германии — в частности) на два анклава. Напротив, дабы избавиться от прежних стереотипов и продемонстрировать «новое мышление» в международных отношениях, было предложено упразднить этот рудимент сталинизма и советского экспансионизма.

Что же можно сказать сегодня о том событии? Естественно, помимо поддержки художниками и музыкантами (Pink Floyd «Стена», Scorpions «Ветер перемен» и т.д.) данного начинания?

Как бы кому ни грезилось, но вожденная свобода в Берлине и Германии наступила с большими издержками. Причем дисперсно расходясь по всей Европе. Иначе, к чему бы поэту Борису Каратову нужно было писать:

Разрушена Берлинская стена,
Суля надежду
суетному миру.
Бетон был уподоблен сувениру...
Но все ж
гипотетически она

¹⁰⁰ Киссинджер Г. Дипломатия. М.: Ладомир, 1997. С. 727.

¹⁰¹ Киссинджер Г. Дипломатия. М.: Ладомир, 1997. С. 730.

Предназначенью своему
Верна.
Там пир горой,
здесь в трещинах страна.
Не просто состязаться с временами;
Мы их не выбирали,
старина,
И пострадала наша сторона:
Там рушилась,
а дома между нами
Росла
Непонимания стена.

Но не только поэту, но и рядовому жителю эта проблема виделась иначе. Так, в ходе соцопроса, который в 90-е провел институт «Форза» в Германии, каждый третий житель Берлина не считает возведение стены ошибкой. По мнению 10% респондентов, это было целиком правильное решение, необходимое для стабилизации ГДР. 25% назвали его «частично верным».

В подтверждение сказанному нужно обратить внимание на проблему европейского единства, которая без сомнения была головной болью в эпоху «холодной войны», и, пожалуй, остается теперь. Слово опять поэту, на этот раз Уве Ламмла, разразившемуся к 20-летию печального юбилея:

Глухими «осси» обзовут,
Они в ответ: «мошенник»!
Одним единство — тяжкий труд,
Другим — растрата денег.

Стена упала, шнапс рекой,
Потом пришло похмелье.
И что нам юбилей святой?
Притворное веселье.

В ходу насмешки и тычки
Родни бесцеремонной.

И мы от дружбы далеки,
Давно провозглашенной.

Над нами ржут за рубежом.
О бедах шепчут, знают,
Но слухи скрылись под сукном
И там во тьме скучают.

Вместе с тем ее, проблемы единства, фактура и интрига уходят корнями в XIX век. И никто иной, как великий И.-В. Гете в беседе с И.П. Эккерманом вывел следующую формулу: «Главное, чтобы немцы пребывали в любви друг к другу!» И далее: «Кто-то сравнил государство с живым телом, в таком случае столицу приходится сравнивать с сердцем, которое дарит жизнь и здоровье всем его многочисленным членам, близко и далеко от сердца расположенным»¹⁰².

В таком случае апелляции к преимуществам капиталистической системы, к новому разделению труда в Европе, к либеральному правосознанию выглядят, мягко говоря, странными. Даже с поправкой на эпоху. Ведь бывшая «осси» фрау Меркель, следуя сегодня в фарватере атлантизма, готова отказаться от капитализма в пользу глобальной распорядительной экономики. И похоже, что ее не волнует, что у Трансатлантика множество противников на Востоке и Западе Германии. Но История, возможно, готовит нам неожиданный сюрприз в виде новой Берлинской стены, на этот раз развернутой к Америке. Нужно подчеркнуть, Стены, по одну сторону которой капитал и новая колонизация, а по другую — труд и человеческое достоинство.

¹⁰² Эккерман И.-П. Разговоры с Гете. М.: Художественная литература, 1981. С. 587.

А.А. Зиновьев о свободе в советском обществе¹⁰³

Нет рабства безнадежнее, чем рабство тех рабов,
себя кто мнит свободным от оков.

И.-В. ГЕТЕ

Поэтическому гению О. Мандельштама принадлежит два потрясающих стихотворения — «Сумерки свободы» (1918) и «Мы живем, под собою не чуя страны» (1933). В частности, в первом есть следующие пронзительные строки:

Прославим, братья, сумерки свободы —
Великий сумеречный год.
В кипящие ночные воды
Опущен грузный лес тенет.
Восходишь ты в глухие годы,
О солнце, судия, народ.

Прославим роковое бремя,
Которое в слезах народный вождь берет.
Прославим власти сумрачное бремя,
Ее невыносимый гнет.
В ком сердце есть, тот должен слышать, время,
Как твой корабль ко дну идет...

В свою очередь во втором:

Мы живем, под собою не чуя страны,
Наши речи за десять шагов не слышны,

А где хватит на полразговорца, —
Там припомнят кремлевского горца.

¹⁰³ Впервые опубликовано: Вестник Донецкого государственного университета управления. Серия: Философия, социология, психология. 2016. Выпуск 1. С. 6–20.

Его толстые пальцы, как черви, жирны,
А слова, как пудовые гири, верны.

Тараканьи смеются усища,
И сияют его голенища.

А вокруг его сброд тонкошеих вождей,
Он играет услугами полулюдей.

Кто свистит, кто мяучит, кто хнычет,
Он один лишь бабачит и тычет.

Как подковы кует за указом указ —
Кому в пах, кому в лоб, кому в бровь, кому в глаз.

Что ни казнь у него, — то малина
И широкая грудь осетина.

Оба они написаны по весьма определенному поводу — о свободе человеческой личности, этой тайне советского режима эпохи Ленина и Сталина — соответственно.

Однако мир поэтики отразил существующую природу коммунистической власти как власти, породившей «сумерки свободы», при которой «наши речи за десять шагов не слышны», причем главным образом — метафорически.

Иное дело — преломление проблемы свободы в логико-социологическом ключе, но с привлечением художественно-образных (живописных и литературных) средств. Конечно, здесь я имею в виду фундаментальную зиновьевскую проработку той «идеологической клетки», в которой пребывал советский человек. Но что самое важное, и сам автор многочисленных социологических и литературных полотен, стихотворений и рисунков, подвергшийся уничижительной критике партийного и научного официоза, лишению всех степеней и званий, наконец, изгнанию, не понаслышке знал «фактуру» рассматриваемой проблемы.

Вместе с тем, для адекватного уяснения зиновьевского видения свободы в советском обществе, нужен шаг в сторону его методологических презумпций. А именно, процедуры раскрытия содержания искомой категории и ценности, — в створе представлений об идеологии и менталитете.

В «Факторе понимания» мыслитель указывал: «Ясность и понятность идеологических феноменов является, однако, иллюзорной, что тоже входит в число черт идеологии. Идеология возникает на сравнительно высоком уровне менталитета, о чем говорит состав языковых выражений, которыми она оперирует: «вселенная», «вечность», «разум», «бог», «движение», «дух», «человек», «власть», «добро», «зло», «судьба» и т. п. Все эти выражения изобретались и до сих пор циркулируют на дологическом и внелогическом уровне. Все они нуждаются в особых истолкованиях (в интерпретации), чтобы создавать иллюзию осмысленности и понятности. И эту функцию выполняют профессиональные идеологи всех сортов, начиная от самых примитивных попов и кончая рафинированными теологами и философами, засоряющими мозги людей заушной и, как правило, логически бессмысленной фразеологией»¹⁰⁴.

И далее наиболее важное замечание: «Со времени Наполеона, который с презрением относился к идеологии и идеологам, возникла традиция смотреть на идеологию как на ложное, извращенное отражение реальности. В справочниках и словарях часто идеология так и определяется как ложное учение. Я такой взгляд на идеологию отвергаю. Но я тем самым не хочу сказать, будто идеология дает истинное отражение реальности. Такое утверждение тоже было бы ложно. Тут есть третья возможность, а именно — что идеология ни истинна, ни ложна. Ее вообще нельзя рассматривать с точки зрения истинности и ложности. Отдельные фрагменты, будучи взяты сами по себе, т. е. вне их идеологической среды и исключительно с точки зрения их отношения к реальности, могут оказаться истинными или ложными. Подходить же к идеологии в целом с критериями истинности и ложности — это

¹⁰⁴ Зиновьев А.А. Фактор понимания. М.: Алгоритм, Эксмо, 2006. С. 315.

все равно, как рассматривать картины Пикассо, Кандинского и ряда других художников XX в. того же рода с точки зрения их адекватности какой-то якобы изображаемой реальности»¹⁰⁵.

Вполне очевидно, что в этой методологической преамбуле дано указание относительно путей подступа к проблеме, которая всегда значится в реестре центральных проблем социальных и гуманитарных наук. Из триады: делового, коммунального и идеологического (менталитетного) аспектов жизни социума — проблема свободы, как и ее решение — прямо не дедуцируемы. Напротив, она требует особого подхода, сочетающего в себе системное, логическое улавливание с привлечением иллюстраций текущего момента.

После этих акцентов перейду к главному. Свои систематические попытки выразить рождение, пиковое состояние и деградацию советской социальной системы Зиновьев представил в целом ряде работ: «Зияющие высоты» (1976), «Светлое будущее» (1978), «В преддверии рая» (1979), «Желтый дом» в 2 томах (1980), «Коммунизм как реальность» (1981), «Иди на Голгофу» (1985), «Катастрожка» (1989), «Живи» (1989), «Искушение» (1991). Со всей очевидностью именно в них нужно искать лично волновавшую мыслителя проблематику свободы.

Не претендуя на исчерпывающую развертку заявленной темы, ниже я постараюсь обрисовать ее содержание, опираясь лишь на несколько знаковых и тесно связанных работ позднесоветского периода — «Зияющие высоты», «Коммунизм как реальность», «Иди на Голгофу», «Катастрожку» и «Революция в Царьграде». Собственно в них, как мне кажется, мыслитель подытоживает свои прежние рефлексии советской системы (ее ленинского, сталинского, хрущевского и брежневского этапов), но делает это с позиций краха советского проекта, выразившегося не только в горбачевской перестройке, но и провале действий ГКЧП в августе 1991 года.

Понятно, что при этом вариативность проблемы свободы в *ленинско-большевистском, сталинско-мобилизационном, хрущевско-бездумно-реформаторском, брежневско-инверсионно-консервирующем и горбачевско-иудин-предательском* этапах весьма значитель-

¹⁰⁵ Зиновьев А.А. Фактор понимания. М.: Алгоритм, Эксмо, 2006. С. 316–317.

на. На мой взгляд, ее фактура и смысло-содержание расположены, во-первых, на т.н. экзистенциальном уровне; во-вторых, на уровне функционирования социальных систем и законов. Причем если самобытие человека — векторно по отношению к себе и к другим (что само по себе уже образует проблемную ситуацию), то социальные законы могут вызывать весьма своеобразные эффекты в системе — в виде повышения свободы и ее понижения, восхождения к высотам духа и провала в бездны рабства. В более привычных терминах — «свободы от», и «свободы для», отрицательной и положительной свободы.

Итак, экзистенциальный уровень задан следующим образом: «Человеческие проблемы суть проблемы в рамках свободы выбора и свободы решений. Надо установить, в чем мы свободны, и в чем нет. За рамками нашей свободы лежат проблемы биологические, социальные, политические и прочие. Таким образом, *установив рамки нашей свободы, мы установим, в чем именно мы суть люди, а не просто социобиологические существа*. И в этих рамках мы должны искать решение волнующих нас проблем»¹⁰⁶ (курсив мой. — Д.М.). В этой связи закономерен вопрос, что именно имеется в виду под человеческими проблемами и каковы способы их решения?

Парадоксалист А.А. Зиновьев, отвечая на этот комплексный вопрос, устраняет ставший уже привычным в нашей социогуманитаристике «технологический аргумент»: «Прогресс науки, техники, медицины и прочих явлений цивилизации не влияет существенным образом на прогресс отношений человека к себе, к другим людям, к обществу», ведь машины, самолеты, холодильники, телевизоры и т.п., выступают в виде «естественной среды бытия» современного homo sapiens-а. Что же в таком случае остается, когда из рассмотрения последовательно элиминированы биология, научно-технический прогресс, наконец, самое идеология?

Ход его мысли опять же обескураживает: «Это проблемы средств самозащиты от самих себя, от других людей, от групп и организаций, причем в рамках свободы человеческих поступков». И далее самое, пожалуй, любопытное: «А средства самозащиты

¹⁰⁶ Зиновьев А.А. Иди на Голгофу // Зиновьев А.А. Иди на Голгофу. М.: АСТ: Астрель, 2010. С. 175–176.

зависят от того, *от кого и от чего надо защищаться*. Взгляните на себя! Поразитесь тому, какие опасные и отвратительные чудовища вы суть на самом деле, причем без принуждения, а по доброй воле и по желанию. Признайтесь себе в этом и *подумайте о самообороне*. И знайте: ничто и никто не способен защитить человека от человека, кроме самого человека. Пока ты сам не примешь решения обуздать сидящую в тебе самом гнусную тварь, не ищи вокруг себя ангелов»¹⁰⁷ (курсив. — А.З.).

Конечно, эти весьма откровенные и парадоксальные рассуждения нуждаются в пояснении. Прежде всего — сам зинovieвский антиредукционизм в понимании бытия человека. Но прежде чем попытаться расшифровать его специфику, сделаю небольшое методологическое отступление.

Думается, что зинovieвский взгляд на указанном экзистенциальном уровне рассмотрения выводит нас к этико-психологическим возможностям человеческого индивида. Об этом говорит включение им так артикулированной темы свободы в контекст проблемы смысла жизни. В частности, главный герой его романа «Иди на Голгофу» Иван Лаптев об этом предмете говорит прямо: «Перед человеком открываются два пути, практически решающие его проблему смысла жизни: либо окунуться в борьбу за жизненные блага по законам данного общества, либо уклониться от этой борьбы. Есть разные способы уклонения. Не все они равноценны. Наибольшее значение имеют такие, которые приносят удовлетворение и дают оправдание вашему уклонению от борьбы. К их числу относится учение, которое я проповедую вам»¹⁰⁸.

Т.е. «лаптизм», который несет в себе импульс нравственного самооправдания и реализует принцип иронии по отношению к происходящей между индивидами «свободной» борьбе за смысл.

Между тем в мировой социальной мысли тема эскапизма уже нашла свое обоснование и выражение. Упомяну хотя бы Э. Фромма, реализовавшего ее на примере антитезы: авторитарное — де-

¹⁰⁷ Зинovieв А.А. Иди на Голгофу // Зинovieв А.А. Иди на Голгофу. М.: АСТ: Астрель, 2010. С. 176–177.

¹⁰⁸ Зинovieв А.А. Иди на Голгофу // Зинovieв А.А. Иди на Голгофу. М.: АСТ: Астрель, 2010. С. 179.

мократическое общество. В частности, немецко-американский социальный психолог, исследуя динамическую связь между человеком и обществом, показал, что образ жизни человека в западном рыночном и индустриальном обществе отличается следующими особенностями.

Основополагающими факторами его бытия выступает «потребность жить» и «социальная система». Но именно последняя, — в силу объективных причин саморазвертывания индустриализма с его промышленной ритмикой, экономикоцентризмом и урбанизмом — доводит до некоторого предела процесс индивидуализации и освобождения. В самом же этом процессе, благодаря соответствующей подготовительной «работе» Возрождения и Реформации, вызрели две тенденции, в полной мере проявившиеся в XX веке. Живя в современном обществе, человек пребывает в двойственном положении: с одной стороны, он «более независим, уверен в себе, критичен», а с другой — «более одинок, изолирован, запутан»¹⁰⁹.

И, к сожалению, демократическое общество не всегда и не во всем готово удовлетворить эмоционально и интеллектуально потребностную сферу человеческого существа, хотя за ним сохраняется первенство в обеспечении частной инициативы и материального успеха. Отсюда берут свое начало пути бегства от свободы: а) в авторитаризм (подчинение вождю); б) в деструктивность, выражающуюся в признании факта «непрожитой жизни»; в) в автоматизирующий конформизм (отказ от собственного «я» и превращение в робота)¹¹⁰. Этот вывод, между прочим, делается на фоне существования реальной альтернативы — «спонтанной любви» и «творческого труда», способных, по Фромму, обеспечить скачок на новый уровень позитивной свободы¹¹¹.

Иное объяснение обсуждаемого феномена мы видим у А.А. Зиновьева. Так, нужно подчеркнуть, что уже в «Зияющих высотах», характеризуя «социомеханику» Ибанска, он показал, что одним из важнейших признаков социального индивида выступает «способ-

¹⁰⁹ Фромм Э. Бегство от свободы. М.: Прогресс, 1995. С. 94.

¹¹⁰ Фромм Э. Бегство от свободы. М.: Прогресс, 1995. С. 120–174.

¹¹¹ По крайней мере, такие интенции содержатся в поздних работах Э. Фромма: «Хорошее общество», «Революция надежды», «Искусство любить».

ность принимать волевые решения, иметь свободу воли и выбора, по крайней мере, в отношении некоторых действий»¹¹². Речь идет о том, что герои этих «высот» — «Патриот», «Пораженец», «Шизофреник», «Клеветник», «Уклонист», «Убийца», «Литератор», «Социолог», наконец, «Мыслитель» — суть персонажи, иллюстрирующие данный тезис. Все они не только вовлечены в sacramентальную дискуссию о свободе, но выступают субъектами, это понимание реализующими на практике.

Поясню на примере с опорой на первоисточник. Дело, как ни странно, происходит в сортире Школы между провинившимися курсантами. Каждый из присутствующих высказывает свое суждение по данному предмету. Итак:

- Концепция «Клеветника»: «свобода есть познанная необходимость, как учили нас классики...».

- Концепция «Убийцы»: «Свобода есть как раз наоборот, не необходимость, а обходимость; а познанная или непознанная, кто ее знает; непознанная отчасти лучше; пока начальство не пронюхало, например, что можно обойти проходную и безнаказанно смыться в самоволку, мы хоть иногда свободны».

- Концепция «Патриота»: «мы — самые свободные люди за всю историю человечества».

- Концепция «Паникера»: «Свобода есть свобода каких-то действий; человек свободен осуществить некоторое действие, если и только если осуществление этого действия им зависит исключительно от его собственной воли, то есть ничто, кроме его воли, не вынуждает к данному действию и не препятствует ему...»

- Концепция «Уклониста»: «Человек свободен осуществлять или не осуществлять какое-то действие лишь в том случае, если это зависит исключительно от его собственной воли. Но это не все. Это еще только начало. Вот, к примеру, свободен или нет курсант Ибанов сегодня после отбоя идти к бабе? Вроде бы оделся и пошел. И проблема решена. Однако Ибанов знает, что это запрещено. И если он все же пойдет в самоволку и попадетсЯ, ему не миновать губы. А то и похуже. Так что, говоря о свободе людей по

¹¹² Зиновьев А.А. Зияющие высоты. М.: ПИК, 1990. Книга 1. С. 76.

отношению к тому или иному поступку, надо учитывать и характер наказания за нарушение запрета: если наказание слишком слабое, с ним можно не считаться. Если имеется официально установленный запрет на поступки данного рода и наказание за его нарушение достаточно сильно, то человек официально не свободен по отношению к этим поступкам»¹¹³.

Разумеется, перед нами наброски к общей концепции свободы, предполагающей учет социальной ценности и величины индивидов.

Между тем, рассмотрев эти модальности свободы (от классического марксизма до его ревизий, а затем вплоть до отрицания), мыслитель заключает: «Степень свободы можно определить как величину, характеризующую отношение свободных человеко-поступков к общему числу человеко-поступков данного рода. Это будет величина в интервале от нуля до единицы»¹¹⁴.

Нужно заметить: данный подход к ревизии проблемы свободы, хотя и возводимый к общей прагматике социального, нуждается в некоторой предварительной оценке. Проще говоря: прав или не прав мыслитель, предлагая такую перспективу истолкования свободы?

Отвечая на этот проверочный вопрос, мне бы хотелось привлечь к экспертизе двух независимых авторов. Первый из них, — И. Берлин обозначил следующее: «Ми гадаємо, що потрібен простір для вільного вибору, звуження якого несумісне з існуванням того, що можна по праву назвати політичною (чи соціальною) свободою. З індетермінізму не випливає, що людей насправді не можна розглядати як тварин чи речі; так само і політична свобода, подібно до свободи вибору, не є невід’ємною до поняття людини. Це — історичне зростання, простір, обмежений кордонами...»¹¹⁵. Второй — Дж. Оруэлл, в своей антиутопии, изображая уродливые контуры и зловещие тени антиидеала, рисует очень незатейливый сюжет: житель Океании Уинстон Смит арестовывается, его пытаются, подавляют его волю и только после этого выпускают его «на свободу» только из-за того, что он как член партии не мог иметь внебрачные половые связи и нарушил запрет (за что полагается

¹¹³ *Зиновьев А.А.* Зияющие высоты. М.: ПИК, 1990. Книга 1. С. 62.

¹¹⁴ *Зиновьев А.А.* Зияющие высоты. М.: ПИК, 1990. Книга 1. С. 62–63.

¹¹⁵ *Берлин И.* Чотири есе про свободу. К.: Основи, 1994. С. 32–33.

как минимум 5 лет тюрьмы), затем вместе со своей партнершей Джулией вовлекся в словесный сговор против Партии (смертная казнь) и работал с запрещенной книгой (смертная казнь). На самом деле перед нами акцентуирование на формуле: «Свобода — это рабство»¹¹⁶, при этом основанное на любви (к Старшему Брату). Однако и в этой ситуации у Смита остается лазейка для потенцирования мира, в котором присутствует свобода, ведь $2 \times 2 = 5$ (!).

Как видим, приведенные примеры говорят о том, что рефлексия проблемы свободы с необходимостью связывается с человеческой личностью, с ее умением полагать свободу мысли и действия в рамках уже существующего порядка, либо его модификаций¹¹⁷.

Вообще же здесь акцентуировано важнейшее представление об антропомерности человеческой свободы, ее конкретном, а не сугубо абстрактном или метафизическом характере. Вместе с тем, памятуя о том, что «тема свободы и ее врагов необъятна» (О. Хаксли), нужно сосредоточить внимание на ее социальной представленности.

Как известно, во время перестройки дискуссии о свободе приняли особо острый характер. Они проходили в русле обеспечения ревизии верховенства власти КПСС и создания многопартийной системы. Естественно, эти вопросы волновали жителей Партграда. Поэтому на заводах и фабриках проходили массовые собрания, в рамках которых вопрос о свободе ставился в новых условиях и, разумеется, на перспективу.

¹¹⁶ Оруэлл Дж. 1984. М.: ДЭМ, 1989. С. 216.

¹¹⁷ На которые я уже обратил внимание выше: ленинско-большевистский, сталинско-мобилизационный, хрущевско-бездумно-реформаторский, брежневско-инверсионно-консервирующий и горбачевско-иудин-предательский. Однако здесь важен один критерий, который сформулирован Зиновьевым на основе его личной судьбы, наблюдений и теоретических обобщений. «Коммунистическая страна, в которой преследуются диссиденты, люди прикрепляются к местам жительства и работы, отсутствуют гражданские свободы, есть нормальное коммунистическое общество (есть норма для явлений такого рода), если даже в практике жизни наблюдаются факты, противоположные упомянутым». См.: Зиновьев А.А. Коммунизм как реальность // Зиновьев А.А. Коммунизм как реальность. Кризис коммунизма. М.: Центрполиграф, 1994. С. 56. Собственно опыт диссидентства Мандельштама и Зиновьева глубоко связан с ленинским и сталинским этапами, но у автора самобытного макросоциологического учения он, хотя и достигает своего экстремума при Брежневе, привязан к «Вождо всех времен и народов» и неконгруэнтен эпохам разрушителей — хрущевской и горбачевской.

Так, Чернов в своем выступлении сказал: «Надо различать свободу как политическую форму жизни общества и свободу как неспособность власти бороться против распущенности и хаоса, сохранять общественный порядок. Надо различать, далее, свободу, дарованную сверху, и свободу, завоеванную снизу. Свобода, дарованная сверху, есть либо бессилие власти, либо тактика власти, либо махинация власти. Такая свобода является в основном иллюзорной и скоропреходящей. Ее дали, ее могут и отобрать, когда захотят. Только такая свобода, которая завоевана в результате длительной эволюции общества, причем — снизу и в борьбе с «верхами», есть свобода более или менее устойчивая и в значительной мере реальная. То, что мы имеем сейчас, есть политика свободы, а не свобода в собственном смысле слова, и банальная неспособность властей держать в узде разбушевавшуюся стихию»¹¹⁸.

Все бы хорошо, если бы ранее А.А. Зиновьев не вывел формулу рамок свободы человека в обществе, реализовавшем реальный коммунизм: «В рамках же общепринятых и кажущихся вполне естественными ограничений граждане коммунистического общества не ощущают себя несвободными. Их сознание ориентировано на другое — на то, как лучше устроиться в рамках дозволенной и, надо признать, для большинства вполне достаточной свободы. Ограничения на выбор профессии, места работы и жительства, на перемещения по стране и поездки за границу, например, как правило, не воспринимаются как отсутствие каких-то свобод. Обычно люди с этим мирятся или находят свои индивидуальные пути обойти эти ограничения.

Например, ограничения на возможность жить в Москве обходят путем женитьбы или замужества, взятки, служебной карьеры, использования талантов. Но даже диссиденты не додумались еще до того, чтобы требовать отмены системы прописки. Условия жизни людей в коммунистической стране разнообразны. В одном населенном пункте, например, нет заводов и специальных учебных заведений, в другом — один завод и один техникум, в третьем — десять заводов, два института, десять техникумов. Так что возможности

¹¹⁸ Зиновьев А.А. Катастрофка. Революция в Царьграде. М.: Астрель, 2012. С. 389.

образования, профессиональной подготовки и выбора профессии не одинаковы для всех. Учебные заведения различаются по уровню образования. Профессии различаются по степени приятности и по перспективам карьеры. Люди различаются по природным задаткам, по положению их семей и многим другим признакам. Уничтожить это разнообразие практически невозможно. И общество изобретает какие-то средства, чтобы заставить людей до известной степени мириться с ним. Такими средствами являются различные ограничения свободы людей — свободы в выборе профессии, места работы и учебы, передвижений, места жительства.

Аналогичные ограничения есть во всяком обществе. Но в каждом обществе они имеют свой особый вид. *В коммунистическом обществе они суть лишь продолжение общих принципов прикрепления людей к коммуна и распределения по социальному положению. Будучи вынуждены указанными выше причинами, ограничения свободы индивидов в условиях коммунизма становятся сознательным принудительным методом распределения людей по территории страны и коммуна. Развивается сложная система ограничителей — паспорта, прописка, трудности с гостиницами и транспортом, трудности с продовольствием и устройством на работу там, где хотелось бы. Устанавливаются своеобразные нормы свободы. Система привилегий охватывает этот разрез жизни в первую очередь.*

Рамки свободы (или несвободы) обнаруживаются людьми и начинают переживаться таким образом, когда они начинают преступать границы писаных или неписаных законов коммунистического образа жизни. Например, если какие-то люди организуют религиозные секты или политические группы, пытаются что-то издавать, минуя цензуру, и устраивать неразрешенные властями демонстрации, они сразу обнаруживают отсутствие в этом обществе ряда таких свобод поведения людей, какие являются обычными в демократических странах Запада. То, как на такие попытки реагируют официальные власти, общеизвестно.

Здесь важнее другое: то, что власти выражают лишь реакцию массы населения на такие отклонения от норм коммунистической жизни. Дело здесь обстоит не так, будто некие нехорошие власти умышленно лишают людей якобы естественных и общепризнанных

свобод, а так, что общество в самих его основах не нуждается в такого рода свободах и даже враждебно по отношению к ним. Они суть чужеродные явления в нем. И борьба с такого рода явлениями здесь ведется прежде всего на уровне первичных коллективов»¹¹⁹ (курсив мой. — Д.М.). Разумеется, далее — по социальной лестнице...

Сказанное о «коммунальных индивидах» подтверждается разнообразными литературными и художественными наблюдениями над жизнью Ибанска, Паритрада и других городов, представлявших страну реального коммунизма, впрочем, взятую в инволюционной логике.

И последнее. Быть может, крушение советского строя как раз и началось из-за профанации фундаментального понятия и ценности свободы, в реальности улетучившейся из коммунальной сферы. Причина — доведение до абсурда ограничений, подкрепленных всесторонне идеологически. И дело вовсе не в «Великой Дыре в Европу» или всесии КГБ, а в непонимании собственного человеческого удела. А за ним и удела самого общества, опирающегося на «социальных индивидов», сумевших создать вполне суверенное общество и государство (!).

Думается, прав А.И. Фурсов, когда он критически замечает: «Если Маркс на «входе в Современность» звал к индивидуальной свободе посредством обретения свободы коллективной, то Зиновьев «на выходе из Современности» не просто предлагает путь к коллективной свободе через индивидуальную (хотя его можно прочесть и так), но снимает — для осуществления Рывка к Свободе и жизни в ней — противоречие между индивидом и коллективом (системой) в практико-теоретической программе «система в одном лице»»¹²⁰. Системе, подчеркну, по имени «Зиновьев».

Собственно проблема свободы индивида и оказалась диагностичной по отношению к «выходу из Современности», с его социологическими транскрипциями и таким искрометным созиданием, как «лаптизм», т.е., диалектическому отношению к «свободе

¹¹⁹ Зиновьев А.А. Кризис коммунизма // Зиновьев А.А. Коммунизм как реальность. Кризис коммунизма. М.: Центрполиграф, 1994. С. 422.

¹²⁰ Фурсов А.И. Александр Зиновьев: Русская судьба — эксперимент в русской истории // Александр Александрович Зиновьев / Под ред. А.А. Гусейнова. М.: РОССПЭН, 2009. С. 334.

в СССР». И в этом смысле, О. Мандельштам был прав, как бесконечно прав и Александр Зиновьев, бросивший:

Итог? Он априори ясен,
Фундаментальный примитив.
Ты омерзительно прекрасен,
О нелюбимый коллектив!
Ко мне лицом оборотися,
Объятя жесткие раскрой!
Меня обнюхай, приглядиися!
Не видишь развс — я весь твой?!

«Последний вздох» советской империи (к 25-летию деятельности ГКЧП)¹²¹

Сегодня, четверть века спустя, события 19–21 августа 1991 года постепенно начинают стираться из памяти. Тем не менее, при их кажущейся сверхреалистичности, они оставили после себя горький привкус скорой катастрофы под названием «разрушение СССР». Проще, ирреальности этого, казавшегося многим невозможного и ненужного сценария, запущенного горбачевской «перестройкой» и завершившегося антиконституционным и позорным «беловежским стовором» элит некогда великой страны с «передовой демократией» планеты. Иначе — ликвидацией СССР. При этом некоторые наблюдатели и эксперты резонно полагают, что созыв и сама деятельность ГКЧП была последним шансом удержать ситуацию в стране от ско-

¹²¹ Впервые опубликовано в журнале: Новая земля. 2016. № 7 (21). С. 32–36.

При подготовке материала были использованы следующие работы: *Назаров М.В.* Тайна России. Историсофия XX века. М.: Альманах «Русская идея», 1999; *Ка-ра-Мурза С.Г.* Советская цивилизация. М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2002. Книга вторая. От Великой Победы до наших дней; *Леонов Н.С.* Крестный путь России. 1991–2000. М.: Русский Дом, 2003; *Макашов А.М.* Трагедия СССР. Кто ответит за развал? М.: Алгоритм, 2012; *Язов Д.Т.* ГКЧП. Был ли шанс? М.: Алгоритм, 2013.

рого и неминуемого распада. Шансом неудачным, не приведшим к перелому, но зато открывшим Б.Н. Ельцину, на тот момент — председателю Верховного Совета РСФСР, дорогу к вершине российской власти. И кроме того, шансом, который был квалифицирован как рецидив коммунистического тоталитаризма на пути к чаемой народами великой страны безграничной «свободе». Так чем же на самом деле был ГКЧП? — резонен вопрос двадцать пять лет спустя.

1. Для предотвращения развала Союза Советских Социалистических республик 18 августа 1991 года в Москве, на основании ст. 127-3 Конституции СССР и ст. 2 Закона СССР «О правовом режиме чрезвычайного положения...» была создана структура под названием ГКЧП (Государственный комитет по чрезвычайному положению). В него вошли: Янаев Г.И. — вице-Президент СССР, а «в связи с невозможностью по состоянию здоровья исполнения Президентом СССР М.С. Горбачевым своих обязанностей... на основе ст. 127–7 Конституции СССР» (Правда от 20. 08. 1991), исполнявший обязанности Президента; Павлов В.С. — премьер-министр СССР; Язов Д.Т. — министр обороны СССР; В.А. Крючков — председатель КГБ СССР; Б.К. Пуго — министр внутренних дел СССР; О.Д. Бакланов — первый заместитель председателя Совета Обороны СССР; А.И. Тизяков — президент Ассоциации государственных предприятий и объектов промышленности, строительства, транспорта и связи СССР; В.А. Стародубцев — председатель Крестьянского союза СССР.

2. Естественно, созыв ГКЧП — экстренная, необходимая, но весьма запоздалая мера. Дело в том, что системный кризис, вызванный «реформами» М.С. Горбачева, охватил практически весь цикл жизни советского общества: партийные, государственные, производственные (воспроизводственные), военные, технические, культурные, бытовые и личностные аспекты. Показателем этого кризиса являются не только объективные показатели падения экономических показателей (темпы роста ВВП снизились в годы XII пятилетки (1986–1990) до 2,4% в год (против 4,8% в годы X и 3,7% в годы XI пятилетки), а в 1990 г. стали вообще отрицательными; на рубеже 80–90-х гг. ситуация в советской экономике стала

критической; с прилавков исчезли даже товары и продукты питания первой необходимости; к началу 1991 г. над страной нависла реальная угроза полномасштабного голода; из-за рубежа в СССР начала поступать продовольственная гуманитарная помощь; к этому времени советским Правительством уже был потерян контроль над экономикой государства, в результате целого ряда причин, что обернулось для страны ускорением распада Советского Союза), но и наступившая идеологическая импотенция.

Речь идет о профессиональной и нравственной деградации партийно-номенклатурной верхушки страны, которая в полной мере проявилась в ходе работы пленума ЦК КПСС, состоявшегося 24–25 апреля 1991 года и ставшего, по сути, последним. Его повестка дня была посвящена единственному вопросу — о выборе пути развития СССР. В качестве антикризисной модели был предложен китайский «образец», где управление осуществлялось посредством экономических (рыночных) инструментов при сохранении сильной государственной власти, но сугубо на законных основаниях. На пленуме состоялась полемика, в ходе которой Горбачев (сторонник Дэн Сяопина) заявил о своей отставке с поста Генерального секретаря ЦК КПСС. Не согласные с его линией упростили Горбачева остаться на «капитанском мостике». *И дело приняло катастрофический оборот, главным образом потому, что советские руководители перестали вообще понимать реальность.* Главное, они перестали понимать страну, в которой жили и работали...

На этом фоне быстро оформилось и пошло в рост альтернативное горбачевским художествам «демократическое» движение, возглавляемое Б.Н. Ельциным, который с 12 июля 1991 года стал законно избранным Президентом РСФСР. Между тем, в него были вовлечены такие персонажи, как А.Н. Яковлев, Э.А. Шеварднадзе, А.Б. Собчак, Г.Х. Попов, Г.М. Старовойтова и мн. другие, к тому времени покинувшие ряды КПСС и демонстративно перешедшие на антисоветские позиции. При этом большая часть советского общества — кто с любопытством, кто с подражанием, кто с восторгом — стала внимать лидерам тарана СССР.

3. Сам призыв «путчистов» был конвертирован в телеобращение и два текста (один из них — программный: «Обращение к совет-

скому народу Государственного комитета по чрезвычайному положению в СССР», другой — идеологический: «Слово к народу»), адресованных гражданам СССР. Оба они обрисовывали социально-исторический тупик, в который завели советское общество М.С. Горбачев и его команда реформаторов. Но они же генерировали минимальный проект мер, призванных обеспечить сохранность государства. С другой стороны, в текстах содержался важный патриотический призыв, нацеленный не только на членов КПСС, ВЛКСМ, профсоюзов, но и на широкие слои советского общества.

Так, в первом тексте фиксируется следующее: «Воспользовавшись предоставленными свободами, попирая только что появившиеся ростки демократии, возникли экстремистские силы, взявши курс на ликвидацию Советского Союза, развал государства и захват власти любой ценой. Растоптаны результаты общенационального референдума о единстве Отечества. Ни сегодняшние беды своих народов, ни их завтрашний день не беспокоят политических авантюристов. Создавая обстановку морально-политического террора и пытаясь прикрыться щитом народного доверия, они забывают, что осуждаемые и разрываемые ими связи устанавливались на основе куда более широкой народной поддержки, прошедшей к тому же многовековую проверку историей... Каким быть общественному строю, должен решать народ, а его пытаются лишить этого права».

Помимо этого, авторы воззвания к соотечественникам отметили деградацию внутривнутриполитической и внешнеполитической ситуации. Внутренняя обстановка в стране характеризуется следующим образом: «Кризис власти катастрофически сказался на экономике. Хаотичное, стихийное скольжение к рынку вызвало взрыв эгоизма — регионального, ведомственного, группового и личного. Война законов и поощрение центробежных тенденций обернулась разрушением единого народнохозяйственного механизма, складывавшегося десятилетиями. Результатом стало резкое падение уровня жизни подавляющего большинства советских людей, расцвет спекуляции и теневой экономики». В свою очередь внешняя обстановка определена как проекция вовне внутривнутриполитических процессов: «Углубляющаяся дестабилизация политической и экономической обстановки в Советском Союзе подрывает

наши позиции в мире. Кое-где слышались реванистские нотки, выдвигаются требования о пересмотре наших границ. Раздаются даже голоса о расчленении Советского Союза и о возможности установления международной опеки над отдельными объектами и районами страны. Такова горькая реальность. Еще вчера советский человек, оказавшись за границей, чувствовал себя достойным гражданином влиятельного и уважаемого государства. Ныне он — зачастую иностранец второго класса, обращение с которым несет печать пренебрежения либо сочувствия».

Отсюда проистекает ряд мер, направленных на кардинальное исправление ситуации внутри и вовне страны: «Нашей первоочередной заботой станет решение продовольственной и жилищной проблем. Все имеющиеся силы будут мобилизованы на удовлетворение этих самых насущных потребностей народа». А далее следует апелляция к сознанию советских граждан: *«Мы призываем рабочих, крестьян, трудовую интеллигенцию, всех советских людей в кратчайшие сроки восстановить трудовую дисциплину и порядок, поднять уровень производства, чтобы затем решительно двинуться вперед. От этого зависит наша жизнь и будущее наших детей и внуков, судьба Отечества»*. «Мы являемся миролюбивой страной и будем неукоснительно соблюдать все взятые на себя обязательства. У нас нет ни к кому никаких притязаний. Мы хотим жить со всеми в мире и дружбе, но мы твердо заявляем, что никогда и никому не будет позволено покушаться на наш суверенитет, независимость и территориальную целостность. Все попытки говорить с нашей страной языком диктата, от кого бы они ни исходили, будут решительно пресекаться».

И наконец, в «Обращении» содержится следующий призыв: *«Бездействовать в этот критический для судеб Отечества час — значит взять на себя тяжелую ответственность за трагические, поистине непредсказуемые последствия. Каждый, кому дорога наша Родина, кто хочет жить и трудиться в обстановке спокойствия и уверенности, кто не приемлет продолжения кровавых межнациональных конфликтов, кто видит свое Отечество в будущем независимым и процветающим, должен сделать единственно правильный выбор... Призываем граждан Советского*

Союза осознать свой долг перед Родиной и оказать всемерную поддержку Государственному комитету по чрезвычайному положению в СССР, усилиям по выходу страны из кризиса».

4. Одним из ключевых вопросов произошедшего в августе 1991 года был вопрос о том, способна ли «полумертвая» (В.Г. Распутин) коммунистическая идеология предложить обществу и государству адекватную рецептуру содержательной коррекции начатого М.С. Горбачевым и его сподвижниками курса? Более того, на фоне целого ряда альтернативных в мировоззренческом и идеологическом плане проектов типа солженицынского «Как нам обустроить Россию?» и некоторых других. В этой связи показательно «Слово к народу» (от 23.07.1991 года), под которым стоят подписи Юрия Бондарева, Юрия Блохина, Валентина Варенникова, Эдуарда Володина, Бориса Громова, Геннадия Зюганова, Людмилы Зыкиной, Вячеслава Клыкова, Александра Проханова, Валентина Распутина, Василия Стародубцева, Александра Тизякова. На полях замечу, что не все из подписавшихся сохранили верность этому «Слову».

Тем не менее в «Слове» обращают на себя внимание такие положения: *«Сплотимся же, чтобы остановить цепную реакцию губельного распада государства, экономики, личности; чтобы содействовать укреплению Советской власти, превращению ее в подлинно народную власть, а не в кормушку для алчущих нуворишей, готовых распродать все и вся ради своих ненасытных аппетитов; чтобы не дать разбушеваться занимающемуся пожару межнациональной розни и гражданской войны. Не пожалеем сил для осуществления таких реформ, которые способны преодолеть невыносимое отчуждение человека от власти труда, собственности, культуры, создать ему достойные условия для жизни и самовыражения...*

Наше движение — для тех, кому чужд разрушительный зуд, кто горит желанием созидать, обуустраивать наш общий дом, чтобы жили в нем дружно, уютно и счастливо каждый народ, большой и малый, каждый человек и стар и млад. Не время тешить себя иллюзиями, беспечно надеясь на прозорливость новоявленных мессий, с легкостью необыкновенной сулящих нам то

одну, то другую панацею от всех бед. Пора отряхнуть оцепенение, сообща и всенародно искать выход из нынешнего тупика. Среди россиян есть государственные мужи, готовые повести страну в неунизительное суверенное будущее. Есть знатоки экономики, способные восстановить производство. Есть мыслители, творцы духа, прозревающие общенародный идеал». И в качестве итога: «Советский Союз — наш дом и оплот, построенный великими усилиями всех народов и наций, спасший нас от позора и рабства в години черных нашествий! Россия — единственная, ненаглядная! — она взывает о помощи».

Собственно этот пламенный призыв опирался на итоги Всесоюзного референдума, состоявшегося 17 марта 1991 года, на котором 74% советских граждан высказалось за сохранение Союза Советских Социалистических Республик. Однако к лету 1991 года, опираясь на конституционную норму о праве союзных республик на свободный выход из состава СССР, некоторые лидеры начали ставить вопрос о предоставлении полной самостоятельности. Возник сюжет под названием «Новоогаревский процесс», который должен быть завершен подписанием нового Союзного договора, как раз предусматривавшего превращение СССР в федерацию суверенных государств. Проект нового Союзного договора был обнародован 17.08.1991 года, а на 20.08.1991 года было намечено его подписание...

5. Естественно, что приведенный выше манифест заострял внимание на неспособности двух линий: *Горбачева-реформатора, сторонника трансформированного до неузнаваемости социализма, в т.ч. в гибридные формы, и Ельцина-реформатора, сторонника встраивания России и других республик в глобальное «открытое общество»*, справиться с накапливающимися актуальными проблемами страны, а тем более, внятно обозначить вектор ее развития. Разумеется, на фоне внешнеполитических инициатив Горбачева, а именно, свертывания практики «холодной войны». На эту битву накладывалось личное противостояние Горбачева и Ельцина, которое началось в 1987 / 1988 гг., а своего апогея достигло в 1991-м.

Сам «путч» имел некоторый сценарий: Горбачев, удалившийся на отдых 03.08.1991 года на партийную дачу в Форосе, оставил

«на хозяйстве» Г.И. Янаева. Тем временем, 17 августа В.А. Крючков проявил инициативу: он собрал партийно-хозяйственный и военный актив страны для активного противодействия беспринципности Горбачева и авантюризму Ельцина. А именно: *для объявления чрезвычайного положения в стране, что само по себе подразумевало спасение СССР, равно как и спасение социализма*. На этом закрытом совещании было принято решение направить в Форос представительную делегацию (О.Д. Бакланова, В.В. Болдина, В.И. Варенникова, О.С. Шенина) с тем, чтобы убедить Горбачева объявить чрезвычайное положение в стране. М.С. Горбачев, между тем, категорически отверг это предложение. Гонцы вернулись с Фороса вечером 18 августа. Тем временем по распоряжению В.А. Крючкова на форосской вилле были «отрезаны» средства связи, а проезд к аэродрому «Бельбек» был заблокирован. Однако это было сделано для того, чтобы не допустить слияния Горбачева и Ельцина с их сторонниками в единую силу для борьбы с ГКЧП. После телеобращения ГКЧП Горбачев начал сочинять свое «Обращение к народу, правительствам, государствам», пытаясь и самооправдаться, и оболгать «заговорщиков». Утром 21 августа с Горбачевым связались по телефону, и после этого к нему полетели вице-президент РФ А.В. Руцкой и премьер-министр РФ И.С. Силаев. Они привезли «форосского пленника» в Москву...

6. Итак, «путч» имел свою столичную интригу и ее периферийные отголоски. К середине дня 19 августа в Москву вошли поднятые по тревоге воинские части. Среди них было 300 танков (Кантемировская дивизия), 270 БМП (Таманская мотострелковая дивизия), 150 бронетранспортеров и 430 автомобилей. Формально им ставилась задача — взятие под охрану телецентра в Останкино, Центрального телеграфа, ТАСС, радиостанции, ТЭЦ, мостов и других стратегически важных объектов. К Белому дому выдвинулся батальон 106-й дивизии ВДВ под командованием генерала Лебеда. 20 августа стал наиболее важным с точки зрения самовыявления позиций сторон: ГКЧП и Ельцина плюс сторонников «демократической» ориентации. В Кремле было принято коллегиальное решение (спущенное Министерству обороны) о нейтрализации Руководства РФ. Советский генералитет: Ачалов, Варенников,

Громов, Калинин, Грачев, Лебедь, Карпухин разработали план захвата Белого дома под кодовым названием «Гром». Но проработка этого и альтернативных планов показала, что действия военных могут привести к большим жертвам. Собственно командиры пяти штурмовых групп ответили отказом выполнять приказ. Считается, что этот факт стал началом развязки. Из ГКЧП вышел Бакланов, за ним — Тизяков, а руководство Москвы — Г.Х. Попов и Ю.М. Лужков однозначно приняло позицию Ельцина.

Военная техника рассредоточилась по Садовому кольцу с целью взять под контроль все основные магистрали. На пересечении Садового кольца и проспекта Калинина в тоннеле состоялась стычка военных и протестующих, в результате которой погибли Комарь, Кричевский и Усов. Причем фактом остается то, что именно сторонники Ельцина спровоцировали кровопролитие. Тем временем у Белого дома собралось по разным оценкам от 15 до 50 тысяч человек, которые соорудили баррикады и готовились к штурму. В самом же здании находилось около 400 человек, причем вооруженных разнообразным стрелковым оружием. В самом же Белом доме, цитадели ельцинской демократии, был выработан «План Х» или «План противодействия путчистам». Но штурм так и не состоялся.

7. Непоследовательность и неподготовленность «путча» (а на самом деле — попытки партийных элит при поддержке военных вернуть страну на путь социалистического развития) сказались на судьбе страны. За неудачным «путчем» последовал «парад суверенитетов», Беловежский сговор 08.12.1991 года и распад страны.

8. Разразившаяся в те дни в столице Советской империи трагедия стала в том числе и личной трагедией этих людей. Практически все они были осуждены и получили тюремные сроки. Позже оправданы. Согласно официальной версии, сформулированной Б.Н. Ельциным, а затем утвержденной Верховным Советом СССР, в стране был осуществлен государственный переворот, организованный группой заговорщиков. КПСС была запрещена во внесудебном порядке. Парадокс, но два с лишним года спустя, в октябре 1993 года, некоторые защитники «демократии по-ельцински» встанут на защиту того же Белого дома от посягательств на абсолютную власть Ельцина.

9. Общий урок тех событий 25-летней давности, несмотря на существующий в обществе до сих пор когнитивный диссонанс, извлечь нетрудно. СССР, с одной стороны, был предан собственными партийными элитами, а народ дезинформирован и демотивирован; с другой стороны, часть партийных элит вступила в сговор со стратегическим Противником; с третьей, партийно-хозяйственные элиты советских республик поспешили избавиться от этатизма и оформить свой суверенитет...

Так, за последним вздохом советской империи наступила ее смерть.

Борьба за социальный идеал в эпоху деидеологизации: версия А.А. Зиновьева¹²²

Одной из характерных черт современного общественного сознания, как это ни выглядит парадоксально, выступает его идеологическая «обнуленность». Точнее, полное отсутствие на его уровнях, в его сферах и формах идеологической составляющей как таковой. Подтверждение чему — наличие в Конституции Российской Федерации деидеологизированной статьи — ст. 13. В свою очередь и общественное бытие, не имеющее значимых идеологических референций (метарассказов), становится текучим и иррациональным, фрагментируемым и иллюзорным.

И дело тут отнюдь не в том, что напророчествовал Ф. Фукуяма в своем «Конце истории и последнем человеке» (1992), а в направленных процессах демонтажа идеологических институтов, субъектов и соответствующей работы на постсоветском пространстве, проводимых США с целью тотальной «зачистки» этого геополитического пространства от любой идейно-ценностной поросли. Главным обра-

¹²² Доклад на международном вебинаре по книге А.А. Зиновьева «Идеология партии будущего» (16.05.2016).

зом — из левого политического спектра, по-прежнему ассоциируемого с «общим делом», «русским чудом», а то и «русской пассионарностью». Но самое важное: США намеревались создать «Россию без России» (С. Коэн), а именно: реализовав «главную лже-идею американского крестового похода — о переходе России от коммунизма к капитализму и демократии американского типа»¹²³.

Разумеется, этот транзит был на самом деле связан с тотальной диффузией во все социальные ткани сверхидеологии — неолиберализма, а внешне выглядел как процесс деидеологизации с идейно-ценностным вакуумом в знаменателе (что, собственно, отражено в нормативных документах эльцинской эпохи). Далее — ломкой прежней социальной организации и замены homo soveticus-ов на модель государства-мип, прогрессирующую социальную атомизацию и породу искусственных «западоидов», как подлинно «свободных» существ.

В этом контексте важно обратиться к работе А.А. Зиновьева, который наряду с другими крупными мыслителями, такими как К.Г. Мяло, Н.А. Нарочницкая, А.С. Панарин, А.И. Субетто, А.И. Фурсов, И.Р. Шафаревич, С. Амин, У. Бек, Дж. Кьеза, Н. Хомски и др., обратил внимание на недопустимость такой редукции. Точнее, лишения России (СССР), природа которой (-ых) подчеркнута идеократична, этой самой идеологической сверхреференции их исторического бытия. Более того, выведения, ее, России, из борьбы за реализацию всечеловеческого социального идеала. Но для великих русской литературы, философии и науки — это инвариантная задача. Впрочем, являющаяся не чем иным, как традицией в ее разрешении, идущей от П.Я. Чаадаева и Ф.М. Достоевского, В.С. Соловьева и Н.А. Бердяева, П.И. Новгородцева и С.Л. Франка, В.И. Вернадского и Н.Н. Моисеева, вплоть до С.П. Капицы и Ж.И. Алферова, Н.С. Михалкова и А.А. Проханова.

Сам же Александр Александрович Зиновьев рассматривал и интерпретировал проблему социального идеала в русле установок марксизма, полагая, что научный вариант понимания идеала (как абстрактного образа социального бытия) неминуемо приводит к

¹²³ Коэн С. Провал крестового похода. США и трагедия посткоммунистической России. М.: АИРО-XX, 2001. С. 35.

коммунистическому образцу. Его теоретическое обоснование и практическая реализация в данном случае составляют предмет теоретических и моральных усилий ученого. В том числе и поскольку социальный идеал выступает важнейшим компонентом идеологии, а тем более в условиях утраты постсоветской Россией, странами СНГ и их историческими «компаньонами» из стран социалистического содружества былых идеологических ориентиров.

Собственно зиновьевские усилия в этом направлении были сосредоточены на уяснении самой возможности создания новой идеологической программы в контексте кризисных и пораженческих явлений в позднем СССР, а также очевидной социальной гибридизации постсоветской России, включающей в себя элементы бытия дореволюционной России, СССР и собственно Запада.

Однако решение поставленной задачи мыслитель начинает с уточнения аксиоматики, в соответствии с которой история человечества прошла через «эволюционный перелом», т.е. стала планируемой и управляемой. Но поскольку в осуществлении этого «перелома» поочередно сыграли коммунистическое и западнистское сверхобщества, нацеленные на воплощение соответствующих социальных идеалов, — правда, с разной степенью успешности, — целесообразно комплексно раскрыть предпринятые ими шаги в этом направлении.

Коммунизм, непосредственно вышедший на авансцену истории, как известно, продуцировал и реализовывал принцип: «от каждого по способностям — каждому по потребностям». Такое представление сопряжено с оптимистической верой в возможность конституирования единого, рационально организованного и справедливого общества, в котором будет преодолена проблема физического выживания и реализовано взвешенное изобилие. Но «реальный советский человеиник» не смог до конца «подтянуть» себя к этому идеалу из-за нерешенности ряда важнейших пунктов, выступающих в роли существенных признаков такового: ликвидации частной собственности на средства производства и частного предпринимательства, обобществление средств производства и природных ресурсов, ликвидацию классов и т.д.

Последнее обстоятельство, в виде частичной реализованности идеала и его, идеала, деформации, связано с условиями его реали-

зации (социальная разруха, конкретный человеческий материал, деформации властных отношений и неадекватность самой социальной сложности системы управления). Иначе говоря, социальный строй, построенный в СССР, с одной стороны, не совпадал с «чертежами» классиков, а сами эти чертежи не давали четкого образа «прекрасного далека»; с другой — в СССР не сразу сработала «марксистская идея потребительского коммунизма», поскольку общество было перманентно мобилизованным, вплоть до эпохи Хрущева — Брежнева — Горбачева. Оно до поры до времени живоилось питательной силой гигантомахии, т.е. разворота исторического процесса к идеально-типическому сверхкоммунистическому социальному строю. Жило будущим и им вдохновлялось. Напротив, последние годы советской власти характеризуются резким охлаждением как к самое коммунистическому идеалу, так и социальной (темпоральной) перспективе, с ним связанной. Не в последнюю очередь это предрешило осуществленной ревизией сталинской политики и социальности, развенчанием культа личности «вождя народов» и ретрологической ревизией советских социальных завоеваний.

И как только основания социальной организации «коммунистического человејника» были поколеблены, более того, борьба за социальный идеал в рамках коммунизма сошла на нет, а затем была заменена на «борьбу с коммунизмом», проект рухнул, да еще под раскаты перманентного бомбометания со стороны западнизма.

Напротив, основанием возрождения соответствующего идеала (что вменяется А.А. Зиновьевым — Партии будущего) и должны стать не только опоры в виде проектов советского коммунизма и западнизма в «снятом» виде, но и задача разработки *идеологии будущего*, за решение которой возьмутся представители «интеллектуально-творческой и нравственной жизни современных человејников»¹²⁴. Естественно, в створе общих, универсально-гуманных представлений о судьбе человечества¹²⁵.

¹²⁴ Зиновьев А.А. Идеология партии будущего. М.: Алгоритм, 2003. С. 237.

¹²⁵ На полях замечу: зиновьевское понятие «Партия будущего» отличается парадоксальностью, ведь будущее должно в принципе принадлежать всем, а партия — суть часть общего системно-процессуального целого (!).

Тем не менее, рассматривая проблему коммунистического социального идеала с позиций системологии, необходимо обратить внимание на то, что таковой «прорастал» в виде брошенных советскими коммунистами, а то и автохтонами, его зерен. Причем в условиях местной специфики — этнических и конфессиональных традиций, «человеческого материала», политической культуры, хозяйственных укладов и т.д. В этом смысле он причудливо преломился и сам испытал на себе обаяние местных колоритов (страны Юго-Восточной Азии, и прежде всего КНР и КНДР, Африки — Ангола и др., Латинской Америки — Куба, Венесуэла и т.д.). Недаром возникли маркеры: «коммунизм по-китайски», «коммунизм по-кубински» и т.д.

Проще говоря, социальный идеал коммунизма в XX веке, в особенности после падения системы колониализма, стал, хотим мы того или нет, *гетерогенным*. В качестве иллюстрации приведу поэтические строки из наследия Х. Марти, который «прогнозировал» грядущую борьбу с капитализмом и его звездно-полосатыми кураторами:

Есть подлый род господ весьма спесивых,
Стяжатели такие целиком
И полностью, от головы до пяток,
Когтисты и клыкасты. Но живут
Иные люди, что цветам подобны,
И отдают из человеколюбья
Всем ветеркам свое благоуханье...

* * *

Встают цветы, большие как распятья,
И, с трепетом в своих утробах черных,
С банкета разбегаются тогда
Все эти себялюбцы, что способны
Умом ворочать только для корысти.
Все, кто чело свое не озаряет
Небесным светом трудового пота, —
Второразрядники существования,
Лишенные достоинства людского,
Охочи лишь до гнусных личных выгод,

Внимательны лишь к прибыли и глухи
К симфонии согласия на Земле.
Обжорство, пляска, музыка, гаремы
Не для порядочного человека.
И если можно без кровопролития
Покончить с этим, то пора кончать!
На перекрестке, на большой дороге,
Безжалостно, как гвозди в гроб — рабочий,
Вы гвозди вбейте в лоб их окаянный!
И пусть висят. Изменники они
Величью человеческого рода.
Всю нацию кромсая по кусочкам,
Они ее между собою делят!¹²⁶

Собственно Х. Марти, как считается, стал предвестником «кубинской революции», логика которой заметно отличалась от европейско-русского контекста ее протекания, точнее, от марксистско-ленинского варианта ее феноменологии. В особенности, своей моделью генезиса и экспорта революции: из деревни (крестьянство, как главный революционный элемент) — в город (пролетариат, как элемент, разбуженный «революционной энергией» крестьян). Именно эта концепция лежит в основе кубинского чуда, которое сотворили Фидель и Рауль Кастро, Эрнесто Че Гевара и другие деятели «первой социалистической революции в Западном полушарии».

В свою очередь Китай как площадка реализации коммунистического проекта с 1949 года, правда, с весьма извилистым маршрутом (с ее автаркией, «Большим скачком» (1959–1961), размовкой с политическими элитами СССР в вопросе методов созидания коммунизма¹²⁷, «культурной революцией» (1966–1976),

¹²⁶ *Марти Х.* Банкет тиранов // *Марти Х.* Избранное. Стихотворения, статьи, очерки. М.: Худож. лит., 1973. С. 89–90.

¹²⁷ Хочу обратить внимание на то, что Мао в беседах с Киссинджером вполне серьезно заявил: «И когда во второй раз [советский премьер-министр Алексей] Косыгин приезжал сам в 1960 году (до этого советское руководство присылало миротворца, руководителя коммунистов Румынии Н. Чаушеску. — *Д.М.*), я заявил ему, что мы будем вести с ним (СССР. — *Д.М.*) борьбу 10 тысяч лет». См.: *Киссинджер Г.* О Китае. М.: Астрель, 2013. С. 305. Разумеется, борьбу за социаль-

реформами Дэн Сяопина...). Но каким бы социальным гибридом сегодня ни выглядела Поднебесная, зримые ростки «коммунистического человека», помноженного на конфуцианскую этическо-политическую традицию, в нем присутствуют.

Но подчеркну, А.А. Зиновьев настаивает на *гомогенности* этого идеала, ассоциируемого с советским проектом, его вершиной — реальным сталинским коммунизмом и никаким другим (!). Иначе, здесь постулируется *русский коммунизм как идеально-типическая конструкция*. Но при этом как-то забывается одна простая истина: этот идеал суть всечеловеческий, хотя в первоначальной редакции — в «Манифесте Коммунистической партии» (1847) он задан как классовый. И это логическое и социологическое противоречие не является разрешенным.

В данном контексте целесообразно обратить внимание на позицию мыслителя, заявленную им в центральной работе — «Коммунизм как реальность». Здесь сказано: «Я в этой книге не принимаю во внимание Китай и его претензии на роль в истории, чтобы не усложнять изложение». И далее самое неожиданное: «Общая картина коммунистического общества не зависит от наличия конкурирующих держав»¹²⁸. В таком случае можно ли говорить о комплексности в понимании социального развития в русле коммунистического канала социальной эволюции человечества? И насколько вообще такая картина общая? Почему в ней не нашлось место Кубинской революции и борьбе за социальный идеал на «острове Свободы», продолжающейся по сей день? Или «стране Чучхе», о которой пронищательный А.А. Проханов, после недавнего посещения этого островка коммунизма, воскликнул: «Северная Корея являет собой уникальную модель, требующую самого тщательного изучения. Не только потому, что эта модель альтернативна гибнущему глобализму... Я рассматриваю явление Северной Кореи как фантастическое, почти неправдоподобное сопротивление мировой энтропии, где слипаются страны, народы, верования и экономики»¹²⁹?

ный идеал и его воплощение.

¹²⁸ Зиновьев А.А. Коммунизм как реальность. М.: Центрполиграф, 1994. С. 9.

¹²⁹ Проханов А.А. Страна Чучхе // Проханов А.А. Новороссия, кровью умытая: Передовицы. М.: Книжный Клуб Книговек, 2016. С. 48.

Однако эти вопросы остаются без ответа...

Поэтому данная версия представляется ошибочной, а взамен предлагается вариант *истолкования идеала* в виде *гетерогенной гомогенности*, поскольку социальные и моральные чаяния многих народов, в случае «прививки» марксизма или без таковой, тяготе-ли и тяготеют к реализации утопии социальной справедливости.

Собственно в этом створе гетерогенной гомогенности уже делаются конкретные шаги. Как ни странно, но это действие закона социальной регенерации в сложившихся условиях. А именно, альтерглобалистское движение как предвестник позитивной альтернативы имеет: 1) сетевую организацию (с децентрализацией, равноправием участников, гибкостью, открытостью для «входа» и «выхода»); 2) диалектическую суть отрицания глобальной гегемонии за счет международного, интерклассового и интеридеологического и антигегемонистского характера; 3) собственную философию — «иной мир возможен» с опорой на солидарность, сотрудничество и ответственность, а также самоорганизации и самоуправления¹³⁰.

Представляется, что именно нынешние глобальные изменения привели к трансформации коммунистического идеала и самого левого движения в мире. Это значит, что изменилось соотношение коммунистической ретрологии и футурологии. И едва ли не первым, кто обратил внимание на эту проблему, был А.А. Зиновьев, предположив, что История чревата неожиданностями, которые можно ждать из России и не только. Естественно, что мотивом этих трансформаций может и должен служить его опыт исследования грядущего броска к социальному идеалу человечества, который русский мыслитель завещал всем нам.

¹³⁰ Глобализация сопротивления: Борьба в мире / Отв. ред. С. Амин и Ф. Утар. М.: Книжный дом «Либроком», 2009. С. 36–38.

Русский Миръ

Быть миром миров¹³¹

Известно, что впервые словосочетание «Русский мир» впервые прозвучало в 2007 году, в Послании Федеральному собранию Президента В.В. Путина. Затем нужно вспомнить о формировании по инициативе Президента одноименного Фонда и разработке самобытной концепции, связанной с широкой презентацией культурного наследия России во внешнем мире. Однако споры о содержании и смысле понятия «Русский мир» не только не утихают, но приобретают особую остроту и значимость в контексте последних событий в Донбассе и Сирии. К сожалению, в практику уже вошли искажающие смысловой экстракт этого понятия трактовки типа «культурно-лингвистического макрорегиона» (по типу франкофонных наций, *Rex Britannica* и т.п.) или проекта «новой русской экспансии» на постсоветском и мировом пространстве (на этот раз при помощи *Soft power*). Дабы уйти от этих квазиопределений, нужно как *min* вспомнить высказывание Н.А. Нарочницкой: «Русский мир — это не только Россия и русские в мировой истории. Русский мир — это связь во времени и пространстве, в жизни и сознании тех, кто объединены чувством сопричастности всей многовековой истории России с ее взлетами и падениями, грехами, заблуждениями и метаниями. Русский мир — это и мы сами в мире, и мир в нашем русском взгляде на него». А как *max* — дать полноценную концептуализацию искомой величины, чем, собственно, сегодня и занят «Изборский клуб».

Поэтому ниже я предложу собственную развертку данного понятия, прибегнув к помощи теории русской цивилизации.

¹³¹ Впервые опубликовано в журнале: Изборский клуб. 2016. № 3 (39). С. 66–69.

В пределах постсоветского пространства можно наблюдать различные цивилизационные ориентации практически всех новых независимых государств, наследников Российской империи и СССР. В первом случае, это ориентацию на США и атлантическую цивилизацию с ее геополитической «морской силой»; во втором — на ЕС как притягательный центр экономической силы и высоких социальных гарантий; в третьем — на полюса исламской мощи — Иран, Саудовскую Аравию, Турцию; реже — на Китай. Вместе с тем, сохраняется определенная тенденция формирования и укрепления сообщества евразийских народов в статусе самообитного цивилизационного образования с Россией как его ядром.

На этом фоне вариант — собирание культурно-исторически близких народов в образование под названием «Русский мир», для продолжения творения истории, для многих носителей обыденного сознания пока не кажется самоочевидным. Тем более, на фоне второй годовщины «революции достоинства», переориентации Украины на евроатлантические и натовские стандарты, как и вполне реально углубляющегося социально-экономического кризиса.

В качестве примера тут напрашиваются реализованные несколькими группами российских экспертов, духовными и культурными деятелями мозговые штурмы, которые пока не привели к общему знаменателю.

К примеру, «Русский мир» предлагается осмысливать в:

1) *геополитическом ключе* (В. Цимбурский, А. Дугин и др.), где предусматривается некоторая изоляция и создание суверенной Евразии;

2) *геоэкономическом створе* (П. Щедровицкий, А. Неклесса и др.), где угадывается последовательная интеграция русских диаспор с западной цивилизацией, ее экономикой и политикой на основе постиндустриального технологического базиса;

3) *геокультурной перспективе* (С. Градировский, Б. Межуев и др.), в рамках которой Россия обязана выступить в роли ядра некоего содружества наций, объединяя миграционные потоки и пассионарные массы для последующего исторического рывка;

4) *духовно-нравственном, православно-патриотическом ракурсе*, который обеспечивает понимание социокультурной общности

в свете культивирования высших ценностей (В. Аксюциц, Н. Нарочницкая, А. Недоступ, о. Дмитрий Смирнов).

Замечу, что существует и самобытная концепция «Русского мира», разрабатываемая и популяризируемая несколько лет Патриархом Московским и всея Руси Кириллом. В ней акцентируется внимание на нескольких важнейших структурных и параметрических моментах. Ядро «Русского мира» составляют Россия, Украина и Беларусь, которые, по словам прп. Лаврентия Черниговского, и являются Святой Русью. Иные государственно-территориальные образования, равно как и русские диаспоры по всему миру, включаются в состав «Русского мира» по критерию принятия «русской духовной и культурной традиций».

Речь идет о нескольких основополагающих моментах, таких как: *православная вера*, полученная в общей Киевской купели крещения; универсальная по своему характеру *русская культура* («имеющая стыковочные узлы для соединения с другими национальными традициями»); *русский язык* как важнейший коммуникационный элемент внутри- и вне-Русскомирного пространства; *общая историческая память и общие взгляды на общественное развитие*¹³².

В этих сентенциях, на мой взгляд, наиболее значимым является последний пункт (об общей исторической памяти и общих взглядах на общественное развитие), поскольку ему предшествующие так или иначе вызрели и стали нашим достоянием благодаря историческому творчеству русской цивилизации. Собственно именно он явился сегодня ареной самой острой идеологической борьбы, в том числе, на печально известной Украине... Борьбы за общее русское прошлое, равно как и за русское будущее!

Недаром в нынешней идеосфере рождаются те или иные версии прочтения партитуры русской истории и выдвигаются *формулы русскомирности* (русской самобытности-универсальности).

¹³² См.: Патриарх Московский и всея Руси Кирилл. Русский мир и наши ценности // Смыслы и ценности Русского мира. Сборник статей и материалов круглых столов, организованных фондом «Русский мир» / Под общ. ред. В.А. Никонова. М.: Фонд «Русский мир», 2010. С. 29–34.

Согласно же Патриарху Кириллу такой синтетической смысловой формулой, которая просматривается на всех этапах нашей истории и которая как никогда ранее актуализируется сейчас, выступает формула: *«вера — справедливость — солидарность — достоинство — державность»*¹³³.

Иначе говоря, сегодняшний дискурс о Русском Мире возможен и желателен в виде модели социокультурного развития России как страны-цивилизации, равно как и иных стран и народов, вовлеченных в прокладываемые ею ранее, а также сегодня исторические маршруты. В свою очередь сам цивилизационный процесс важен с точки зрения конституирования ценностей, как и закрепления их в сознании и деятельности больших масс людей, сегодня (на фоне происходящих мировых событий) ассоциирующих себя именно с этой социальной формой.

Между тем, существует точка зрения западного интеллектуала о том, что «Для среднего человека пределы его культуры представляют собой если не совсем пределы мира, то, по крайней мере, границы его трудовых возможностей, социальной преемственности, достоинства, эффективного участия и гражданства. Они определяют пределы использования его концептуальной интуиции, доступа к правилам игры и понимания социального мира». И далее: «За этими пределами человек становится неуклюжим, неуместным, объектом усмешек и презрения, наталкивается на препятствия во всех своих начинаниях. Его глубочайшая идентичность определяется отнюдь не его банковским счетом, родством или статусом, а культурой его воспитания...»¹³⁴

В этой связи уместно вспомнить эпоху распада союзного государства, формирования новых идентичностей «независимых» (от общего русского и советского прошлого — настоящего — будущего) государств и их граждан. Причем до поры до времени предоставленных самим себе, ибо государство реализовывало либеральную модель «ночного сторожа». Затем, учесть логи-

¹³³ Кирилл, Патриарх Московский и Всея Руси. Семь слов о Русском мире. М.: Всемирный Русский Народный Собор, 2015. С. 69.

¹³⁴ Геллнер Э. Условия свободы. Гражданское общество и его исторические соперники. М.: Московская школа политических исследований, 2004. С. 107.

ку центробежности бывших союзных республик, культивировавших национализм, а то и исключительность во взаимоотношениях с западными и восточными «партнерами».

Но важно и другое: не девальвируемая никакими историческими «сбоями» история русской цивилизации дает нам ряд иных перспектив. В том числе, перспективу регенерации Русского Мира.

Сама же русская цивилизация, между тем, может быть определена как макроэтническая и макросоциальная общность, возникающая и развивавшаяся под определяющим воздействием русского этноса и его культуры, при этом будучи нацеленной на выработку и реализацию формулы всечеловеческого идеала! Проще говоря, формулы совместного с другими этносами строительства общего социального бытия, в котором каждый отдельный «голос» и «жест», «воля» и «понятие» сливаются в «симфонию». В конце концов, так образуется «симфоническая личность», в принципе неизвестная Западу и Востоку в их культурном самодовлении.

Для того чтобы удостовериться в этом, припомним основные вехи развития русской цивилизации.

Известно, что русский этнос, консолидировавшийся и ставший полноценной цивилизацией, выполнил в истории почти невероятную задачу: после первой попытки *гуннов* по объединению Евразии под своей властью, после второй попытки *тюрков* создать каганат от Желтого до Черного морей, после попытки *монголов* связать Евразию своим жестко централистским синтезом, наступил черед русских дать новый формат и векторность развития. С этой задачей они справились успешно, хотя и в несколько этапов. Но главное, что сама эта задача была выполнена именно как цивилизаторская, а именно, как реализация византийского (материнского) задания: 1) «*быть в некотором смысле всем миром, вмещающим даже рай*»; 2) «*быть миром под знаком истинной веры*»¹³⁵.

Собственно именно так на первом этапе реализовала себя русская цивилизация. Но за этим последовал период непростых

¹³⁵ *Аверинцев С.С.* Византия и Русь: два типа духовности // *Аверинцев С.С.* Другой Рим. Избранные статьи. СПб.: Амфора, 2005. С. 311.

отношений со Степью, которая (в лице «кочевой цивилизации») пыталась навязать отношения зависимости. Тем не менее, «Русская земля» сумела сохранить относительную независимость, а далее, регенерировать свои преимущества в сложном историческом пространстве, вплоть до созидания единого, общерусского пространства и времени¹³⁶.

Дальнейшая ее историческая динамика была оформлена и подчинялась логике имперской формы (романовской и советской), что само по себе говорит о зрелости и доброкачественности притязаний. А именно: соединять этносы в единую семью при сохранении уникальности каждого из них. При этом русский, а затем и советский народ нес на себе все тяготы цивилизационно-имперского строительства.

К сказанному нужно добавить аргумент о том, что русская цивилизация всегда готова была разделить с «униженными и оскорбленными» народами их судьбу. Это обстоятельство напроць вычеркивает ее из состава западной цивилизации, народы которой (португальцы, испанцы, англичане и т.д.) стремились господствовать над «малоразвитыми» народами Азии, Африки и Латинской Америки. В том числе, в советскую эпоху с ее опекой «отсталых» по меркам того же стран (их бывших колоний!), а тем более сегодня, когда США «безраздельно» нависают над всем миром, поучая его то демократии, то правам человека...

Разумеется, в данном контексте можно говорить о том, что существующие за пределами русской цивилизации (локализованной в пространстве) ареалы ее прямого или косвенного влияния — Балканы, Ближний Восток, Азия, Африка и Латинская Америка уже «облучены» русским влиянием. Конкретно: православно-христианским и светски-гуманистическим. Более того, симпатии народов этих регионов к России и ее цивилизационной модели остаются на весьма высоком уровне. Чего хотя бы стоит отношение юго-славян, сирийцев, кубинцев к этому русскому влиянию.

¹³⁶ Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. М.: Танаис-Ди Дик, 1994. С. 172–173.

Но как мне кажется, вопрос о Русском Мире недавно (во время визита святейшего в Антарктиду) заметно актуализировался. Речь идет о том, что духовный лидер нашей цивилизации увидел на этом материке «образ идеального человечества». И думается, не зря, ведь сообщество полярных исследователей, состоящее из представителей разных народов и континентов, плюс фауна, образуют искомую модель гармонии. Впрочем, которая ранее выстраивалась и выстраивается теперь в виде Русского Мира.

И последнее. Коль скоро Русский Мир — суть порождение исторического пути русской цивилизации, то необходим общий критерий оценки такого «продукта» ее творения. И здесь следует вновь прислушаться к мнению Патриарха Кирилла: «Ценность любой цивилизации — не в том, во сколько миллиардов долларов оценивается ее совокупный продукт за истекший год, и не в том, сколько у нее приверженцев на сегодняшний день. *Ценность любой цивилизации — в том, что она несет человечеству.* И перед каждой цивилизацией стоит вопрос: способна ли она отражать в мыслях, чувствованиях, словах и делах ту непреходящую правду, которая имеет значение в вечности?»¹³⁷ (курсив мой. — М.Д.).

В таком случае, творческое задание — «быть миром миров» выходит далеко за пределы любых идеологических клише, настаивающих на той или иной партикулярности. Напротив, русскомирность в ее актуальности и незавершенности открывает возможность творения истории сообща, по ту сторону хищных геополитических и геоэкономических интересов. Истории в ее русской соборной и участной редакции.

¹³⁷ Кирилл, Патриарх Московский и Всея Руси. Семь слов о Русском мире. М.: Всемирный Русский Народный Собор, 2015. С. 36.

Тема «похищения» России в философии политики А.С. Панарина¹³⁸

Исследование современных мировых культурно-цивилизационных противостояний нередко приводит к сознанию того, что англосаксонская модель разрешимости конфликтов неминуемо оборачивается монологическим сценарием. И это неудивительно, ведь принуждение к трансформации иномерных Западу политических систем и ценностей опирается на присущие ему ценности и стандарты (либерализм и «демократические институты»). Глубже — протестантскую этику успеха и полезности конечного результата.

Отсюда интерес к глобальному по своей форме и сути процессу «похищения Истории», а значит, историй конкретных культурно-исторических общностей или цивилизаций.

Здесь имеется в виду не только достаточно четко предметно очерченное британским культурологом и антропологом Дж. Гуди этого ранее неизведанного проблемного поля. В частности, указанием на то, что «Европа не просто пренебрегла историей остального мира или преуменьшала ее значение, что приводило к последовательному искажению собственно европейской истории, но и как в Европе разрабатывали исторические концепции и периодизацию, усиливавшие восприятие Азии в определенном ключе, что, несомненно, повлияло и на понимание ее прошлого, и представление о ее будущем»¹³⁹. Причем не только искажением пространственно-временных, но институциональных и ценностных деформаций. Под этим углом зрения иначе звучат: «похищение «цивилизации»» (Н. Элиас), «похищение «капитализма»» (Ф. Бродель), «похищение социальных институтов» — семьи, города и университета, наконец, похищение автохтонных ценностей и замена их на «гуманизм», демократию», «индивидуализм» (в их сугубо европейской редакции)¹⁴⁰.

¹³⁸ Впервые опубликовано в сборнике научных работ XXVIII Харакского форума — Политическое пространство и социальное время / Под ред. Т.А. Сенюшкиной и А.В. Баранова. Симферополь: ИТ «Ариал», 2016. С. 136–138.

¹³⁹ Гуди Дж. Похищение истории. М.: Весь мир, 2015. С. 22.

¹⁴⁰ Гуди Дж. Похищение истории. М.: Весь мир, 2015. С. 173–246, 247–288, 289–412.

Однако более жестко проблему «похищения истории», равно как и «похищения России», в свое время поставил и раскрыл А.С. Панарин. В частности, в своей работе «Россия в циклах мировой истории» (1999) он описал ситуацию, в рамках которой:

а) динамика модерна, прежде всего его идеологических конструкций — либерализма и марксизма создали свои модели похищения, дифференцировав все общества, выделив референтную группу — «средний класс» и «пролетариат», и организовав тем самым разрыв между Большой историей и народной повседневностью;

б) «открытое» общество, навязываемое по всему миру, в своей практике касается не только экономики, но и сфер идеологии, образования, культуры, демонстративно призывая не-Запад открыться его «плодотворному» влиянию;

в) технологический *ratio*, лишенный любви, выхватил из-под опеки великих культур Востока — природу, с ее механизмами самоорганизации, и бросил ее в «топку» Прогресса, при этом не от-рефлексировав грядущие «пределы роста»;

г) мораль успеха, тиражируемая повсеместно, атакует и выводит из игры трудовую (аграрного и промышленного обществ) мораль, по сути ничего не предлагая взамен¹⁴¹, разве что сюжет юноши Эдипа¹⁴².

Разумеется, все эти тенденции умножились при вхождении человечества в русло глобализации. Конечно, можно по-прежнему сохранять благодушие к западной культуре (Западу присущ «дух терпимости»¹⁴³), но достаточно посмотреть на декларируемые и реализуемые принципы «стратегии умной силы»¹⁴⁴ в Азии, Африке, в пространстве СНГ, чтобы окончательно разувериться в мифе о нейтралитете Запада в плане изощренного форматирования истории. Попросту — в ее перманентного похищения и перелицева-

¹⁴¹ Панарин А.С. Россия в циклах мировой истории. М.: МГУ, 1999. С. 42–174.

¹⁴² Что детально показано Панариным в его последней прижизненной работе: Панарин А.С. Стратегическая нестабильность XXI века. М.: Алгоритм, 2003. С. 97–101.

¹⁴³ Померанц Г. Современный спор цивилизаций // Померанц Г., Миркина З. Спор цивилизаций и диалог культур (Лекции и статьи нулевых годов). М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив; Университетская книга, 2014. С. 9.

¹⁴⁴ Най С. Джозеф (младший). Будущее власти. М.: АСТ, 2014.

ния. Здесь диалог в формы политического участия США и их союзников даже не закладывается (!).

Иное дело отечественная парадигма, в лице того же А.С. Панарина, четко заявившая свою позицию: *принцип плюрализма мировых культур* означает, что «каждую из них нужно рассматривать как носительницу спасительного разнообразия, как воплощение того или иного альтернативного варианта не в духе взаимоисключения, а в духе дополнительности»¹⁴⁵.

Собственно это онтологическое условие остается невыполненным, и, вследствие этого, диалог культур (если не считать площадки симулякров — «свободный рынок», «права человека», «американский культурный универсализм» и т.д.), остается невозможным. А значит, будущее человечества по-прежнему неопределенно.

Донбасс как геополитический индикатор Беловежской геополитической эпохи¹⁴⁶

Сегодня во многих точках постсоветского пространства можно наблюдать особую геополитическую детерминацию процессов и событий. Ее принято фиксировать по-разному, в зависимости от общего состояния геополитических исследований, а также идейно-теоретических вкусов и предпочтений. Но очевидно одно — наиболее болезненное для становления современных России и Евразии, — пространство некогда единой (унитарной) Украины теперь является едва ли не самым «лакомым блюдом» прикладного геополитического анализа и оценок.

Проще говоря, два «майдана» (2004–2013/ 2014), инспирированный и управляемый извне государственный переворот, реактивный

¹⁴⁵ Панарин А.С. Тайна железного занавеса. М.: Алгоритм, 2006. С. 219.

¹⁴⁶ Впервые опубликовано в журнале: Геополитика и безопасность. 2016. № 3. С. 56–72.

«уход» Крыма из-под юрисдикции Киева, реактивные «Русские весны» в Харькове, Донецке, Луганске, Одессе, Запорожье..., едва ли идут в сравнение с Приднестровским, Нагорно-Карабахским, Абхазско- и Южно-Осетинским конфликтами и шлейфами их последствий, — ни по накалу, ни по интриге, ни по форме разворачивания, ни по вовлеченности заинтересованных внешних сил, ни по инструментарию урегулирования (Нормандский формат, плюс Минский процесс), ни по возможной «архитектуре будущего».

Более того, в этой эпопее новейшей истории Юга России именно Донбасс, а не Крым стал своеобразным «камнем преткновения», с одной стороны, геополитической векторности новой «доктрины сдерживания» США (с их желанием тотального администрирования украинского проекта), а с другой — России (с ее желанием «собирать камни», т.е. территории и народы около 25 лет назад «канувшей в Лету» Советской империи). При этом перспективы европейской или евроатлантической интеграции и ее альтернативы — евразийской интеграции были и остаются своеобразными полярными инвариантами цивилизационного и геополитического позиционирования Украины. На фоне незначительного числа автаркически настроенных политиков и населения.

Поэтому ниже мне бы хотелось предложить посильный анализ позиции Донбасса (ДНР и ЛНР) в контексте противоборства России и США, подчеркну, Донбасса, ставшего эмерджентом в рамках беловежской геополитической эпохи. Разумеется, речь идет о предложенной профессором И.Ф. Кефели гео- и хронополитической метриках, а именно, конституирования новой «беловежской геополитической эпохи»¹⁴⁷, с ее после-холодно-военным тяготением к однополярности. Оставляя в стороне дискуссии об общей структуре современных международных отношений (которые развиваются в логике «бесполярного» (Р. Хаас), «несбалансированной многополярности» (Дж. Миршаймер), «плюралистической однополярности» (А.Д. Богатуров), хотелось бы еще раз обратить внимание на следующее обстоятельство.

¹⁴⁷ Глобальная геополитика / Под ред. И.И. Абылгазиева, И.В. Ильина, И.Ф. Кефели. М.: МГУ, 2010. С. 103–105.

Для понимания архитектуры и тенденций фиксируемой эпохи важен учет позиции неореализма, главным образом, *offensive-realism*-а («наступательного реализма»), теоретически задекларированного Дж. Миршаймером. Общим местом тут выступает наступательный принцип, ведь гегемония — что естественно — тяготеет к усилению своего могущества и методичному ослаблению противника¹⁴⁸. В том числе, в его же геополитических зонах ответственности геополитических соперников, включая Россию. Но последние (зоны) претерпели заметное ослабление после декабря 1991 года, однако были позже реанимированы и закреплены в документах (напр., в новой военной доктрине Российской Федерации), что вообще стало возможным после знаменитой «мюнхенской речи» Президента В.В. Путина в 2007 году.

От себя в качестве рабочей гипотезы добавлю: в таком случае Беловежская геополитическая эпоха характеризуется скрыто-конфликтотенной расстановкой сил, имманентными интригами и «сквозной» темой. В качестве допущения: а) замысловатыми центробежно-центростремительными тенденциями бывших республик СССР; б) интригами включенности / невключенности в «глобальное сверхобщество» по выставленным США и ЕС «демократическим» преискурнтам; в) «сквозной» темой этой эпохи, похоже, выступила именно Украина, как геополитически, геоэкономически и геокультурно «несостоявшееся государство», но позиционировавшее себя как культурно-политический мост между Востоком и Западом (М.В. Попович).

В свою очередь Донбасс здесь, как представляется, выступает в роли индикатора указанных процессов, ибо на его территории идет не АТО, не гражданская война, а именно новый тип — гибридной войны, с привлечением сил и ресурсов разнокачественных акторов, нацеленных на форматирование этой эпохи через локальный формат.

Таким образом, изучение поставленной проблемы требует к себе особо тщательного внимания. При этом методологическим ориентиром тут выступает двойное приближение к предмету на-

¹⁴⁸ *Mearsheimer J.J. The Tragedy of Great Power Politics. New York: Norton & Company, 2001. P. 33–39.*

шего интереса: во-первых, описание геополитической ситуации с позиции «внешнего» наблюдателя; во-вторых, описание геополитической процессуальности с позиции «внутреннего» наблюдателя; естественно, с попыткой фиксации зоны сопряжения обоих дескрипций, которая, собственно и подводит к искомой геополитической сущности. В свою очередь, хотя привлекаемые геополитические и хронополитические дискурсы во многом плюральны (геопространственная силовая геополитика Зб. Бжезинского, цивилизационная геополитика С. Хантингтона, геополитика Hot point и мегатрендов Дж. Фридмана, геополитика «цивилизации Россия» А.Г. Дугина, цивилизационная геополитика Л.Г. Ивашова), в знаменателе которых значатся реализм и прагматизм, метафизическая драматургия и цивилизационный активизм, но у них просматриваются родимые пятна в виде глобального геополитического мыслетворчества.

Итак, как мы помним из результатов наделавшего много шума в 90-е гг. XX века хантингтоновского полицивилизационного анализа (=одной из версий неореализма), Украина артикулирована как «расколотое государство» с двумя различными культурами, следовательно, с бинарно-противоречивой исторической судьбой¹⁴⁹. Более того, по ее территории исторически и актуально (что подтверждает электоральная география выборов Президента в 1994 году, на что ссылался С. Хантингтон, но и последующие выборы, вплоть до 2010 года) проходит «линия разлома» между западной и православной цивилизациями¹⁵⁰. Но его собственная прогнозистика: 1) общность цивилизации — на фоне массы спорных вопросов (Крым и черноморский флот, права русских и экономические отношения) все же не приведут к конфликту между русскими и украинцами; 2) раскол Украины по линии разлома на две части и «уход» восточной части в Россию; 3) экзистенция единой, хотя и расколотой страны, будет определяться стратегическими интересами России и Украины¹⁵¹, склонялась в целом к первому бесконфликтному варианту.

¹⁴⁹ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2003. С. 206–208.

¹⁵⁰ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2003. С. 255.

¹⁵¹ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2003. С. 257–259.

В свою очередь, — в рамках рассматриваемой темы — полезно вспомнить о геополитической концепции Зб. Бжезинского и рассмотреть присутствующий в ней геостратегический императив в отношении Украины. Причем проводимый им с неизменным постоянством вот уже почти двадцать лет, с момента публикации «Великой шахматной доски» (1997). Достаточным основанием для игр на «евразийской шахматной доске» является беспрецедентный «вызов» американской глобальной системы остальному миру, маскируемый под продвижение демократии и заботу о правах человека. Тем не менее, он нацелен на «клонирование» социально-политических систем Запада и их тотальное администрирование.

Но сам характер и направленность игры в геополитические шахматы: от Лиссабона до Владивостока в отношении основных евразийских фигур («действующих лиц» — Франции, Германии, России, Китая, Индии; «геополитических центров» — Украины, Турции, Ирана, Южной Кореи), определяются тем, какой приз значится в знаменателе — вся Евразия с ее 60% мирового ВВП и $\frac{3}{4}$ известных мировых энергетических запасов. При этом правила игры предельно просты: США самостоятельно «расставляют» фигуры и управляют ими. Более того, в этом подходе обозначено снятие с повестки дня создание «антигегемонистской» коалиции Китая, России и Ирана, китайско-японской «оси», а также перегруппировки сил в Европе.

Для постсоветского пространства и России (Heartland-a) ситуация здесь наиболее драматична: она была объявлена «черной дырой», у которой есть дилемма единственной альтернативы — либо интеграция в Европу с идущими к ней с объятиями ЕС и НАТО при условии окончательного отречения от имперского прошлого, либо геополитическая изоляция при попытках регенерации или полагания полноценной евразийской империи.

Украине в этой схеме игры (на «евразийской шахматной доске») априорно был присвоен статус «геополитического центра»¹⁵², на который возложена миссия со временем войти в «ядро безопасности Европы» (вместе с Францией, Германией и Польшей)¹⁵³.

¹⁵² Бжезинский З. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы. М.: Международные отношения, 1999. С. 61–62.

¹⁵³ Бжезинский З. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостра-

Помимо того, Украина, о чем вещал гуру американской силовой геополитики в один из визитов в Киев, может занять свое место в демократическом плацдарме Европы, но при выполнении двух условий: 1) преодоления комплекса иностранного властвования (над собой); 2) окончательного освобождения от губительного коммунистического режима¹⁵⁴. Каков результат этой геостратегии, мы видим сегодня (два Майдана, государственный переворот в феврале 2014 года, «уход» Крыма, гибридная война в Донбассе, не имеющая конституционного и морального оправдания, нынешнее прямое внешнее управление Украиной со стороны США, НАТО и МВФ, наконец, процесс ползучей десоветизации жизни общества и государства).

Самым важным положением Бжезинского, тем не менее, служит тезис о потере Россией контроля над Украиной (вследствие объявления ее элитами акта о независимости в 1991 году), что само по себе выступает «центральной геополитическим событием» наступившей эпохи, т.е. начала нового хронополитического цикла становления постбиполярных демократических кружев вокруг ЕС, но под неусыпным присмотром сверхдержавы. К сказанному нужно добавить, что «независимость» Украины трактуется как катализатор распада Союза¹⁵⁵.

В духе геополитической прагматики у него также проработаны три геостратегических варианта развития событий в Евразии, как реакции России и других постсоветских государств на крушение СССР: а) приоритет «зрелого стратегического партнерства» с Америкой, частично реализованный некоторыми государствами Евразии позже, при Афганской авантюре США; б) акцент на «ближнее зарубежье» как объект основного интереса России, с экономической и политической интеграцией, и далее, с конституированием реального противовеса Америке и Европе; в) контроль или создание «евразийской антиамериканской коалиции» с целью снизить влияние Запада в этом субрегионе¹⁵⁶.

тегические императивы. М.: Международные отношения, 1999. С. 107, карта XIII.

¹⁵⁴ Бжезинський З. Україна у геостратегічному контексті. К.: Києво-Могилянської академії, 2006. С. 71.

¹⁵⁵ Бжезинский З. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы. М.: Международные отношения, 1999. С. 115.

¹⁵⁶ Бжезинский З. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы. М.: Международные отношения, 1999. С. 120–121.

Сейчас мы знаем, что «быстрая война» в Грузии (2008), выдвливание США из Средней Азии, «газовые войны» с Украиной и методичная опека Крыма, наконец, война в Донбассе подтвердили реалистичность российской позиции по второму сценарию, в противовес осмеянной американским геополитическим гуру «геостратегической фантазмагии».

Но сегодня Збиг продолжает настаивать на абсурдности восстановления Россией ее имперского статуса¹⁵⁷, либо создания коалиции евразийских государств (в формате Россия, Китай, Иран). Напротив, России предлагается все тот же дрейф в сторону ЕС, но на этот раз следуя примеру Украины, в т.ч., логике ее второго Майдана («на самом деле Украина не должна стесняться сказать своему младшему брату, России, что последней стоит научиться у нее политической культуре»). В случае же, если Россия будет упорствовать на своем в разрешении украинского кризиса, то американский ястреб обещает ей не много не мало, что США «превратят Украину во второй Вьетнам для русских»¹⁵⁸ (!).

Однако Вьетнам, похоже, трижды случился как для американских ЧВК и советников, так и для «непобедимых» ВСУ и нацбатальонов, равно как и нелегально поставляемого на Украину летального оружия для борьбы с «сепаратистами» и «террористами» ЛДНР (Иловыйский, Дебальцевский и Логвиновский котлы)...

Иное видение в отношении геостратегии США на постсоветском пространстве и, в частности, на Украине дает руководитель Stratfor Дж. Фридман. Так, в своей книге «Следующие 100 лет» (2009), ориентированной на мегатрендринг, он высказал нетривиальную идею: факт сохранности России после 1991 года актуализирует «русский геополитический вопрос». Его суть заключается в том, что даже в «урезанном» виде Россия рано или поздно поставит перед собой и другими фундаментальный вопрос: «где находятся ее границы и каковы ее отношения с соседями?» Именно этот вопрос, что хотелось бы отметить особо, будет определять следующий крупный этап мировой истории (!). Поэтому, как *pin*, считает американский эксперт, она «представляет серьезный потенци-

¹⁵⁷ Бжезинский З. Украинский шанс для России. М.: Алгоритм, 2015. С. 139–146.

¹⁵⁸ Бжезинский З. Украинский шанс для России. М.: Алгоритм, 2015. С. 131–134.

альный вызов Европе»¹⁵⁹, не говоря уже об администрировании ее Восточной части, исторически соотносимой с жизнью Российской империи в конце XIX века или с доминированием СССР.

Так, простираясь от берегов Тихого океана через земли, лежащие севернее Китая, затем к северо-западу от Гималаев и к южной части Центральной Азии, Каспий и Кавказ, граница обеих империй опиралась на Черное море и уходила в Карпаты и Балтику, отделяя на западе «Европейский театр». Именно западная граница связана с Украиной, Беларусью и странами Балтии, равно как с поясом «бывших сателлитов СССР» — Польша, Словакия, Венгрия, Румыния и Болгария. Однако для обеспечения своей национальной безопасности России, полагает Дж. Фридман, необходимо господство на Украине и Беларуси. Напротив, «если эти страны попадут в руки врага (например, вступят в НАТО), Россия окажется в смертельной опасности»¹⁶⁰. Спрашивается, почему?

Ответ Фридмана весьма релевантен: «С точки зрения России расширение НАТО за счет Украины угрожает российским интересам точно так же, как пришествие Варшавского договора в Мексику угрожало бы интересам США»¹⁶¹.

Впрочем, Россия, если следовать этой прогностике, осуществит «новое поглощение» Беларуси и Украины в ближайшие 5–10 лет, при условии реализации цивилизационной динамики России трех фаз: 1) восстановления влияния и эффективного контроля в пределах бывшего СССР, т.е. воссоздания «советской системы буферов»; 2) строительство второго ряда буферных зон, но за пределами бывшего СССР с прицелом на создание «общего фронта противодействия»; 3) предотвращение формирования антироссийских коалиций¹⁶².

Собственно эта аналитика и прогностика корреспондируют с

¹⁵⁹ Фридман Дж. Следующие 100 лет: прогноз событий XXI века. М.: Эксмо, 2010. С. 140, 141.

¹⁶⁰ Фридман Дж. Следующие 100 лет: прогноз событий XXI века. М.: Эксмо, 2010. С. 153.

¹⁶¹ Фридман Дж. Следующие 100 лет: прогноз событий XXI века. М.: Эксмо, 2010. С. 154.

¹⁶² Фридман Дж. Следующие 100 лет: прогноз событий XXI века. М.: Эксмо, 2010. С. 145–146.

процессами в пространстве СНГ, на Ближнем Востоке и Севере Африки, в Азии и Латинской Америке.

Далее Дж. Фридман в работе «Будущие 10 лет», вышедшей в 2011 году, привел ряд интересных наблюдений. Первое из них — это активное присутствие на Украине американских и европейских НКО с целью сотрудничества «с демократическими группами в деле построения демократии»¹⁶³. И в этом пункте, полагает Фридман, США и Россия «глубоко разошлись», в итоге страна была разделена на «пророссийскую и антироссийскую фракции», что чревато дальнейшими конфронтациями между ними. В качестве оправдания присутствия на территории суверенного государства западных НКО и соответствующих сверхцели «продвижения демократии» финансовых потоков, американский аналитик приводит аргумент к «доктрине сдерживания», при этом умалчивая, что теперь радиус сдерживания «привязан» ко всему постсоветскому пространству, включая страны Балтии, Украину и Грузию.

Между тем, последнее обстоятельство осмыслено как «статусно-ресурсная асимметрия», имевшая место во всех конфликтах на постсоветском пространстве, но в Донбассе проявленная наиболее отчетливо¹⁶⁴. Дело идет, с одной стороны, о ресурсах и статусе Украины, активно накачиваемых США, ЕС и «мировым сообществом», с другой стороны, о ресурсах ополчения (теперь армий ДНР и ЛНР) и их статусе «непризнанных республик», а также посильной помощи России. Но это положение также может быть усилено аргументом от Дж. Кьеца, а именно: о продаже президентом Украины В.Ф. Януковичем пяти областей Украины компаниям Shell и Chevron. По его сведениям, в договоре речь идет о «разведке, разработке и добыче углеводородов на территории Донецкой, Луганской и Харьковской областей»¹⁶⁵. Спрашивается, как такая сделка вообще могла состояться?

Тот же Дж. Кьеца указывает на «хозяев Вселенной»: Мери Линча (Bank of America), Дж.П. Морган (JP Morgan Chase), Б. Гейтса

¹⁶³ Фридман Дж. Следующие 10 лет. М.: Эксмо, 2011. С. 168.

¹⁶⁴ Минасян С.М. Последняя постсоветская война // Россия в глобальной политике. Новые правила игры без правил. М.: Эксмо, 2015. С. 314–315.

¹⁶⁵ Кьеца Дж. Мир на пороге войны. Размышления европейца. М.: Книжный мир, 2015. С. 270, 271.

(Microsoft). Проще говоря, использует экономические и информационно-технологические доводы. Однако все же «геополитическая инженерия» (И.Ф. Кефели) видится гораздо более предпочтительным инструментарием объяснения украинского кризиса, если под последней понимать целенаправленную работу по этической, профессиональной, экономической, политической и информационной фрагментации «больших пространств» за счет активации либо создания внутри них Hotpoint. Собственно этим активно озабочены многие военно-стратегические и аналитические центры США.

В этой связи уместно сослаться на недавнюю аналитику и прогностику американских военных экспертов Дж. Ф. Даннингема и О. Бэя, которые показали, что сегодня мир на самом деле представляет собой мозаику из горячих точек планеты — Юго-Восточная и Южная Азия, Средний и Ближний Восток, Африка, Европа, Южная Америка и Мексика. Нашлось в ней место и России, которая — несмотря на все свои внутренние слабости и приходящие риски, сможет восстановить свою экономическую стабильность, демократию, и при этом проведет небольшие «по размаху военные действия в ближнем зарубежье»¹⁶⁶ (!). При этом авторы, что якобы является «нормой» такого рода дискурса, скромно умалчивают о роли США в их развязывании и поддержке. В том числе и главным образом на Украине...

Но эту же тему в весьма развитой форме представил в своей последней книге с одноименным названием «Горячие точки» именно Дж. Фридман. Здесь присутствуют стратегические зарисовки, посвященные «Европейскому матерiku», «Франции и Германии и их пограничным территориям», «Европейскому средиземноморью, оказавшемуся между исламом и Германией», «Великобритании», «России и ее окружению», «Турции». Все исследуемые сюжеты концентрируются вокруг безопасности Европы, одним из важнейших аспектов которой выступает контроль над процессами на Украине.

Рассмотрение существующей проблемы видится просто: и Россия, и Европа заинтересованы в конституировании Украины как

¹⁶⁶ Даннингем Дж.Ф. Самые горячие точки XXI века. Как будут развиваться события. М.: Эксмо, 2014. С. 412.

«буферной зоны». Но если для первой Украина имеет цивилизационное значение, а значит, никаких преимуществ у ЕС или НАТО здесь нет, то для второй это предмет экономического и военнотехнического администрирования. Естественно, у восьмой экономики мира, о чем прямо заявляет Фридман, шансов значительно меньше, чем у ЕС, тесно связанных с США и НАТО, хотя мотивация России значительно сильнее. При этом вопрос об их детонации (самодетонации) Украины американский аналитик оставляет открытым, при итоговой декларации: для США Украина значит куда меньше, чем для России и ЕС¹⁶⁷.

Тем самым, в этой «очевидной точке возгорания» сегодня «важнейший конфликт уже разгорелся» (!). В геополитических терминах: Украина как пограничная зона суть «основное поле сражения» между «полуостровом» и «материком»¹⁶⁸. Но введение этой дихотомии для «континента Евразии» (П.Н. Савицкий) чревато большими неожиданностями. Тем более что Украина и Донбасс не значились в глобальной конфликтогенной структуре, точнее, в «большом полумесяце нестабильности», протянувшемся от стран южнее Сахары в Африке, через Северную Африку на Ближний Восток, Балканы, Кавказ, через Центральную Азию вплоть до некоторых частей Юго-Восточной Азии¹⁶⁹. Равно как они ранее не попадали в поле зрения европейских конфликтологов, уделивших значительное влияние периферийным по отношению к ЕС регионам — Кипру, Сирии и Черногории, Молдове и Приднестровью, Грузии и Абхазии¹⁷⁰.

Поэтому не может не вызывать определенное методологическое любопытство обеспечение Фридманом этого «восточного» направления политики ЕС и Запада в целом. Так, он недвусмысленно прочерчивает следующую формулу: «Европейский полуостров ограничен с юга Средиземным и Черным морями, с севера —

¹⁶⁷ Фридман Дж. «Горячие точки». Геополитика, кризис и будущее мира. СПб.: Питер, 2016. С. 391.

¹⁶⁸ Фридман Дж. «Горячие точки». Геополитика, кризис и будущее мира. СПб.: Питер, 2016. С. 390.

¹⁶⁹ Россия и мир в 2020 году. Доклад Национального разведывательного совета США «Контурь мирового будущего». М.: Европа, 2005. С. 131 и сл.

¹⁷⁰ См.: Европеизация и разрешение конфликтов: конкретные исследования европейской периферии / Б. Коппитерс, М. Эмерсон, М. Хейссен, Т. Ковзиридзе, Г. Нутчева, Н. Точчи, М. Валь, Н. Попеску и Г. Нодиа. М.: Весь мир, 2005.

Балтийским и Северным. В самой восточной точке Балтийского моря расположен Санкт-Петербург. В самой восточной точке Черного моря — город Ростов. Мысленно проведя линию от Петербурга до Ростова, вы увидите, где проходит условная граница Европейского полуострова и материковой части Европы: все, что слева от нее, — полуостров, справа — материк Евразия»¹⁷¹. От себя добавлю: на этой линии, если к ней присмотреться под интересующим нас углом зрения, как раз и находятся ДНР и ЛНР (!).

Итак, у «внешних» наблюдателей судьба Донбасса автоматически связывается с западнистской траекторией жизни Украины, хотя с известными оговорками о языковой, религиозной и культурной близости к России, точнее, о недопустимости воспроизводства фигур идентичности русской цивилизации. Но здесь напрочь упущен момент региональной специфики, с которой донецкий регион изначально не вписывался в пространство и самое субъектность «незалежной». Это обстоятельство, между прочим, свидетельствует о когнитивном диссонансе.

В данном контексте необходимо вспомнить некоторые сюжеты из истории Донбасса. Во-первых, что забытый теперь региональный референдум, прошедший 27 марта 1994 года в Донецкой и Луганской области, был нацелен на восстановление социально-экономических связей с Российской Федерацией и закрепление нормы функционирования русского языка как регионального. Он, что немаловажно, соответствовал закону Украины «О всеукраинском и местных референдумах», но был проигнорирован украинской властью (!). Во-вторых, именно русский Донбасс составлял электоральную базу президентов Кучмы и Януковича, заигрывавших с идеями тесной интеграции с Россией в своих предвыборных кампаниях, а также русским языком (придания ему особого статуса). В-третьих, немалые ожидания были связаны с послемайданым съездом в Северодонецке (ноябрь 2004), выразившем коллективную волю по осуществлению реальной федерализации, в т.ч. экономически-хозяйственную автономизацию Донецкой и Луганской областей; в-четвертых, важно подчеркнуть значение недавне-

¹⁷¹ Фридман Дж. «Горячие точки». Геополитика, кризис и будущее мира. СПб.: Питер, 2016. С. 256–257.

го проекта «Еврорегион Донбасс» (с 2010–2014), в который были вовлечены Ростовская, Белгородская и Воронежская области — со стороны России, Донецкая и Луганская — со стороны Украины. Вовлечены с целью теснейшей кооперации, хотя и не без европейских инвестиций и кураторства. И наконец, что вполне естественно для молодой Донецкой народной республики, прямо задекларировавшей свою преемственность от Донецко-Криворожской республики¹⁷², в т.ч. на уровне флага и других атрибутов государственности, связан со становлением этого референтного феномена. По ходу замечу, последовательно вписываемого отцами-основателями в структуру РСФСР (!).

В связи с последним пунктом, весьма важным представляется то художественное обобщение, которое было сделано в начале 20-х годов XX века. Речь идет о плакате (см. ниже).

Но эта «предначертанная» украинскими элитами («Украина — это не Россия» Л.Д. Кучма), как и заокеанскими теоретиками и политиками судьба если и объективировалась, хотя и весьма условно, в период 2004–2010 гг., чего нельзя сказать о 2014 и последующих годах, событиях и процессах. В особенности, применительно к восстанию Донбасса и зримому обретению политической субъектности и формулы идентификации. Впрочем, если вспомнить пророческое слово А.А. Проханова, сказанное им после 1-го Майдана: «События на Украине дают России последний, бесконечно малый, исчезающий шанс. Сорвать с глаз отвратительные бельма прозападного либерализма. Увидеть в Западе ненавидящее лицо Черчилля, беспощадный лик Аллена Даллеса, то есть неумолимого вечного врага. Поставить крест на ВТО и Евросоюзе, на окорочках и «инвестициях», на дружбе с Джорджем и Жаком. Напрячь ослабевшие имперские мускулы и осуществить малый, слабый, известный всем каратистам толчок, после которого посыплется вся саманная постройка СНГ». И далее самое важное: *«В результате толчка Россия вернет себе Крым, Донбасс, Харь-*

¹⁷² См.: Меморандум Донецкой Народной Республики об основах государственного строительства, политической и исторической преемственности, принятый Народным Советом ДНР и подписанный его Председателем А.Е. Пургиным 06.02.2015 г.

ков, Абхазию, Южную Осетию, Приднестровье...»¹⁷³ (выделено мной. — Д.М.), то все встанет на свои места.

¹⁷³ Проханов А.А. «Здоровеньки були, батько Махно!» // Проханов А.А. Хроника пикирующего времени. Екатеринбург: Ультра. Культура, 2005. С. 35.

Нисколько не умаляя достоинств «кассандровой функции» искусства и литературы, далее следует перейти к анализу позиций «внутренних наблюдателей», которые также содержат когнитивную и аксиологическую эвристику.

И здесь обращают на себя внимание две позиции: позиция известного военного эксперта и геополитика, генерала-полковника, президента Международного центра геополитического анализа Л.Г. Ивашова и не менее известного геополитика и философа А.Г. Дугина. Рассмотрим их взгляды подробнее.

Обращаясь к работам Л.Г. Ивашова, нужно обратить внимание на то, что еще в начале 2000-х, когда ничто не предвещало беды, он поставил проблему упразднения «буферов» на Северо-Западе (страны Балтии), а потенциально — на Юго-Западе Европы (Украина?). Суть этой проблемы в том, что «расширение НАТО представляет для России угрозу военно-стратегического характера»¹⁷⁴. При этом ему виделась вероятность «югославского сценария» развития событий в Крыму, Закавказье, Прикаспии и в Средней Азии с привлечением для купирования этих конфликтов сил НАТО¹⁷⁵.

Собственно социально-политический кризис на Украине, госпереворот и война в Донбассе побудили Л.Г. Ивашова прибегнуть к более тщательному анализу катастрофы, эксплицируя его далекие и близкие генетические причины, причины структурного и управленческого характера, наконец, государственную телеологию. Их системный абрис весьма впечатляет: а) в историко-генетическом плане здесь значатся Директива Совета национальной безопасности США 20/1 от 18 августа 1948 года, являющуюся стратегическим планом разрушения СССР, причем главным образом, за счет отрыва УССР и его дальнейшего поглощения, плюс указание на изворотливость украинских элит и части населения, готовых в подходящий для них лично момент предать общерусские интересы и ценности, либо культивировать квазиценности; б) культурно-цивилизационное положение Украины видится как

¹⁷⁴ *Ивашов Л.Г.* Россия или Московия?: Геополитическое измерение национальной безопасности России. М.: Эксмо, 2002. С. 272.

¹⁷⁵ *Ивашов Л.Г.* Россия или Московия?: Геополитическое измерение национальной безопасности России. М.: Эксмо, 2002. С. 258.

матричное, причем один (западноукраинский) вектор воспроизводства и идентификации тяготеет к геополитическим полюсам Запада, другой (южный и восточный) соотносен с динамикой русской цивилизации, а функциональность олигархически-клановых (энергетический, угольно-металлургический, машиностроительный и аграрный сектора) элит опять же поставлена в зависимость от их конъюнктурных интересов, а никак не задач реинтрационного типа в форматах СНГ, ОДКБ, ЕАЭС ШОС, и т.д.; в) цели украинских элит всего политического спектра, как то показало последнее, самое напряженное десятилетие, — последовательная интеграция в европейские и евроатлантические структуры (на этом пути и апрельское 2004 года рамочное соглашение с НАТО, и вызвавшее кризис ноябрьское 2013 года соглашение об ассоциации с ЕС)¹⁷⁶.

Хотим мы того или нет, но всеми этими аспектами воспользовался «Главный Противник», срежиссировав и запустив на Украине «матрешку» процессов. В эту «стратегическую спецоперацию» входили: 1) уровень социального протеста против коррумпированного режима; 2) социальный протест «оседлали» олигархи, найдя, что «майдан» — оптимальная форма разрешения накопившихся противоречий; 3) в спор украинского олигархата вмешались американские ТНК (продажа компаниям Shell и Chevron пяти областей Украины); 4) захват контроля поставок российского газа в ЕС; 5) идеологически фундированная борьба за суверенитет и независимость на самом деле обеспечена националистическими организациями, призванными «оторвать Украину от России»; 6) активное присутствие на Украине организации «Хабар» связано с созданием на ее территории «Новой Хазарии»; 7) общее администрирование всех процессов осуществляло посольство США, американские советники и агентура в высших эшелонах власти¹⁷⁷.

В этой ситуации Россия, констатирует военный эксперт, совершила большую ошибку, которая состояла в том, что «мы были сосредоточены в отношениях с Украиной на экономических и военно-

¹⁷⁶ *Ивашов Л.Г.* Радикальная доктрина Новороссии. М.: Алгоритм, 2014. С. 52, 54–55, 63–91.

¹⁷⁷ *Ивашов Л.Г.* Радикальная доктрина Новороссии. М.: Алгоритм, 2014. С. 103–105.

политических аспектах», но при этом «упустили важнейшую составляющую — культурно-цивилизационное пространство (науку, сферу образования, культуру, искусство и многое другое)»¹⁷⁸.

Но на фоне развернувшейся войны введение в геополитический дискурс концепта «Новороссия», но с подчеркнута доктринальными ударами, было важной мерой стабилизации ситуации. Тем более, что эта военно-политическая инициатива была разработана на основе Военной доктрины Народного ополчения и утверждена решением Общероссийского офицерского собрания в феврале 2015-го. Между прочим, в тексте этого документа значится: «Война, развернутая марионеточным фашистским режимом на Украине против Новороссии, есть всего лишь стратегическая операция на конкретном театре военных действий, отдельный эпизод в той большой глобальной войне, которая ведется с целью установления мирового господства...»¹⁷⁹

Однако выиграть этот эпизод можно, лишь мобилизовав все ресурсы страны, плюс с опорой на самоорганизацию ополчений (армий) ЛДНР. Их же сдача неподконтрольных режиму Порошенко территорий Донбасса — это не только отступление к рубежам Крыма и Москвы, но и «поражение Русского мира, России, подрыв еще только начинающегося процесса по восстановлению ее как великой державы, способной к проведению самостоятельной политики»¹⁸⁰.

В дальнейшем Л.Г. Ивашов сделал важное обобщение: оно касается «переидентификации (перевоспитание, переселение) населения страны, собственника ресурсов» и т.д.¹⁸¹, что собственно наблюдается на подконтрольной Киеву территории Донбасса. Что же до нынешней ситуации, которая формально регулируется «минским комплексом мер» и присутствием на территории ДНР и ЛНР миссии ОБСЕ, то ее эскалация вполне вероятна со стороны Украины и «Главного Противника».

¹⁷⁸ Ивашов Л.Г. Радикальная доктрина Новороссии. М.: Алгоритм, 2014. С. 41.

¹⁷⁹ Ивашов Л.Г. Радикальная доктрина Новороссии. М.: Алгоритм, 2014. С. 94–95.

¹⁸⁰ Ивашов Л.Г. Радикальная доктрина Новороссии. М.: Алгоритм, 2014. С. 113.

¹⁸¹ Ивашов Л.Г. Геополитика русской цивилизации. М.: Институт русской цивилизации, 2015. С. 744.

Пожалуй, для релевантного этому украинскому «вызову» — «ответа» является следующее общее положение: «Императивы сохранения статуса «великой державы» не только задают определенные рамки для функционирования системы национальной безопасности, но и возлагают на Российскую Федерацию дополнительную ответственность за безопасность и на глобальном и региональном уровнях»¹⁸². Между тем оно влечет за собой ряд мер (включая встречное ментальное переформатирование Украины), способных дезавуировать ряд причин конфликта, о которых говорилось выше. Но в любом случае, для реализации контр-игры Донбасс выступает ключевым плацдармом, в т.ч., для броска в историческую Новороссию.

Свою, подчеркнуто геополитическую транскрипцию происходящего на Украине и в Донбассе в ряде работ предложил А.Г. Дугин. Показательно, что перу мыслителя, наряду с множеством иных материалов, принадлежат новая глава «Цивилизация Россия: украинский кризис 2014 года» в учебнике «Геополитика России»¹⁸³, геополитический дневник «Украина: моя война» (где собраны аналитические материалы, эмоциональные реакции и оценки, прогностика событий на Украине, в Крыму и в Донбассе в период 21.02.2014–01.09.2014)¹⁸⁴, наконец, монография «Русская война»¹⁸⁵. Само собой, методологически украинский кризис рассматривается в качестве урока (предупреждения) для России.

В них развиты прежние геополитические интуиции, но с поправкой на мегазадачу: «воссоздание Большой России в качестве полюса многополярного мира»¹⁸⁶. Но реализация этой мегазадачи сопряжена с «открытым» на «Евромайдане» «ящиком Пандоры», причем как в сторону России, так и в сторону Европы. Но этот

¹⁸² *Ивашов Л.Г.* Геополитика русской цивилизации. М.: Институт русской цивилизации, 2015. С. 757.

¹⁸³ *Дугин А.Г.* Геополитика России. Учебное пособие для вузов. 2-е изд., доп. М.: Академический проект, 2014. С. 486–501.

¹⁸⁴ *Дугин А.Г.* Украина: моя война. Геополитический дневник. М.: Центрполиграф, 2015.

¹⁸⁵ *Дугин А.Г.* Русская война. М.: ТД Алгоритм, 2015.

¹⁸⁶ *Дугин А.Г.* Украина: моя война. Геополитический дневник. М.: Центрполиграф, 2015. С. 41.

феномен интерпретируется в стандартной версии борьбы континентов, где США заинтересованы в администрировании всего объема социальных процессов, а главным полигоном для такого рода менеджмента являлась и является именно Украина. Но этом фоне восстание Юга (Крыма) и Востока (Донбасса) представляется как вполне самостоятельные эмердженты, через свободное волеизъявление продемонстрировавшие свою цивилизационную идентичность¹⁸⁷. Однако если крымский референдум был введен в правовое поле России (институционализирован), то референдумы в Донецке (89,7% граждан за государственную самостоятельность) и Луганске (95%) такового не имели. При этом данное решение квалифицировано как гениальное, поскольку «ставка на собственные силы с уважительным отношением к России» демонстрирует свободное волеизъявление Донбасса без каких-либо «захватнических» намерений Путина¹⁸⁸.

Между тем, он стал катализатором целого ряда процессов, как на самой Украине, так и в России. Эти процессы затрагивают самое основы русской и мировой истории, так трагически проявившиеся в наши дни. Весь объем процессов предлагается взвешивать на весах «экзистенциальной политики», т.е. в перспективе жизни-и-смерти Донбасса, Украины, России, Родины, Евразийского союза, Запада, США, атлантизма и евразийства, океана и континента, наконец, мира¹⁸⁹. Обозначившийся исторический разлом выделил в мировой политике и экономике друзей и недругов России: среди первых страны БРИКС, среди вторых Запад, возглавляемый США плюс страны НАТО. В структуре этих процессов кристаллизовались позиции «внутренних» врагов России — «пятой» (либералы, открыто выступившие на стороне Украины против присоединения Крыма и помощи Донбассу — «Эхо Москвы», Немцов, Макаревич и т.д.) и «шестой» колонн (группы в россий-

¹⁸⁷ Муза Д.Е. Крым — Донбасс — Россия: о факторах формально / неформального приятия в контексте Русской весны // Новая земля. Март 2015. № 2 (5). С. 43–46.

¹⁸⁸ Дугин А.Г. Украина: моя война. Геополитический дневник. М.: Центрполиграф, 2015. С. 265.

¹⁸⁹ Дугин А.Г. Украина: моя война. Геополитический дневник. М.: Центрполиграф, 2015. С. 72 и сл.

ском обществе, в т.ч. в ее патриотическом спектре, выступающие не против Путина, но против воссоздания мощи и величия русской цивилизации)¹⁹⁰, равно как и ярко выраженный полюс патриотизма (несравнимый с предыдущими этапами развития России — «первой» и «второй» Россиями за счет ее «пробуждения» в отношении событий в Донбассе).

Таким образом в повестку дня вносится пункт о конституировании «третьей России», в противовес деятельности пятой и шестой колонн, «геополитически работающих против России как цивилизации» и Путина «как ее исторического лидера». Подчеркну, «третьей России», включающей в себя опыт русского сопротивления Западу, эталоном которого и выступает ДНР и ЛНР. С другой стороны, в этой битве судьба Донбасса артикулируется Дугиным через три пути: 1) федерализм; 2) самостоятельное государство (Новороссия); 3) воссоединение с Россией¹⁹¹. Естественно, что у каждой из сторон военного конфликта свое видение будущего Донбасса, впрочем, как и у США, как главного его режиссера, при том что «Минский формат» должен их скоординировать по целому ряду пунктов.

Сегодня, спустя два с половиной года с момента начала Русской весны в Донбассе, приоритетным для его элит и народа являются второй и третий пути. Но для России, похоже, тоже, хотя социология ВЦИОМ не так однозначна (см. данные опросов 2015 и 2016). И это неудивительно, ведь исторически Донбасс был основной топливно-энергетической базой южного и центрального регионов Российской империи и СССР. Хотя, подчеркну, продажа его территории для разработки сланцевого газа при помощи технологии фрекинга, а также претензии западных компаний на восстановительные работы в Донбассе после победы Украины (?)¹⁹², заметно корректируют эту прогностику. Равно как и объективно существующая сетевая асимметрия конфликта Запада и России¹⁹³.

¹⁹⁰ Дугин А.Г. Украина: моя война. Геополитический дневник. М.: Центрполиграф, 2015. С. 221–226.

¹⁹¹ Дугин А.Г. Украина: моя война. Геополитический дневник. М.: Центрполиграф, 2015. С. 182.

¹⁹² Кроне-Шмальц Г. Понять Россию. Борьба за Украину и высокомерие Запада / Пер. с нем. А.С. Лоскутовой. М.: Кучково поле, 2015. С. 167.

¹⁹³ Дугин А.Г. Русская война. М.: ТД Алгоритм, 2015. С. 253 и сл.

И все же, думается, в этом конфликте «беловежской геополитической эпохи», не удерживающей принципов Ялты–Хельсинки, важна аксиологическая сторона. В свое время Д. фон Гильдебранд показал, что ценностное сознание разного рода социальных общностей может быть центрировано вокруг некоторого «имени» (in poen), что само по себе усиливает фактически все ресурсы этих общностей¹⁹⁴. Именно поэтому связка имен: Россия — Новороссия — Донбасс и соотнесенных с ними референтов¹⁹⁵ может обеспечить цивилизационно-геополитическое преимущество и победу в этом конфликте.

Собственно аксиосфера русской цивилизации и задает морально-историческую логику присутствия России в мире, как она дает Донбассу шанс на интеграцию в большое историческое пространство и время ее бытия, поверх геополитических нигитологических чертежей американских геостратегов, так или иначе отрицающих либо редуцирующих Донбасс, Новороссию и Россию. И что может быть сегодня важнее задачи собирания русских земель и объединения русского народа?

Русская Весна в Донбассе, война и государственное строительство ДНР¹⁹⁶

Вынося в заглавие статьи эти процессуально и событийно взаимосвязанные вопросы, я не предполагаю никакой интеллектуальной провокации или реализации политического заказа. Напротив, здесь намечена позиция, которую можно связать с экзистенцией миллионов людей, так или иначе вовлеченных в нынешнее (на фоне войны)

¹⁹⁴ Гильдебранд Д. фон. Метафизика коммуникации. СПб.: Алетейя, 2000. С. 129–133.

¹⁹⁵ Муза Д.Е. Россия в системе координат глобального мира: метафизика, идеология, прагматика / Предисл. С. Ю. Житенева / Центр стратегической конъюнктуры. М.: Издатель Воробьев А.В., 2016. С. 135–168.

¹⁹⁶ Впервые опубликовано: syncreticstudies.com/2016/09/02/the-russian-spring-in-donbass/.

созидание этого вполне самобытного региона, волею судеб не одно столетие сопряженного с судьбами Русского мира.

Собственно ниже будет предложен посильный анализ трех взаимосвязанных сюжетов — «Русской весны в Донбассе», текущей войны¹⁹⁷ и попыток государственного строительства, каждый из которых претендует на отдельную рефлексию и оценку. Причем как с позиции «внутреннего», так и с позиции «внешнего» наблюдателей.

Тем не менее, все они, думается, связаны имманентной логикой, которая может быть артикулирована как центростремительный или процесс реинтеграции Донбасса в цивилизационное пространство русской (русско-евразийской, православной) цивилизации¹⁹⁸.

Вместе с тем, общая экспозиция происходящего сегодня в Донбассе и с Донбассом нуждается в некотором уточнении его докризисного состояния. При этом данное уточнение касается как недавнего, так и отдаленного прошлого, напрямую связанного с рассматриваемым регионом. Снимая эти пласты истории, я как раз намерен показать органику жизни Донбасса в отношении большого русского цивилизационного пространства.

Во-первых, необходимо вспомнить, что забытый теперь региональный референдум, прошедший 27 марта 1994 года в Донецкой и Луганской области, был нацелен на восстановление социально-

¹⁹⁷ По ходу замечу, что в умах и устах у одних эта война трактуется как гражданская (Д. Гау, П. Раста); у других как идеологическая (Дж. Кьеца), у третьих как сетевая (В. Коровин) или сетецентрическая (А. Дугин), у четвертых как геополитическая (Л. Ивапов), у пятых как «психоисторическая» (А. Фурсов), у шестых как «гибридная» (С. Марков). Представляется, что разброс дефиниций свидетельствует о сверхсложности этого феномена, который еще далек до своего завершения, а значит, общего концептуального знаменателя. Тем не менее, ее интерпретация как войны гибридного типа наиболее правдоподобна, поскольку не просто позволяет интегрировать различные аспекты происходящего (второй «майдан» и госпереворот на Украине как момент деструкции политики России, геноцид русских и русскоязычных Донбасса, участие ЧВК в конфликте, санкции, игра на понижение в вопросе цен на нефть, информационная война и т.п.), но и трактовать их в фокусе геостратегической перспективы США в виде окончательного упразднения России с «евразийской шахматной доски».

¹⁹⁸ См.: Муза Д.Е. Крым — Донбасс — Россия: о факторах формально / неформального притяжения в контексте Русской весны // Новая земля. Март. 2015. № 2 (5). С. 43–46.

экономических связей с Российской Федерацией и закрепление нормы функционирования русского языка как регионального. Он, что немаловажно, соответствовал закону Украины «О всеукраинском и местных референдумах», но был проигнорирован украинской властью. Во-вторых, именно русский Донбасс составлял электоральную базу президентов Кучмы и Януковича, заигрывавших с идеями тесной интеграции с Россией, а также русским языком (придания ему особого статуса). В-третьих, немалые ожидания были связаны с послемайданным съездом в Северодонецке (ноябрь 2004), выразившим коллективную волю по осуществлению реальной федерализации, в т.ч. экономически-хозяйственную автономизацию Донецкой и Луганской областей; в-четвертых, важно подчеркнуть значение недавнего проекта «Еврорегион Донбасс», в который были вовлечены Ростовская, Белгородская и Воронежская области — со стороны России, Донецкая и Луганская — со стороны Украины. Вовлечены с целью теснейшей кооперации, хотя и не без европейских инвестиций и кураторства.

И наконец, что вполне естественно для молодой Донецкой народной республики, прямо задекларировавшей свою преемственность от Донецко-Криворожской республики¹⁹⁹, в т.ч. на уровне флага и других атрибутов государственности, связан со становлением этого референтного феномена²⁰⁰. По ходу замечу, вписываемого отцами-основателями в структуру РСФСР.

Так, тонкий знаток истории ДКР историк и политолог Владимир Корнилов справедливо отмечает: «Фактически во всех основополагающих документах о создании ДКР подчеркивается неразрывная связь с Россией. Эта тема проходит «красной нитью» через все воззвания и обращения различных органов ДКР. Между тем, в подписанной Артемом декларации о ближайшей деятельности Совнаркома республики (февраль 1918 года) в качестве основной

¹⁹⁹ См.: Меморандум Донецкой Народной Республики об основах государственного строительства, политической и исторической преемственности, принятый Народным Советом ДНР и подписанный его Председателем А.Е. Пургиным 06.02.2015 г.

²⁰⁰ Напомню, что на IV съезде Советов Донецко-Криворожского бассейна 12 февраля 1918 года было провозглашено создание Донецко-Криворожской Республики.

определяется следующая задача: «Укрепление власти Рабоче-Крестьянского Правительства России. Активное участие в том социалистическом творчестве, к которому неизбежно ведет углубляющаяся революция. Проведение в жизнь постановлений, декретов и распоряжений Советов Народных Комиссаров Федеративной Социалистической Республики Советов в России»²⁰¹.

Небезынтересно, что ее, Донецко-Криворожской Республики, творцами (Ф. Артем (Сергеев), В. Межлаук, В. Филев, М. Жаков, К. Ворошилов, Ф. Кон и др.) были отнюдь не этнические украинцы²⁰². В массе своей — русские, тяготевшие не просто к большому пространству, но к Родине!

Естественно, что даже в первом приближении этот русский образ Донбасса презентует его сущность: быть трудовым краем и обеспечивать «хлебом промышленности» европейскую часть России. В этой связи любопытно наблюдение того же В. Корнилова: «Сейчас лозунг «Донбасс — сердце России!» и соответствующий плакат 1921 года могут кого-то удивить. Но еще тогда, в начале 1920-х годов данный слоган не удивлял ни самих донбассовцев, ни жителей России. Как бы большевики ни говорили о борьбе за советскую Украину, но, воюя за Донбасс, они довольно четко ставили задачу объединения его с общероссийским государством — не столь важно, в какой из республик». И самое важное в плане самоидентификации: «Сами жители Донбасса, несмотря на то что они уже успели побывать к началу 1920-х годов в различных государственных и квазигосударственных образованиях, продолжали считать себя русскими, имея в виду, разумеется, не столько этническую принадлежность, сколько государственную»²⁰³.

И здесь мне представляется важным упомянуть территориальные споры вокруг Донбасса (1920–1925), развернувшиеся после «ликвидации» ДКР и «свободного» вхождения промышленной агломерации в состав Советской Украины.

²⁰¹ Корнилов В.В. Донецко-Криворожская республика. Харьков: Фолио, 2011. С. 167.

²⁰² Очерки истории Украины / Под общ. ред. П.П. Толочко. К.: Киевская Русь, 2010. С. 326.

²⁰³ Корнилов В.В. Донецко-Криворожская республика. Харьков: Фолио, 2011. С. 519.

Вспомним, что по первоначальному проекту Госплана Юго-Восток России должен быть разделен на три области: Кавказскую — с центром во Владикавказе; Южно-Горнопромышленную — с центром в Харькове (куда, собственно, и входил весь Донецкий угольный бассейн, плюс западная часть Донской области с Ростовом-на-Дону); область Нижнего Поволжья — с центром в Саратове (в нее включена восточная часть Донской области)²⁰⁴. Но в дальнейшем усилиями украинских коммунистов начиная со II съезда КП(б)у (Москва, 17–22 октября 1918 года) Донкривбасс был поставлен под вопрос, а затем, благодаря личным аппаратным интригам Н.А. Скрыпника²⁰⁵, окончательно, но небесспорно был присоединен к УССР (!). Разумеется, вопреки воле отцов-основателей ДКР, и прежде всего Артема (Сергеева), а также населению донецкого края.

С тех пор миновало много времени, события в СССР и на постсоветской Украине развивались стремительно. На пороге был первый, а потом и второй Майдан.

И в этой связи хотелось вспомнить «откровения» политолога и консультанта нескольких президентов Украины Дмитрия Выдрина. Он, как ему казалось, вывел прелюбопытную формулу районирования Украины. Рассматривая страну в фокусе ментальной однородности, он постулировал наличие в ее структуре двух доминирующих субментальных зон — восточно-украинской и западно-украинской, плюс трех разнородных биментальных зон — Днепропетровщины, Буковины и Закарпатья.

Развивая свой вычурный конструкт, Выдрин недвусмысленно утверждал, что на Востоке Украины существует и своя сакральная столица — Донецк, и носители соответствующего менталитета — «янычары». Последние сконструированы по аналогии с известными турецкими воинами, «которые прекрасно владели наступательной техникой, были отчаянными и беспшибашными захватчиками —

²⁰⁴ См.: *Галкин Ю.И.* Сборник документов о пограничном споре между Россией и Украиной в 1920–1925 годах за Таганрогско-Шахтинскую территорию Донской области // Приложение к журналу «Новая земля» Изборского клуба Новороссии. Донецк: Изборский клуб Новороссии, 2015. С. 5.

²⁰⁵ Убеждая Ленина и Сталина.

по-нашему «рейдерами», — но всегда отвратительно защищали собственные территории». Кроме того, «они практически даже не создавали собственные крепости, считая, что их жизненное кредо — захватывать чужие крепости, а не строить и защищать свои»²⁰⁶. Но киевский гуру, тем не менее, впадает в (неразрешимое) противоречие, а именно: он утверждает, что те же самые «янычары» «остаются всю жизнь в основном жителями и патриотами своих родных городов и сел...»²⁰⁷.

То есть, с одной стороны «янычары» — «не создавали» и «отвратительно защищали» собственные крепости, а с другой — они «жители и патриоты» своих городов и сел. Анекдотичность этого анализа можно объяснить по-разному, например, указать на то, что Выдрин нетактично маркировал донецкий олигархат и простой народ термином «янычары», или вспомнить о том, что элита ВСУ Украины — «киборги» (они же «схронщики»), в массе своей представляли те или иные области «незалежной», в т.ч. Львовщину.

Но все же здесь вспоминается указанный покойным Олесем Бузиной архетип незадачливых историков и литераторов, экспериментировавших с русским народом (его южным сегментом), пытаясь втиснуть его самого и его бытие в искусственный и мертворожденный конструкт. Процитирую: «Языческая химера, зародившаяся в душах малочисленной группы интеллектуалов, страдавших комплексом неполноценности, требовала новой порции жертв, дабы воплотиться в действительность. Ведь каждая душа создает только «свою» Украину. Личную!»²⁰⁸

Но вернусь к основным сюжетам.

Глядя правде в глаза, нужно подчеркнуть, что на Востоке Украины взаимоотношения с новой, радикально независимой (от Москвы) Украиной сложились весьма и весьма диалектично. Причина — методичное предательство местных элит, которые категорически не желали выпадать из вертикали власти. Характерно, что для них была свойственна двойная идентичность: на центральном уровне элиты

²⁰⁶ Выдрин Д.И. О политике бесспорно. К.: Саммит-Книга, 2011. С. 44.

²⁰⁷ Выдрин Д.И. О политике бесспорно. К.: Саммит-Книга, 2011. С. 47.

²⁰⁸ Бузина О. Союз шуга и трезуба. Как придумали Украину. К.: Арий, 2013. С. 489.

эти видели себя в качестве парламентской оппозиции (а в случае победы — парламентским большинством), на региональном же — в качестве удельных князей, чья власть никем и никогда не может быть оспорена. Для Донбасса это обстоятельство обошлось очень дорого.

Даже «оранжевая революция» никак не поколебала их статуса (фамилии приводить не стану, они у всех на слуху) и положения. Напротив, они в той или иной мере сумели выторговать для себя у «победившего майдана» и кусок парламента, и преференции, и неприкосновенность «своих» бизнесов на подконтрольных территориях. Сами же общественные настроения Востока Украины чаще всего рассматривались только как предмет для торгов с Киевом. Собственно для этого и создавалась «Партия регионов», напрочь лишенная стратегического видения, если, конечно, всерьез не воспринимать их «бизнес-интеграцию» в ЕС при полном пренебрежении объективной логикой исторического процесса, включая ценностно-ментальную специфику Донбасса. А значит, проведения реальной федерализации страны.

Думается, что именно отсюда проистекают нежелание и неспособность элит принять легитимные решения на уровне областных советов сразу после государственного переворота, который мог бы задать искомый формат Новороссии (как min 7 областей), что поставило бы Киев перед жестким выбором: раскол Украины или немедленный переход от унитарной модели государства — к федеративной.

Напротив, в толще народных масс вызревали различные общественные настроения (а за ними организации и движения — «Интердвижение Донбасса» (1989 — до с.г.), «Донецкая республика» (2005 — до с.г.), на местных выборах неоднократно принимал участие «Русский блок», начиная с 2005 года проходил «Русский марш» (4 ноября), с 2009 года активно действовал «Русский центр» в ДонОУНБ им. Н.К. Крупской... Собственно, эти силы и стали основой «Русской весны», вылившейся в 40-тысячный митинг 1 марта 2014 года. Митинг, как считают некоторые, ставший альтернативой майданной «революции достоинства».

Ход «Русской весны» был, тем не менее, драматичен. Первый этап проходил под несколькими лозунгами — «Крым, Донбасс, Россия!», «Долой хунту!», «Донбасс русский!», «В Донбассе не место

продажным олигархам!» и т.д. Но в какой-то момент стало ясно, что при отсутствии решений легитимной власти и помощи России Донбасс не сможет пойти по пути Крыма. Тем не менее, в апреле 2014-го общественными представителями Донецкой и Луганской областей были провозглашены ДНР и ЛНР и назначены народные референдумы по вопросу поддержки Актов о государственной самостоятельности республик.

В плюсе также — Декларация о государственном суверенитете Новороссии плюс договор об образовании Союза суверенных республик Новороссии. Статус документов — приняты конгрессом депутатов всех уровней ДНР и ЛНР 12 декабря 2014 года.

После оглашения итогов майских референдумов появились проекты конституций Донецкой и Луганской народных республик (позже — неоднократно скорректированные), которые предусматривали возможность присоединения ДНР и ЛНР к «федеративному государству» на правах отдельных субъектов федерации. При этом территории республик определялись границами Донецкой и Луганской областей (фактически на этот момент республики контролируют две трети областных территорий).

Причем идеологическая статья в Конституциях, повторяя ельцинскую Конституцию, не давала четких ориентиров на строительство государственности. Правда, много позже (осенью 2015 года), по инициативе Главы ДНР А.В. Захарченко, стал обсуждаться идеологический конструкт «СССР» — «Свобода», «Совесть», «Справедливость», «Равенство», задающий крен в сторону социального государства, а также его причастность к большому «Русскому миру». И хотя даже эта коррекция не дает полного понимания того, что именно строится на земле Донбасса, ясно одно — строится точно не «новая» Украина, свихнувшаяся на ненависти к России и русским. Донбассу, помнящему и чтящему Изотова и Ватутина, Ангелину и о. Зосиму (Сокура), Прокофьева и Кобзона, там, очевидно, места нет. Напротив, у Донбасса свой самобытный путь в будущее, очевидно пересекающийся в основных смысловых точках с историей Великой России.

Да, сегодня еще нет определенности, как республики будут решать вопросы собственности (в ЛНР, к примеру, земля по консти-

туции принадлежит народу, а в ДНР право частной собственности на землю может принадлежать гражданам и их объединениям), социальной защиты (ДНР и ЛНР задекларированы конституциями как социальные государства), преемственности власти (напр., от народного губернатора — Павла Губарева), наконец, собственных территориально-административных границ. Тем более, в свете «минских соглашений» (продленных на 2016 год) и их систематического неисполнения киевским режимом.

Последний, между тем, ввязался в очевидную гибридную войну (ЧВК из 39 стран мира), желая освободить эти территории от «ватников» и «колорадов», посмевших перечить клике Порошенко–Турчинова–Яценюка. Но, для новой Украины, взорвавшей собственный правовой фундамент, «минские договоренности» — это по большому счету тупик. Любые изменения законодательства, ценность которого сведена к нулю государственным переворотом и последующим неконституционным (!) использованием вооруженных сил и других воинских формирований для ограничения прав и свобод граждан — есть прямая угроза «Незалежной».

А еще большая угроза Киеву видится в присутствии российских войск в Донбассе, причем она не даст режиму провести полноценный геноцид восставшего населения. Загнать его в специально построенные концлагеря (напр., в Талаковке).

И здесь также правомерен аргумент от поэтического откровения, а именно, точно схваченного донбасским поэтом в стихотворении «Големы Майдана»:

Правят миром войны исстари.
Нам боев надолго хватит!
Миномет Майдана выстрелил,
Чтобы кровь была «на Вате»?

Чтобы варварскую нацию
Называли новой расой?
Крым ушел... Дашь фильтрацию
Территории Донбасса?!
А страна еще достонется,

Увезет погибших с фронта.
Революцию достоинства
Я прошу не путать с фрондой!

Но опять гордыню холим мы,
И не лечим паранойю,
Отмайданенные големы,
Оживленные войною²⁰⁹.

²⁰⁹ *Шталь А.* Големы Майдана // Всерусский собор. 2015. № 1(30). С. 162.

Тотальное наступление Запада

Мегатренд глобальной гражданской войны: причины, формы развертывания, альтернативы²¹⁰

В современном публичном дискурсе, равно как и в научных публикациях, все чаще востребована тема войны. Но в отличие от прежних наработок военологии, сегодня ставятся иные акценты в плане понимания природы современных войн, их формативности и целей.

И этот сюжет не случаен, ведь войны прежней биполярной эпохи остались в прошлом, а нынешние отличаются глобальным структурогенезом и структуродинамикой. В этой связи уместно указать на несколько точек зрения, иллюстрирующих именно такое положение вещей.

Так, известный итальянский публицист и политолог Дж. Кьеза полагает, что «11 сентября было началом Афганской войны, потом началась Иракская война, потом Ливийская война, сейчас — Сирийская. А потом Украина. Все это — одно и то же. Это операция по изменению курса истории...»²¹¹. И в этом понимании Кьеза не одинок: вспомним хотя бы последние работы и интервью А.А. Зиновьева, в которых выстраивалась цепочка: от «холодной войны» — к «теплой» и к «горячей».

Но и другая фокусировка также работает на фиксацию глобальных военно-политических изменений. Здесь уместно сослаться на недавнюю аналитику и прогностику американских экспертов Дж. Ф. Даннингема и О. Бэя, которые показали, что сегодня мир представляет собой мозаику из горячих точек планеты — Юго-Восточная и Южная Азия, Средний и Ближний Восток, Африка,

²¹⁰ Материал доклада на XIII Панаринских чтениях (Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова, 11. 11. 2015).

²¹¹ Напр.: Кьеза Дж. Мир на пороге войны. Размышления европейца. М.: Книжный мир, 2015. С. 259.

Европа, Южная Америка и Мексика. Нашлось в ней место и России, которая, несмотря на все свои внутренние слабости и привходящие риски (часть которых — из стран ближнего зарубежья, но большая и самая опасная часть — из дальнего), сможет восстановить свою экономическую стабильность, демократию, и при этом проведет небольшие «по размаху военные действия в ближнем зарубежье»²¹². И похоже, эта позиция верифицируется если не в полной мере, то в весьма значительной степени.

В свою очередь, в указанном интеллектуальном поле свое заметное место занимает последняя прижизненная работа А.С. Панарина — «Стратегическая нестабильность в XXI веке». Причем подготовленная в виде фундаментального текста — альтернативы валу деклараций и нормотворческих инициатив, идущих из Рио-92 и известных под названием *sustainable development*. Иначе говоря, эта работа не просто идет вразрез принятым в научном и политическом сообществе политико-экологическим клише, но даст новую перспективу в истолковании глобальных реалий.

Ниже я постараюсь остановиться на опорных моментах заявленной темы, являющейся ключом ко всему многообразию поставленных русским мыслителем проблем.

Между тем, приступая к обсуждению заявленной темы, а именно, генезиса глобальной войны как мегатренда из «точки бифуркации» — 11 сентября 2011 года, хотелось бы обратить внимание на ряд методологических тонкостей. Сам А.С. Панарин, рассматривая перспективу начавшейся войны, полагал, что она может быть интерпретирована в терминах кондратьевских циклов, а именно: в повышающей фазе (совпадающей с модерном) в развитии человеческого сообщества торжествует миф прогресса; а в понижающей фазе (совпадающей с постмодерном) начинает развертываться миф геополитики²¹³. В качестве же своеобразной разграничительной линии здесь присутствуют две катастрофы западного общества: 1) осознание экологических «пределов роста»;

²¹² Данингем Дж.Ф. Самые горячие точки XXI века. Как будут развиваться события. М.: Эксмо, 2014. С. 412.

²¹³ Панарин А.С. Стратегическая нестабильность в XXI веке. М.: Алгоритм, 2003. С. 32.

2) заметное снижение (в его культуре) способности к генерированию больших как научных, так и социальных идей, способных привести к системному обновлению. В т.ч., за счет духовной реформации, или внутреннего самоограничения.

И как следствие этих катастроф — начавшаяся глобальная война за ресурсы и против навсегда «отверженного большинства мира».

Конечно, эти хронополитические и геополитические соображения вполне резонны, но здесь хотелось бы внести одно уточнение. Оно касается представления о «столетней войне» как судьбе XXI века, касающейся нескольких поколений. Думается, что в таком историческом масштабе война принимает форму мегатренда, т.е., такого типа социального времени, который растянут на столетие и более²¹⁴. В пользу этого обстоятельства говорит и само название работы А.С. Панарина, и реализованные в ней аналитика / прогностика.

Итак, по мнению философа, начавшаяся война имеет объективную и субъективную стороны. В первом случае нужно говорить о том, что в этой войне решается судьба модерна, в т.ч. принципов Просвещения, в которых было провозглашено единство человечества (без всякого деления на богатых и бедных, избранных и отверженных). Во втором случае нужно говорить о столкновении антагонистических интересов «нового богатого меньшинства» и «нового бедного большинства».

При этом объединенный Запад, что вытекает из его стратегических ориентаций, нацелен на «господство над Евразией». Но в отличие от прежних схем, например, маккиндеровской, А.С. Панарин работает как с парадигмой «Великой шахматной доски» Зб. Бжезинского²¹⁵, так и с реальным эмпирическим материалом.

²¹⁴ Что в свое время показал Ф. Бродель, отделив тренды от событий (длительность до 15 лет) и конъюнктур (до 50 лет). См.: *Бродель Ф. История и общественные науки. Историческая длительность // Философия и методология истории: Сборник статей.* М.: Прогресс, 1977. С. 115–142.

²¹⁵ Характер и направленность игры на «шахматной доске» от Лиссабона до Владивостока в отношении основных евразийских фигур («действующих лиц» — Франции, Германии, России, Китая, Индии; «геополитических центров» — Украины, Турции, Ирана, Южной Кореи) в знаменателе имеет приз — всю Евразию с ее 60% мирового ВВП и ¾ известных мировых энергетических запасов. При этом правила игры предельно просты: США самостоятельно «расставляют» фигуры и управляют ими. Более того, в этом подходе обозначено снятие с пове-

Поэтому у него господство обеспечивается на трех уровнях: 1) ресурсном (изъятие дефицитных ресурсов «из рук недостойных», поскольку они не желают распоряжаться ими цивилизованно, т.е. «передать в руки достойных»); 2) геостратегическом (закрепление в пространстве Великого шелкового пути, соединяющего Атлантику с Тихим океаном); 3) военно-стратегическом (получение доступа к «ключевой точке евразийского пространства, откуда можно непосредственно угрожать стратегическим противникам — Китаю и Индии...»)²¹⁶.

Сама же эта схема вытекает из идеологических и ментальных аспектов современного атлантизма. Ранее в работе «Искушение глобализмом» А.С. Панарин показал, что американский глобализм — суть идеология сегрегации народов на «избранных» и «изгоев». Последнее вообще означает: идеалы и ценности христианства (перспектива общего спасения этнически и социально дифференцированного человечества), как и идеалы и ценности модерна (демократия, равенство, прогресс) отброшены как препоны к установлению «нового мирового порядка». Но он уже лишен принципа единой общечеловеческой судьбы, единого будущего. Напротив, «избранничество богатых» далее нерушимо, как нерушимо изгойство бедных²¹⁷.

Собственно этот пункт становится объектом уничижительной политологической и культурологической критики мыслителя, хотя понятно, что американская геостратегия идет вразрез с базовыми принципами ООН и окончательно торпедирует ялтинско-потсдамскую систему международных отношений.

Таким образом, целесообразно говорить о собственно глобальной, региональной и локальных формах развертывания войны. При этом каждая из форм имеет свою специфику, проявляющуюся прежде всего в сопротивлении / несопротивлении политических элит и населения стран попыткам реализовать сценарий «либерального

стки дня создание «антигегемонистской» коалиции Китая, России и Ирана, китайско-японской «оси», а также перегруппировки сил в Европе. См.: *Бжезинский* З. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы. М.: Международные отношения, 1999.

²¹⁶ Панарин А.С. Стратегическая нестабильность в XXI веке. М.: Алгоритм, 2003. С. 42.

²¹⁷ Панарин А.С. Искушение глобализмом. М.: Русский национальный фонд, 2000.

джихада». Иначе говоря, развертывание войны предлагается вести через социально-политическую аналитику и аргументацию.

Продвижение указанного сценария разворачивается в формате «открытого общества», приходящего на смену биполярному миру, как протекционистской мировой системы, страховавшей слабых. Напротив, «глобальное открытое общество — это общество, открытое для беспрепятственного проникновения сильных в те ниши, в которых до сих пор было позволительно отсиживаться слабым»²¹⁸. И поскольку «ментальный код западной цивилизации не знает никаких имманентных пределов»²¹⁹, то эта стратегия рано или поздно охватит весь мир, который окажется дифференцированным на два полюса — «сверхдержавность богатых» и «сверхдержавность бедных».

²¹⁸ Панарин А.С. Стратегическая нестабильность в XXI веке. М.: Алгоритм, 2003. С. 283.

²¹⁹ Здесь уместно вспомнить О. Шпенглера, а именно, его понимание «прасимвола» той культуры (цивилизации), которую он назвал «фаустовской». Для нее «бесконечное пространство есть идеал, непрестанно *взыскуемый* западной душой в окружающем ее мире». См.: Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. М.: Мысль, 1993. Т. 1. Гепталыт и действительность. С. 338. (Курсив. — О.Ш.). Далее О. Шпенглер дает его, прасимвола, философско-историческое толкование: «фаустовская культура была в сильнейшей степени направлена на распирение, будь то политического, хозяйственного или духовного характера; она преодолевала все географически-материальные преграды; она стремилась без какой-либо практической цели, лишь ради самого символа, достичь Северного и Южного полюсов; наконец, она превратила земную поверхность в одну колониальную область и хозяйственную систему. То, чего от Мейстера Экхарта до Канта взыскали все мыслители — подчинить мир «как явление» властным притязаниям «познающего Я» — то же от Оттона Великого до Наполеона делали все вожди. Безграничное было *исконной* целью их честолюбия: мировая монархия великих Салических императоров и Штауфенов, планы Григория VII и Иннокентия III, империя испанских Габсбургов, «в которой не заходило солнце», и тот самый империализм, из-за которого сегодня (строки написаны в мае 1918 года. — Д.М.) ведется далеко не законченная мировая война». И далее: «Зрелища, вроде переселения в Америку — каждый сам по себе, на свой страх и риск и с глубокой потребностью остаться одному, — испанских конкистадоров, потока калифорнийских золотоискателей, неукротимого желания свободы, одиночества, безмерной самостоятельности, гигантское отрицание так или иначе ограниченного чувства родины — все это есть нечто исключительно фаустовское. Такого не знает ни одна культура...» (курсив. — О.Ш.). Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. М.: Мысль, 1993. Т. 1. Гепталыт и действительность. С. 522, 523.

Само же «открытое общество» разворачивается в незападных цивилизациях благодаря торпедированию идеи (и реальности) социального государства. Однако сама эта процедура невозможна без методичного предательства элит интересов собственного народа. Причем предательства, «оправданного» нечем иным, как «круговой порукой с мировым агрессором-гегемоном» (!)²²⁰. Как это выглядит на деле — иллюстрируют горбачевско-ельцинская эпоха, т.е. времена тотальной сдачи государственного суверенитета, геополитических интересов и деиндустриализации, социалдарвинистских опытов строительства капитализма в России и на постсоветском пространстве. Отсюда жесткий вывод мыслителя о «перечеркивании» Русской идеи, нашедшей свою объективацию в советском проекте в виде солидарного государства.

Но дело, к сожалению, не очерчивается только постсоветским пространством, оно захватывает практически все национальные государства, вынужденные принимать или отторгать новые правила глобальной экспроприации.

Помимо этого, предательство элит выдает ряд обстоятельств: генезис двойной морали и двойного языка: на эзотерическом языке и языке «морали господ» элиты коммуницируют между собой, в то время как к туземному большинству обращены сладкозвучные песни о либерализации жизни и несомых ею бесконечных благах. В знаменателе, таким образом, значится: если просвещенческая картина мира отстаивала открытость и этнически нейтральные универсалии Прогресса, то талмудическая картина мира продуцирует закрытость и отлученность профанного большинства от Истории.

К сказанному, конечно, присоединяется и сугубо антропологический аргумент. Он зиждется на представлении о реванше «естественного принципа». Точнее, на вытеснении из бытия социокультурного и морального принципов. Сам же «естественный принцип», после расчистки прежней территории смыслов и субъектностей (смерти Бога — смерти автора — смерти героя — смерти читателя), вылился в манифестацию «естественного инстинктивного эгоизма» и запуск механизма «естественного отбора» по этому критериаль-

²²⁰ Панарин А.С. Стратегическая нестабильность в XXI веке. М.: Алгоритм, 2003. С. 422.

ному основанию. Иначе говоря, прежним формам солидаристской и сострадательной морали, равно как и их носителям, была объявлена война. Разумеется, угнездившимся в пространстве исторической России и других коллективистски спаянных цивилизаций.

В этом ракурсе и появляется сюжет «юноши Эдипа», который в отличие от Ж. Делеза и Ф. Гваттари с их психоанализом и политической экономией²²¹ трактуется подчеркнуто антропологически и культурологически. Так, рассматривая «юношу Эдипа» как таран СССР, он заключает: он — носитель инфантильного отношения ко всему происходящему в позднесоветский период и ельцинскую эпоху, а именно, воинской службы, гражданского долга, социальной мобилизации. При этом ссыла на трудности перестройки, травму афганской войны, чернобыльский синдром и прочее не является достаточным основанием его появления и «размножения». Напротив, кризисный этап в существовании советского государства нуждался в сверхмотивированных патриотах-охранителях, для которых высокая культура (ее нормы и ценности) не была пустым звуком.

На глобальном же уровне этот персонаж связан с новейшими стратегиями «управляемого хаоса», ввиду того, что он — герой, методично престопающий прежние общеобязательные нормы. Вообще, живущего по формуле: «все позволено в присутствии позволяющих»²²². Но это ни что иное, как смердяковщина, заручившаяся покровительством глобального гегемона, его антихристианскими и антипросвещенческими установками.

В свою очередь, мыслителем очерчены исторические альтернативы. Последние возможны при геополитической, демографической и социокультурной «перегруппировке всей атакуемой мировой периферии...»²²³. Но в отличие от Э. Валлерстайна, заботящегося о

²²¹ Следует напомнить, что французские интеллектуалы показали, как «капиталистическая машина» методично порождает «ситуацию раскодирования и детерриторизацию потоков». Но делает она это во многом благодаря Эдипу, присвоившему себе «желающее производство». См.: Делез Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения. Екатеринбург: У-Фактория, 2007. С. 58, 92.

²²² Панарин А.С. Стратегическая нестабильность в XXI веке. М.: Алгоритм, 2003. С. 177.

²²³ Панарин А.С. Стратегическая нестабильность в XXI веке. М.: Алгоритм, 2003. С. 418.

левом реванше²²⁴, А.С. Панарин апеллирует к более широкому спектру идей и ценностей, в т.ч. к великим духовным традициям незападных цивилизаций, содержание которых несет в себе возможные альтернативы.

Остановлюсь на них подробнее, поскольку панаринская альтернативистика предполагает экспликацию микро- и макроуровней социокультурных изменений.

В первом случае целесообразно говорить об антропологической альтернативе, тем более что индивидуализм можно и нужно интерпретировать как геополитический фактор. Фактор, «взрывающий» традиционные общества...

Вместе с тем в рамках формации модерна, напоминает нам мыслитель, индивидуализм конституировался в двух модусах — мобилизационном и демобилизационном. На ранней стадии он обеспечивал рост социокультурного капитала, в то время как на закате модерна за счет «революции досуга» люди превратились в «расслабленных» персонажей, не считающихся ни с какими социальными процессами и культурными нормами. При этом экономоцентризм остается его сущностной чертой, ввиду тесной связи с рыночными играми, их редукционизмом.

И здесь правомочен вопрос о востребованности модели «внеэкономического человека» Востока, воспитанного этикоцентрической и космоцентрической традициями. На деле же трансформация западных людей прорисовывается через эту перспективу, а именно, форматирования его в «постэкономическое» существо.

Во втором случае, на макроуровне Истории предлагается востребовать идейно-ценностно-мотивационные ресурсы, способные ослабить, а то и снять с повестки дня войну богатых против бедных, «избранных» и «отлученных».

Для Европы здесь уместно генерирование: а) социальной идеи, точнее, принципов солидарности и гражданской солидарности; б) идеи постиндустриального общества, которое выступает в своей постэкономической, посткапиталистической ипостаси; в) идеи

²²⁴ Т.е. преодоления исторической системы капитализма. См.: *Валлерстайн И.* Конец знакомого мира. Социология XXI века. М., 2004. С. 182–183.

диалога культур, способную развернуться в полноценный социальный и культурный консенсус.

Для американского континента (вопреки доктрине Монро) предусмотрена новая гражданская война между Севером и Югом, точнее, латиноамериканской его части — с одной стороны и США — Канады — Мексики — с другой. В этой войне расизму янки и их сателлитов будет противопоставлена альтернатива в виде христианского и левого универсализмов, которые сумеют преодолеть новый сегрегационный механизм.

Для цивилизаций Востока с их великими метафизическими традициями (Китая, Индии, исламской цивилизации) задача «срыва» военной экспансии сводится к: 1) осознанию своей весьма незавидной роли объекта вестернизации; 2) возвращению социальных прерогатив собственным народам; 3) переоткрытию, — за счет инверсии к базисным суперэтническим текстам, — гармоничных моделей взаимодействия с природным и социальным окружением.

Что же касается России, то ее причастность к великой христианской монотеистической традиции, а на ее основе выработка ответов на вселенские вопросы — сквозь призму «русских вопросов», позволила создать «великое духовное пространство», глобальное пространство смыслов. В нем, между прочим, сосредоточены социальные и моральные презумпции, соотносимые с судьбами «униженных и оскорбленных». Именно в этом состоит парадоксальная миссия России в мире: «силы, пришедшей в мир затем, чтобы унять сильных и наглых и одобрить слабых, открыв им перспективу спасения»²²⁵. Причем эта формула, по мнению А.С. Панарина, является архетипической для русской истории: от киевских и московских князей до российских императоров и советских генсеков...

В конце концов, в этой перспективе: противостояния двух империй — видимой и воплощаемой американской мировой мощью «империи богатых» и не видимой, катакомбной «империи бед-

²²⁵ Панарин А.С. Стратегическая нестабильность в XXI веке. М.: Алгоритм, 2003. С. 223.

ных»²²⁶, будет определяться ход событий и процессов в XXI столетии. Но именно от нравственного усилия последних зависит то, насколько успешной будет эта борьба с социал-дарвинизмом в его глобальной форме и утверждение социального порядка бытия.

Тайна 11 сентября 2001 года, или Как действуют скрытые пружины американской политики²²⁷

Тема террористической атаки на административные и бизнес-здания в Америке в начале XXI века многим кажется исчерпанной. Разумеется, в контексте представленной администрацией сверхдержавы официальной версии и принятой как должное мировым сообществом. Тем не менее, последовавшие за этим события и процессы в системе международных отношений заставляют думать иначе. В частности, о режиссуре этого действия, равно как и полномасштабной антитеррористической операции в Афганистане, затем Ираке и последующем тренде переформатирования мира в исключительно однополярный.

Для начала вспомним хронологию. Ранним сентябрьским утром 2001 года в 7 часов 59 минут по Восточному времени самолет «Боинг-767» авиакомпании American Airlines вылетел из города Бостона и взял курс на город Лос-Анджелес. Пролетая над штатом Нью-Йорк, он резко изменил курс и направился в направлении столицы штата — города Нью-Йорка. В 8 часов 45 минут он врезался в северную башню Всемирного торгового центра (ВТЦ) на уровне 84-го этажа 110-этажного здания. После мощного взрыва в здании начался пожар.

²²⁶ Сплочение которых — необходимое условие эффективной борьбы с «гегемоном».

²²⁷ Впервые опубликовано в журнале: Новая земля. 2015. № 8 (11). С. 8–11.

В 8 часов 14 минут из аэропорта «Логан» в городе Бостон взял старт лайнер «Боинг-767» авиакомпании United Airlines и направился в тот же Лос-Анджелес. Однако пролетая над штатом Нью-Джерси, самолет развернулся и взял курс на Манхэттен. Здесь лайнер спикировал и врезался в южную башню Всемирного торгового центра на уровне 50-го этажа.

Далее, около 9 часов утра из вашингтонского аэропорта «Даллас» «Боинг-767-200» вылетел в город Лос-Анджелес. Через некоторое время борт пропал с экранов радаров, а когда связь с ним была восстановлена, он летел по направлению к Белому дому с максимальной скоростью. В итоге траектория его полета привела к зданию Пентагона, в которое он врезался в 9 часов 40 минут. При этом в стене здания образовалась «дыра» высотой в шесть этажей и шириной около 50 метров.

Наконец, последний, четвертый «Боинг» авиакомпании United Airlines вылетел в 8 часов из города Ньюарк в направлении города Сан-Франциско. В воздухе он также сделал разворот в сторону столицы, но не долетел до нее, рухнув на землю в районе местечка Шанксвилль.

Параллельно всем этим событиям ВТЦ, как главная арена разворачивающийся трагедии, уже превратился в руины: его южная башня лежала в развалинах, а в 10 часов 28 минут рухнула северная башня. Среди причин обрушения были названы не только масштабные разрушения несущих конструкций, но высокие температуры, возникшие в результате больших пожаров.

Официальная статистика установила: в результате взрывов и разрушений общая численность погибших — 3 170 человек, в т.ч. в самом Нью-Йорке — 2 937 человек.

Действия администрации президента США были следующими: произошедшее квалифицировано как открытая агрессия террористов «Аль-Каиды» против страны, и, следовательно, Америка прибегнет к адекватному ответу. Персональная ответственность за произошедшее была возложена на главу террористической сети «Аль-Каиды» — Усаму бен Ладена, в то время как центр управления террористической активностью, по версии администрации США, находился в Афганистане.

На этом фоне экстренно собранный Совет Безопасности ООН принял Резолюцию № 1368, в которой говорилось о праве государств на самооборону в случае агрессии, а также содержался призыв к участию в антитеррористической операции и правосудию над виновными. Следуя этой логике, большинство государств мира выразили сочувствие и поддержку народу США.

Следующим шагом в этом процессе стал ультиматум «Аль-Каиде» со стороны администрации Америки, который содержал целый ряд требований, среди которых главными были требования по выдаче лидеров организации и полному сворачиванию террористической деятельности. В частности, ультиматум был адресован саудовскому миллионеру Усама бен Ладену, человеку, чья деятельность — во время противостояния СССР и моджахедов в Афганистане — была подконтрольна американским спецслужбам. А по некоторым версиям, вообще сопряжена с бизнесом семейства Бушей.

Но, как известно, после 1996 года Усама прибыл по приглашению лидера талибов муллы Омара в Афганистан, после чего развернул там активную работу по подготовке боевиков, с целью нанесения урона США и Западу в целом. Именно поэтому Усама бен Ладен начал восприниматься как наследник Саладина, великого правителя-воина, одержавшего победу над английским королем Ричардом Львиное Сердце и западными крестоносцами.

Так, на его счет записаны суданский след, взрывы американских посольств в Кении и Танзании в августе 1998 года, а также нападение на корабль ВМФ США «Коул» в Йемене в октябре 2000 года. Более того, в 2004 году телекомпания «Аль-Джазира» продемонстрировала видеозапись, на которой он взял на себя ответственность за события 11 сентября 2001 года.

Поэтому кажется естественным тот факт, что террористы сразу отвергли ультиматум, хотя и выступали с предложением судить Усаму шариатским судом в Афганистане. Но США этот вариант никак не устроил.

Справедливости ради нужно сказать, что поначалу большинство стран мира, включая Россию, Иран, Пакистан и Китай, солидарно выступили с Америкой в рамках международной коалиции, в ее желании провести антитеррористическую операцию в Азии против

афганских талибов. 7 октября 2001 года американские и британские ВВС нанесли первые авиаудары по объектам Талибан в Афганистане, а затем началась полномасштабная операция возмездия...

Но вернемся к исходному событию и реакции на него в США и мире. Что же касается выводов о происхождении этих терактов, то в «Отчете Комиссии по расследованию терактов 11 сентября 2001 года» (председатель Т. Кин) можно найти массу любопытных наблюдений и обобщений, но только не задекларированной «независимой, беспристрастной и объективной» работы. Так, Комиссия почему-то не приобщила к делу записи камер внутреннего наблюдения зданий ВТЦ и Пентагона, а приняла в расчет данные камер, расставленных (умелым оператором) по периметру происходящей трагедии. Или о заявлении журналиста П. де Марко о множестве взрывов, происходивших на верхних этажах небоскребов, но «спускавшихся» до 38-го этажа. Или же показания пожарных Т. Турили и Р. Бачински о «чертовом шуме», т.е. о тех же множественных взрывах в башнях-близнецах.

Вместе с тем, были установлены исполнители преступного замысла — Мохаммед Атта и К°, равно как и обнаружена грандиозная международная террористическая сеть по всему миру.

Тем не менее, для адекватного понимания произошедшего 11 сентября 2001 года и всей совокупности развернувшихся в мире процессов, целесообразно обратить внимание на те причины, которые не вошли в официальную версию расследования трагедии. Тем более что они были обнаружены и названы самыми различными по своим убеждениям людьми — американцами К. Болином, Г. Видалом, Д. Р. Грифффином, К. Престовицем, Т. Мейсаном, Н. Хомски, итальянцами Дж. Кьеза, Ф. Кардини, М. Монтесано и Э. Модуньо, австрийцем Г. Райзеггером, россиянами А. Панариным, А. Зиновьевым, А. Казинцевым, Л. Млечиным, Ю. Мухиным и мн. др. Собственно они и порождают ситуацию «когнитивного диссонанса», не преодоленную многими исследователями вопроса, но также неизвестную в большинстве носителям массового, подверженного манипулятивным технологиям сознания.

Все причины, опровергающие версию террористической атаки фанатиков-мусульман, несмотря на их скрытый (неявный) характер, можно разбить на несколько блоков.

Первый — *инженерно-строительный*. По мнению главного архитектора башен-близнецов ВТЦ Кристофера Болина, ударная нагрузка одного пикирующего «Боинга» не способна нанести серьезных разрушений зданию, осью которого является железобетонный столб в диаметре 9 метров и при дополнительных опорах (распределенных по периметру здания) числом 47 (!). Кроме того, указанная Комиссия почему-то проигнорировала факт обрушения здания № 7 ВТЦ, которое авиалайнеры попросту не таранили. При этом также установлено, что данное сорокасемизэтажное сооружение также обрушилось строго вертикально со скоростью, близкой к скорости свободного падения.

Словом, сама фактура сложных инженерных объектов требует иного объяснения случившегося. И таковое было найдено в виде концепции направленного взрыва, предполагающего закладку взрывчатки на этажах небоскребов с определенным шагом, плюс их вертикального обрушения (сверху вниз).

К сказанному нужно добавить, что эксперты подвергли большому сомнению тот факт, что повреждения, оставленные Боингом в здании Пентагона в Вашингтоне, могли стать следствием именно его, авиалайнера, удара.

Второй — *финансово-экономический*. Широкой общественности неизвестно, что с марта 2000 года американская экономика вошла в цикл кризиса, выразившегося в падении акций большинства компаний (к марту 2001 года они упали на 5,3 трлн долл., или на сумму, превышающую половину ВВП страны (!)). К августу 2001 года эта тенденция приобрела катастрофический характер: вскоре последовало закрытие нью-йоркской биржи, поскольку индекс NYSE (совокупный индекс всех акций, представленных на бирже) упал на 30%. Любопытно и то, что сообщает Г. Райзеггер, а именно о вливании Федеральным резервным банком в экономику США немалых денежных средств после атак на ВТЦ: 13 сентября — 70 млрд. долларов; 14 сентября — 81,25 млрд. долларов; далее, через т.н. «учетное окно» 45,6 млрд. долларов для банковской системы; заключены договора с Европейским центральным банком на транзакцию в 50 млрд. долларов, с Английским банком — на 30 млрд. долларов, с Японским цен-

тральным банком — на 16,8 млрд долларов, с Канадским — на 10 млрд долларов.

Иначе говоря, словно по мановению волшебной палочки «финансовый кризис стал постепенно рассасываться» (В.Ю. Катасонов), и Америка вновь почувствовала себя уверенно.

Третий — *военно-политический*. Крайне любопытно, что уже утром 12 сентября министр обороны Д. Рамсфельд потребовал атаковать Ирак как «приоритетную цель», при этом не имея ни малейших доказательств, кем именно были угонщики самолетов. Ему возразил госсекретарь Колин Пауэлл, аргументировавший необходимость подготовки общественного мнения к антитеррористическому походу, ведь именно ЦРУ в свое время организовало и финансировало движение «Талибан».

Тем не менее, начиная с 11 сентября США активно создает военные базы там, где есть значительные источники энергии. Разумеется, главным образом в Центральной Азии. Формулируется тезис о государствах, составляющих «ось зла» (в другой терминологии — «государствах-изгоях»): Ирак, Иран, Северная Корея, Куба и потенциально — Беларусь.

Параллельно с этим Дж. Буш добивается от Конгресса тотального контроля над гражданами и негражданами, аннулирует Киотский протокол, делает шаги по выходу из Соглашения о Международном суде по военным преступлениям и Договора о межконтинентальных ракетах.

Вообще, эти шаги можно трактовать по-разному, например, как продолжение США «вечной войны ради вечного мира», начатой после Перл-Харбора и развернувшейся по всему миру более пятидесяти лет (Г. Видал). Но война в Афганистане все же имеет некоторую скрытую причинность, обнародованную самими американцами не так давно.

Речь идет о том, что 6 мая 2011 года один из самых высокопоставленных аналитиков США, бывший руководитель отдела планирования Госдепа США при трех президентах — Клинтоне, Буше-младшем и Обаме, — С.Р. Печеник, во время популярной телепередачи Алекса Джонса заявил: теракты 11 сентября 2001 года были постановочной операцией американских спецслужб. Более того, в его речи прозвуча-

ли имена тех, кто планировал и осуществлял эти акции. Это вице-президент США Д. Чейни, замминистра обороны США П. Вулфовиц, советник президента США по национальной безопасности К. Райс, а также ее заместители — Э. Абрамс и С. Хедли.

Наряду с этим признанием Печеник заявил о готовности засвидетельствовать его истинность перед Большим Жюри (коллегия присяжных).

В таком случае целесообразно задаться вопросом о том, почему эта группа лиц, квалифицируемая как «глобальный управляющий класс» (В.И. Карпенко, А.Б. Рудаков), позволила себе это страшное преступное действие?

Думается, что наиболее адекватный ответ на него мы найдем в последней прижизненной работе Александра Сергеевича Панарина — «Стратегическая нестабильность в XXI веке». Здесь русский философ и политолог дает ключ к поворотному моменту истории: «После блицкрига в Югославии главной проблемой нового «мирового гегемона» стало состояние собственной страны, пребывающей в недопустимой довоенной расслабленности. И тогда последовали события 11 сентября, давшие повод объявить мобилизацию американской нации для борьбы с мировым терроризмом. И никто не удивился, почему для борьбы с каким-то Бен Ладеном требуется не дополнительная мобилизация спецслужб (причем одного из их подразделений), а тотальная мобилизация всей военной машины США и НАТО, усиление военных расходов, вдвое превышающих их рост в период холодной войны Запада с СССР, реорганизация стратегической системы обороны и, наконец, жесткая дилемма, выдвинутая перед всеми странами мира: *кто не с нами в этой войне, тот против нас*. Послание президента США «О состоянии нации» — это настоящее обращение к стране в период смертельной опасности и смертельной вражды: «Мы живем в уникальное время, наша страна находится в состоянии войны, наша страна переживает спад, и мир во всем мире стоит перед беспрецедентной угрозой... Война только начинается, и Афганистан — только первое поле сражения»²²⁸.

²²⁸ Панарин А.С. Стратегическая нестабильность в XXI веке. М.: Алгоритм, 2003. С. 11.

Итак, этот ключ вполне увязывается с принятой Конгрессом «Доктриной национальной безопасности США» (2002), где весь мир истолкован как зона их стратегических интересов. Равно как он увязывается со всеми последующими мировыми событиями — агрессией против Ирака, «цветными революциями» в Евразии и Африке, борьбой с ИГ (ИГИЛ), войной в Донбассе...

В череде этих событий и процессов просматривается своеобразная *апокалиптическая логика борьбы «либерального добра» с «антилиберальным злом»*, творцов и адептов высшей капиталистической формации с ее оппонентами — китайским (гибридным) коммунизмом, исламской альтернативой, постсоветской Россией, вдруг вспомнившей о своем мессианском призвании. Иначе говоря, *«Либеральный джихад — вот ключевое понятие для обозначения американской «антитеррористической операции», настоящая имя которой — глобальная война с неверными»*²²⁹.

Насколько это суждение верно, мы можем убедиться на собственном трагическом опыте, т.е. опыте ведения войны американских и бандеровских джихадистов против ДНРовских и ЛНРовских «террористов», запятнавших себя несогласием с явным государственным переворотом и желанием жить по-русски.

И в этом смысле как всегда прав поэт (в этом случае — Владимир Скобцов):

Незванным гостем в дом родной
Уже грядет иной порядок,
Где человечины вкус сладок,
Скажи спасибо, что живой.

И как тут не задуматься о четырех всадниках Апокалипсиса — войне, гражданской войне, голоде и смерти, скачущих из США после 11 сентября 2001 года по всему миру!

Однако всем нам, людям русского мира и иных миров, ставших или могущих стать мишенью американских либеральных джихадистов, нужно помнить одну простую истину: в Божьих очах, как и в

²²⁹ Панарин А.С. Стратегическая нестабильность в XXI веке. М.: Алгоритм, 2003. С. 22.

очах человеческих, лжи нет и не может быть оправдания, но зато «вечной правды торжество» (М.Ю. Лермонтов) приветствуется как на небесах, так и у народов, избравших именно эту меру Жизни.

Феноменология глобальной власти: игра по правилам или без таковых?²³⁰

Актуальные исследования мировой политики и международных отношений все чаще имеют дело с далеко идущими геостратегическими импровизациями сверхдержавы, сегодня наделенной ярко выраженной глобальной властью.

Данная проблема, явленная во всей феноменологической широте, думается, может быть осмыслена в ракурсе теории игр (Дж. фон Нейман, О. Моргенштерн, Р. Льюис, Л. Шепик, А. Раппопорт и др.). В частности, с учетом представлений типологии игр бескоалиционного, коалиционного и кооперативного плана.

Нынешний этап развития человечества, при существовании ООН и ряда других международных институтов, отвечающих за общие правила игры, уместно трактовать как попытку США навязать мировому сообществу либо вариант бескоалиционной игры, либо коалиционных игр весьма селективного характера. Причем на фоне инициатив России по борьбе с международным терроризмом, отождествляемым с Исламским государством.

Ниже, в рамках статьи, будет предложена посильная демонстрация этого тезиса.

В своей знаменитой книге «Великая шахматная доска» (1997) Збигнев Бжезинский, помимо обнародованной геостратегии (стратегического управления геополитическими интересами) в отношении мегаконтинента Евразии, ввел в оборот метафору игры на «шахматной доске». Между тем, она предполагает, что «Как шах-

²³⁰ Впервые опубликовано: Вестник Московского университета. Серия XXVII Глобалистика и геополитика. 2015. № 3–4. С. 86–91.

матисты, американские стратеги, занимающиеся мировыми проблемами, должны думать на несколько ходов вперед, предвидя возможные ответные ходы»²³¹. Иначе говоря, беспрецедентный «вызов» американской глобальной системы остальному миру, маскируемый под продвижение демократии и заботу о правах человека, нацелен на «клонирование» социально-политических систем и их тотальное администрирование.

Но сам характер и направленность игры на «шахматной доске» от Лиссабона до Владивостока в отношении основных евразийских фигур («действующих лиц» — Франции, Германии, России, Китая, Индии; «геополитических центров» — Украины, Турции, Ирана, Южной Кореи) в знаменателе имеет приз — всю Евразию с ее 60% мирового ВВП и $\frac{3}{4}$ известных мировых энергетических запасов. При этом правила игры предельно просты: США самостоятельно «расставляют» фигуры и управляют ими. Более того, в этом подходе обозначено снятие с повестки дня создания «антигегемонистской» коалиции Китая, России и Ирана, китайско-японской «оси», а также перегруппировки сил в Европе. Проще говоря, такая диспозиция вообще не соответствует статьям Устава Организации Объединенных Наций «Цели и принципы», где прямо сказано о принципах равноправия и самоопределения народов²³² (!).

Достаточным основанием для ведения такой сомнительной игры является «американское мировое первенство», возникшее вследствие победы в «холодной войне», в виде доминирования в четырех областях мировой власти: 1) в военной области; 2) в области экономики; 3) в технологическом отношении; 4) в области культуры²³³. Любопытно, что с этой позицией не совпадает мнение директора Stratfor Дж. Фридмана, наделившего американскую «глубокую мощь» лишь экономической, военной и политической силами²³⁴.

²³¹ Бжезинский З. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы. М.: Международные отношения, 1999. С. 234.

²³² Основные факты об Организации Объединенных Наций. М.: Весь мир, 2005. С. 5.

²³³ Бжезинский З. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы. М.: Международные отношения, 1999. С. 36.

²³⁴ Фридман Дж. Следующие 10 лет. М.: Эксмо, 2011. С. 23.

Тем не менее, общая установка на проникающее, с одной стороны – силовое, а с другой — мягкое воздействие на актуальных и потенциальных противников провозглашенной гегемонии налицо. Тем более, в свете сегодня реализуемой США формулы Дж.С. Ная (мл.): «умная сила» = ресурсы «твердой» + ресурсы «мягкой» силы²³⁵.

Этот момент также обозначен у Г. Киссинджера, патриарха американской внешней политики и дипломатии, также делающего ударение на цифровых технологиях, способных выходить за пределы индикаторов жизни национальных государств (наций): рабочей силы, промышленной базы, географии, экономики и морали²³⁶. Выходить, как ему кажется, в направлении примирения «национального соперничества» и решения грандиозных «исторических проблем». В частности, путем информирования «о зверствах в Сирии, охваченной гражданской войной»²³⁷. При этом мэтр не упоминает о роли США в создании «динамического хаоса», на территориях государств, которые кажутся Белому дому несвободолюбивыми, недемократичными, неправовыми. Разумеется, ранжированными так по собственной мерке (см. Доктрину национальной безопасности США), но без оглядки на основополагающие принципы ООН.

Данная практика, нужно подчеркнуть, напрямую касается Евразии и СНГ. Для постсоветского пространства и России (Heartland-a) ситуация здесь наиболее драматична: она объявлена «черной дырой», у которой есть дилемма «единственной альтернативы» — либо интеграция в Европу с расширяющимися ЕС и НАТО при отречении от имперского прошлого, либо геополитическая изоляция при попытках воссоздания евразийской империи. Украине в этой схеме априорно отведено место в демократическом плацдарме Европы, но при выполнении двух условий: 1) преодоления комплекса иностранного властвования (над собой); 2) окончательного освобождения от губительного коммунистического режима²³⁸. Каков результат этой геостратегии (два Майдана, государственный

²³⁵ Най С. Дж. Будущее власти. М.: АСТ, 2014. С. 59.

²³⁶ Киссинджер Г. Мировой порядок. М.: АСТ, 2015. С. 448.

²³⁷ Киссинджер Г. Мировой порядок. М.: АСТ, 2015. С. 461.

²³⁸ Бжезінський З. Україна у геостратегічному контексті. К.: Києво-Могилянської академії, 2006. С. 71.

переворот в феврале 2014 года, гражданская война в Донбассе, энергетическая и продовольственная блокада Крыма, наконец, прямое внешнее управление), мы видим сегодня...

Более того, сегодня Збиг продолжает настаивать на абсурдности восстановления Россией ее имперского статуса²³⁹, либо создания коалиции евразийских государств (в формате Россия, Китай, Иран). Напротив, России предлагается все тот же дрейф в сторону ЕС, но на этот раз следуя примеру Украины, в т.ч., ее второму Майдану («на самом деле Украина не должна стесняться сказать своему младшему брату, России, что последней стоит научиться у нее политической культуре»). В случае же, если Россия будет упорствовать на своем в разрешении украинского кризиса, то американский ястреб обещает ей не много — не мало, что США «превратят Украину во второй Вьетнам для русских»²⁴⁰.

Однако данная конструкция игры «в одни ворота», неэффективность которой, хотя и косвенно, признал Збиг в «Еще одном шансе» (2007) и «Стратегическом взгляде» (2012), имеет свою предысторию. В частности, в игре по созданию разграничительных мировых линий, которая начата в доктрине Дж. Кеннана, а затем и П. Нитце, наконец, в деятельности президентов Р. Рейгана и Дж. Буша-старшего по демонтажу «империи зла». При этом нужно понимать, что «холодная война» выработала единые для двух блоков (коалиций) правила игры, реагентом на которые как раз и выступала ООН.

Сегодняшний день глобальной власти хотя и рефлексировался и оценивается критически (М. Хардт и А. Негри об «Империи» как: а) системе пространственной всеобщности, т.е. власти над всем «цивилизованным» миром; б) порядке, который «на деле исключает ход истории и таким образом навсегда закрепляет существующее положение вещей»; в) совершенной формы биовласти, распространяемой на все уровни социальной организации, вплоть до самых глубин социального мира²⁴¹), пока отмечен только полумерами. А именно: «унилатерализм» и «экспорт демократии» потер-

²³⁹ Бжезинский З. Украинский шанс для России. М.: Алгоритм, 2015. С. 139–146.

²⁴⁰ Бжезинский З. Украинский шанс для России. М.: Алгоритм, 2015. С. 131–134.

²⁴¹ Хардт М., Негри А. Империя. М.: Праксис, 2004. С. 14.

пели неудачу (Ирак, Афганистан), попытки предложить и реализовать доктрину «всемирной юрисдикции»²⁴² споткнулись о кризис в бывшей Югославии. Если в этот перечень внести не купируемые сюжеты «динамического хаоса», веера «цветных революций» в Африке, на Ближнем Востоке, в пространстве СНГ, то феноменология глобальной власти выглядит удручающе.

У этого «шахматного цугцванга» есть любопытное объяснение. Вследствие глобализации возникло новое пространство и новые рамки действия: «политика вышла за пределы государств и границ, появились дополнительные игроки, новые роли, новые ресурсы, новые правила, новые противоречия и конфликты»²⁴³. В изменившейся реальности международное право для «национально-интернациональной игры» уже неприменимо. Иначе говоря, мир перешел к «логике изменения правил», где «ни старые, базисные институции и системные правила игры, ни специфические организационные формы и роли действующих сил» уже не работают. Все «ломается, переписывается и согласовывается заново»²⁴⁴. Яркий пример — прецедент независимости Косово, инициированный сверхдержавой.

Однако еще во время югославского кризиса, бойни на Балканах, развязанной США и НАТО, а также поддержки в создании т.н. республики Косово, ими была применена по-своему эвристичная методология. Она, по мнению бельгийского журналиста М. Коллона, заключалась в том, что США одновременно играли в несколько игр (!). Так, он констатировал: «Их нисколько не затрудняет оказывать поддержку двум противостоящим сторонам, незаметно манипулировать каждой из них и даже вовлекать их в вооруженные столкновения»²⁴⁵. Речь тогда шла обо всех сторонах кровавого балканского конфликта, по сути дела (как казалось, стремившиеся к

²⁴² Киссинджер Г. Нужна ли Америке внешняя политика? М.: Ладомир, 2002. С. 307 и сл.

²⁴³ Бек У. Власть и ее оппоненты в эпоху глобализма. Новая всемирно-политическая экономия. М.: Прогресс-Традиция; Территория будущего, 2007. С. 22.

²⁴⁴ Бек У. Власть и ее оппоненты в эпоху глобализма. Новая всемирно-политическая экономия. М.: Прогресс-Традиция; Территория будущего, 2007. С. 23.

²⁴⁵ Коллон М. Нефть, PR, война. Глобальный контроль над ресурсами планеты. М.: Крымский мост-9д; Форум, 2002. С. 350–353.

реализации своих национальных и конфессиональных интересов), а на деле выполнявших в той или иной мере волю сверхдержавы. В т.ч., по созданию нового «независимого» государства в Европе.

Но при этом опека США своих сателлитов чем дальше, тем больше выглядит нестандартно. Приведу недавний пример. Казалось бы, МВФ давно определил и реализует однозначные правила игры. Но социально-политический и финансовый кризис на Украине, этой осенью проявившийся достаточно отчетливо, вынудил директора-распорядителя МВФ Кристин Лагард заявить о том, что дефолт Украины не приведет к прекращению финансовой помощи со стороны этой международной организации. Напротив, Украину ожидают новые финансовые вливания²⁴⁶, причем международное сообщество в своем большинстве не задается вопросом о том, пойдут ли эти средства на т.н. АТО или антиконституционные действия по уничтожению собственного населения. В таком случае, логично появление ДНР и ЛНР, как и всемерная их поддержка со стороны Российской Федерации.

Тем не менее, в наши дни итальянский политолог и журналист Джульетто Кьеза также предельно откровенен: нынешний хаос на Аравийском полуострове, казалось бы, неожиданно перекинувшийся в Европу, на самом деле свидетельствует об утрате сколько-нибудь внятного стратегического планирования и управления²⁴⁷.

Итак, на повестке дня *метаигра*, в которой и старые, и новые акторы обязаны находить в глобальном игровом поле: а) новые роли и ресурсы; б) изобретать (конструировать) их; в) навсегда отказаться от прежних правил, руководствуясь то ли логикой постмодернизма, то ли не успевая за дисперсией политического вещества. Но главное, без сколько-нибудь понятных ходов и целей игры (!). Таков ИГ (ИГИЛ), по-видимому, задуманный США для обрушения Сирии, ослабления Ирана, гипотетически — выдавливания Китая из передней Азии, но на деле самостоятельно опрокидывающий режимы и нарушающий границы с опорой на салафизм.

²⁴⁶ МВФ готов финансировать Украину даже в случае дефолта // news.join.ua/economics/95826-mvf-gotov-finansirovat-ukrainu-dazhe-v-sluchae-defolta/ (29.11.2015).

²⁴⁷ Кьеза Дж. Мир на пороге войны. Размышления европейца. М.: Книжный мир, 2015. С. 158–161.

И хотя тот же У. Бек проводит связь между процедурой изменения правил игры и «революционной привилегией капитала», думается, что эта связь в значительно большей степени полидетерминистична. А именно: однополярный мир преобразовывается не столько в «бесполярный» (Р. Хаас), сколько тяготеет к «несбалансированной многополярности» (Дж. Миршаймер), где возрастает турбулентность, а разнообразные региональные инициативы (религиозного, этнического и политического характера) способны девальвировать недавние консенсусы (саммит НАТО отказал Турции в помощи в борьбе с ИГ, а также не поддержал ее в конфликте с Россией по поводу сбитого самолета; инициатива России и Франции по созданию новой, более широкой коалиции).

В свою очередь тяга к многополярности остается важным, но пока недостаточно институционализируемым фактом. БРИКС как фундамент новой архитектуры международных отношений только начинает свое движение, причем в рамках поиска кооперативных решений по ключевым вопросам современности. Тем более, в 70-ю годовщину с момента образования Организации Объединенных Наций, на фоне принятой на юбилейной сессии Генеральной Ассамблеи ООН Повестки дня «Цели устойчивого развития человечества» до 2030 года²⁴⁸. При этом неуклонно следуя позитивной повестке дня и этически фундированным правилам игры.

²⁴⁸ Повестка дня ООН «Цели устойчивого развития» // www.un.org/sustainabledevelopment/ru/sustainable-development-goals/ (24.11.2015).

Миграционный коллапс Европы? Размышления о первопричинах, смысле и перспективах происходящего²⁴⁹

Десять лет тому назад был опубликован Доклад национального разведывательного центра США (центра по изучению будущего, интегрирующего ведущие американские исследовательские площадки и отдельных аналитиков) о контурах мирового развития до 2020 года. Наряду с массой интересных футурологических сюжетов он содержал сценарий о создании «Нового халифата». В частности, здесь приводится гипотетическое письмо воображаемого внука У. Бен Ладена своему родственнику, написанное в 2020 году. В нем есть такие строки: «Он (У. Бен Ладен. — *Д.М.*) предвидел, что Халифат вновь будет править всем исламским миром, отвоюет утраченные земли в Палестине и Азии, изгнав с них несправедные влияния Запада, или «глобализацию», если пользоваться эвфемизмом Крестоносцев». Далее, жесткое столкновение суннитов и шиитов привело к исходу среднего класса со священных земель ислама. «По иронии судьбы это расстроило лидеров Крестоносцев в Европе и Америке. Они не прочь видеть Халифат в беде, но принять миллион или более беженцев — большинство из которых привыкли к высокому уровню жизни — это другое дело. Перед ними дилемма: увеличение числа мусульман в их среде может вызвать волнение, но не принимать их — значит еще раз расписаться в своем лицемерии». В конце концов, «все пошло прахом, в том числе и сами структуры, которые породил Запад, чтобы заточить нас в плен своего мировоззрения, — демократия, государства-нации и международная система, управляемая ими, — все это оказалось в руинах».

Глядя на происходящие сегодня в странах Европейского союза миграционные процессы, вызывающие в массовом сознании чувства недоумения, а где-то и сострадания, невольно вспомнился этот

²⁴⁹ Впервые опубликовано в журнале: Новая земля. 2015. № 9 (12). С. 20–22.

сценарий десятилетней давности. Причем в качестве своеобразного камертона к разногласиям аналитиков и экспертов, посвященной неожиданному всплеску миграционной активности народов Ближнего Востока, Центральной Азии и Северной Африки.

Самое любопытное состоит в том, что нынешняя детонация европейского порядка имеет свои причины, не лежащие на поверхности, как, впрочем, все, относящееся к большой политике. Собственно и динамика миграционных процессов, нацеленная на Север и Северо-Запад Европы, имеет свою логику. Последнюю, то в виде апелляции к гуманитарному праву (Германия, Австрия, Финляндия и др.), то в виде соображений безопасности (Венгрия, Сербия, Чехия, Словакия) пытаются в реактивном режиме выстроить страны ЕС. Равно как еврочиновники пытаются определить квоты для прибывающих беженцев (принятие 22.09.2015 года министрами внутренних дел стран-участниц ЕС норм распределения квот для ожидающегося наплыва мигрантов числом 120 000 человек).

Ситуация никак не выглядит радужной даже после саммита основных акторов Евросоюза (24.09.2015 года): очевидно, что наплыв мигрантов будет идти по возрастающей и может достигнуть своего пика на отметке 8 миллионов. Но ее драматизм состоит в том, что управленческая верхушка ЕС (Дональд Туск и К°) оказалась неготовой к сценарию миграционного цунами, а значит, ее нынешние решения носят характер импровизации. Не более того.

Если посмотреть на дело в целом, то разворачивающаяся драма, во-первых, толкуется как исторический аналог прихода орд варваров (вестготов во главе с Аларихом, гуннов во главе с Атиллой) к стенам Вечного города; во-вторых, как своеобразный «ответ» Западу на многократное «сжатие» и методичную деструкцию исламского мира, проявляемые то в форме борьбы с терроризмом и угрозами демократии (Афганистан, Ирак), то в форме разрывающих общества «цветных» революций (Египет, Ливия); в-третьих, как воссоздание с подачи незабвенного Усамы бен Ладена (организовавшего в 1998 году «Всемирный исламский фронт борьбы против иудеев и крестоносцев») нового Халифата, но явно за пределами его исторических границ: от Палестины до Пенджаба.

Вместе с тем, корректность этих исторических аналогий, а нередко и экстраполяций (как в случае с Халифатом), вызывает большие сомнения. Прежде всего, по причине *смещения стихийно-исторического содержания исторического процесса и его планируемой и управляемой версии*, явно просматривающейся в нынешнем европейском театре действий. В частности, на это различие указывают схемы проникновения и движения варваров в Римскую империю и логистические карты «входа» народов Ближнего и Среднего Востока и Севера Африки на Европейский континент. Через Дакию — в первом случае, через Италию и Грецию — во втором. Аналогичная несогласованность касается и пункта назначения варварских и миграционных потоков. В первом случае, Рим представлял в виде отрицательной величины, как позже выражались первые христиане, «великой блудницы»; во втором — Германия, как вожденная территория (социальное пространство наиболее высоких стандартов жизни), есть магнит для мигрантов.

Однако разница, как *min*, состоит в том, что варвары не знали феномена Всемирной паутины и не подчинялись логике «*twitter-ных революций*», а их вожди руководствовались не соображениями адаптации к более высокой цивилизации, а ее принципиальной деструкцией.

Тем не менее, сам ЕС представляет собой едва ли не самое вычурное творение *постмодернистского разума*, который пришел на смену классической рациональности культуры модерна (1500 — последняя четверть XX века). А именно: вылепившего конструкцию, отдаленно напоминающую империю с общей свободой и безопасностью, но без этнического доминирования и централизованного абсолютизма. Более того, замешанную на мультикультурализме, а значит ценящей этнические, религиозные, социальные, гендерные и прочие *различия*. Цементом этой системы выступили либерал-центрированная конституция ЕС, денежная система и общий рынок, плюс дороги.

Но социальное пространство ЕС сегодня выглядит как неоднородное, лоскутковое одеяло, на котором привычные европейские национальные общности перемежаются с сетевыми анклавными образованиями выходцев из Азии и Африки. Разумеется, не те-

ряющими своей культурной идентичности в инокультурной среде, но живущими за счет пособий, гарантированных социальной политикой ЕС. При этом вопрос об их реальной интеграции в европейское сообщество по-настоящему не решается. Да и вряд ли решится, *ведь Европа*, по мнению немецкого философа Ю. Хабермаса, давно *утратила свое нормативное ядро* и потому вступила в фазис «творческого разрушения»²⁵⁰. И по большому счету ничего, кроме «банальной неотразимости уравнилельной культуры материального потребления», Европейский союз азиатам и африканцам предложить не может!

Думается, не случайно, ведь логика развития Европы начиная с «плана Маршалла» тяготеет именно к вытеснению всего, что сдерживает рост потребительских appetitов ее и пришлых народов. Разумеется, таких мелочей, как христианская (католическая, протестантская, а теперь и православная) традиция, с ее апелляциям к нравственно-аскетическому опыту.

При этом сама *идеологема потребления*, имеющая нормативно-притягательное значение для иных цивилизаций и для некоторых постсоветских республик (включая печально известную Украину), была занесена на европейский континент из-за океана. Но звездно-полосатый куратор Европы этим не ограничился. Еще во время югославского кризиса, бойни на Балканах, развязанной США и НАТО, а также поддержке в создании т.н. республики Косово, была применена по-своему эвристичная методология. Она, по мнению бельгийского журналиста М. Коллона, заключалась в том, что США одновременно играли в несколько игр (!).

Так, «Их нисколько не затрудняет оказывать поддержку двум противостоящим сторонам, незаметно манипулировать каждой из них и даже вовлекать их в вооруженные столкновения»²⁵¹. Речь тогда шла о всех сторонах конфликта, по сути дела выполнявших в той или иной мере волю «дядюшки Сэма». Если же вспомнить внутриисламские конфликты (в особенности кровопролитную ирано-иракскую войну 1980–1988), то американский след также в

²⁵⁰ См. напр.: *Хабермас Ю.* Расколотый Запад. М.: Весь мир, 2008. С. 43–45.

²⁵¹ *Коллон М.* Нефть, PR, война. Глобальный контроль над ресурсами планеты. М.: Крымский мост-9м; Форум, 2002. С. 350.

них вполне очевиден (напр., интервью Чрезвычайного и Полномочного Посла Исламской Республики Иран в Российской Федерации Сайда Махмуда Резы Саджади). Конечно, балканский узел и ирано-иракская война были локальными по своей сути.

Что изменилось с тех пор? Прежде всего, масштаб и характер мировых процессов. Гражданские войны в Афганистане (началась в 2003 году) и Сирии (началась в 2011 году) проходили под сладкозвучные песни американских ястребов о тоталитарных режимах и наличии у таковых оружия массового поражения. И в том и другом случае были созданы коалиции государств, нацеленных на принуждение неугодных правителей и их режимов к сдаче власти и установлению «демократического» правления. На деле — американского протектората Центральной Азии и на Ближнем Востоке. О чем свидетельствует ударная группа обеих коалиций — США, Великобритания, Турция, ОАЭ, Саудовская Аравия...

Но конфигурация сил в Передней и Центральной Азии оказалась не в пользу планов Вашингтона. Заметно укрепился Иран, афганская авантюра грозит обернуться реваншем Талибана, а легитимный правитель Сирии Башар Асад показал свою стальную твердость в вопросе о международном терроризме на управляемой им территории и на ее подступах. Разумеется, с очень интересной предысторией, тянущейся за Атлантический океан.

Собственно поэтому понадобилось взорвать регион изнутри, причем с эффектом расходящихся волн (на Кавказ, постсоветскую Среднюю Азию, Крым и Балканы — что естественно), и в Европу как таковую (что естественным многим не представляется). И мы столкнулись с тем, что Э. Валлерстайн прогнозировал еще в 90-е гг. XX столетия как «глобальное давление в сторону миграции»²⁵². Так, по-видимому, и был востребован проект «Нового Халифата», который сконструирован и управляем из-за атлантического океана, но большинству, включая серьезных Аналитиков и экспертов, кажущийся аутентично исламским.

Примечательно, что незадолго до своей смерти Е.М. Примаков опубликовал в «Российской газете» материал под названием «Ислам-

²⁵² См.: Валлерстайн И. Конец знакомого мира: Социология XXI века. М.: Люгос, 2004. С. 26.

ское государство» — реальная опасность». В нем, между прочим, говорится о четырех ключевых факторах существования ИГ: 1) ИГ в качестве «победоносной силы» теперь является «магнитом, притягивающим к себе целый ряд экстремистских исламских организаций» (напр., «Джабхат аль-Нусра»), т.е. образует глобальный центр непримиримых исламских радикалов; 2) численность членов ИГ увеличивается за счет притока свежих сил из стран Ближнего Востока, Северной Африки, Европы, Америки и Австралии; 3) группировка ИГ поставила под свой контроль нефтедобывающий и нефтеперерабатывающий район Мосула, тем самым став финансово самообеспечиваемой; 4) идеологическая платформа ИГ — создание халифата на всех территориях с мусульманским населением²⁵³.

Казалось бы, перед нами исчерпывающий анализ и оценка деятельности ИГ. Но не так давно завесу над происходящим все же попытались открыть не ангажированные политологи и журналисты. В частности, имеется в виду аналитика итальянского политолога Дж. Кьеза и болгарского блогера Пл. Паскова.

У первого содержится убедительное предостережение о том, что уже в период «антитеррористической» авантюры в Афганистане США, помимо непосредственного присутствия на его территории, выступали в роли «кукловодов». Здесь ими была опробована модель: «воевать «вспомогательными силами», руками вооруженных тобой сателлитов, которых ты время от времени можешь использовать по своему усмотрению, заставить подчиняться своей воле угрозами или подкупом. Эта же модель была применена и в Йемене, в разгар американской военной операции в Афганистане»²⁵⁴. В наши дни, Джульетто Кьеза также предельно откровенен: нынешний хаос на Аравийском полуострове, казалось бы, неожиданно перекинувшийся в Европу, на самом деле инициирован альянсом, трио государств — Америкой и ее неоконами, Саудовской Аравией и Израилем²⁵⁵.

²⁵³ *Примаков Е.М.* «Исламское государство» — реальная опасность // *Примаков Е.М.* Вызовы и альтернативы многополярного мира: роль России. М.: МГУ, 2014. С. 298–300.

²⁵⁴ *Кьеза Дж.* Бесконечная война. М.: Детектив-Пресс, 2003. С. 160.

²⁵⁵ *Кьеза Дж.* Мир на пороге войны. Размышления европейца. М.: Книжный мир, 2015. С. 284.

У второго мы находим не только вопрос к властям Саудовской Аравии, этнически и собственно конфессионально родственной мигрантам (шииты-салафи), имеющей все ресурсы для приема такого потока мигрантов (лагеря с 400 000 больших палаток, оборудованных всем необходимым, включая кондиционеры). Он не много не мало утверждает, что «Исламское государство» — креатура США и Саудовской Аравии, созданная еще в начале 70-х (!). Цель — дестабилизация конкурентов руками «дешевой армии»²⁵⁶. Сегодня — это Германия, в которую и ведет логистика беженцев через Турцию — в Грецию или Италию и далее к границам «вожделенной». Доказательство этому — фото аль-Багдади и сенатора Маккейна, откровения отдельных лиц из американского истеблишмента.

Сказанное все же подводит нас к прогнозированию макропроцессов, среди множества которых выделяется прогноз упомянутого американского социолога Э. Валлерстайна («Мир, в который мы вступаем» 2000–2050)²⁵⁷. В нем небезосновательно утверждается, что грядет усиление социально-экономической и демографической поляризации мира, которая и породит нескончаемые потоки переселенцев с Юга на Север. Причем количество таковых в рассматриваемый период оценивается им в 15–40% всего населения Земли (!). Естественно, страны Севера, и в первую очередь Европа, станут уязвимыми и конфликтогенными. Они не смогут регулировать взаимодействие между автохтонами и пришельцами, в т.ч. средствами насилия, а ситуация в целом будет опрокинута в хаос.

И последнее. Если учитывать то обстоятельство, что США и дальше рассчитывают на свое преобладание в мире (концепция Национальной безопасности 2015, вариации которой можно было слышать в речи президента Б.Х. Обамы на юбилейной сессии Генеральной Ассамблеи ООН 28.09.2015 года), то никакое квотирование беженцев, новое возведение границ Германией и прочими европейскими государствами, внутриевропейский диалог, ситуацию не спасет. Ибо причина глобального терроризма записана не

²⁵⁶ Пасков Пл. ДАИШ (ИГИЛ) — последний оплот США // www.pravda.ru/world/northamerica/usacanada/22-11-2015/1283361-paskov-0.

²⁵⁷ Валлерстайн И. Мир, стабильность и законность 1990–2025 / 2050 годы // Валлерстайн И. После либерализма. М.: Едиториал УРСС, 2003. С. 36–42.

на стягах Исламского государства, а у заказчиков, спонсоров и покровителей «Нового Халифата». Точнее, генераторов глобального хаоса, представляющего в виде «горького переселения народов».

Геополитика восточнохристианской цивилизации в контексте противостояния с Ватиканом²⁵⁸

Сегодняшняя мировая динамика предоставляет нам уникальный шанс еще раз проверить те или иные старые геополитические подходы и схемы, а в случае их неработоспособности — генерировать новые.

К примеру, схему *clash of civilization* Хантингтона. Переосмысливая ее, Г.С. Померанц писал: «Сегодня православная цивилизация — фантом. Негативный фантом, понадобившийся Хантингтону, чтобы оправдать традиции американской внешней политики; положительный фантом, нужный для заполнения идейного вакуума в современной России; для оправдания консерватизма некоторых церковных кругов — и для полемики с Декларацией прав человека»²⁵⁹. Насколько корректен этот тезис, говорит наше время — время последовательного отказа западной цивилизацией от принципов, провозглашенных во «Всеобщей Декларации прав человека», равно как и поддержки Россией «униженных и оскорбленных»: абхазов и южных осетин, русских Крыма и Донбасса, народов Ирана и Сирии...

Тем не менее, вопрос о геополитическом измерении исторического бытия группы обществ, исторически организованных на

²⁵⁸ Впервые опубликовано: НЕБЕСКА геополитика: Ватикан и меѓународни односи / приредил Зоран Милошевић; [преводилци Стефан Милошевић, Татјана Вучинић-Мальевић, Зоран Милошевић]. Шабац: Центар академске речи; Москва: Меѓународна словенска академија наука, образовања, уметности и културе, 2016. С. 94–104.

²⁵⁹ Померанц Г.С. В поисках глобального покрова // Померанц Г.С. Догори духа и зигзаги истории. 2-е изд. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2013. С. 17.

православном мировоззренческо-аксиологическом основании, исследуется с различных теоретико-методологических позиций. Причем не редуцируемых к указанной Померанцем фантомности. Речь идет не только о традиционных средствах геополитической мысли и действия — *органицистском* и *геопространственно-витально-силовом* подходах, но и *цивилизационной геополитике*. Последняя прокладывает себе путь через соперничество с иными версиями организации политического процесса в пространственном, временном и духовном измерениях. К примеру, нужно назвать концепт *translatio Imperiī*, восходящий к книге пророка Даниила (Дан. 2: 31–45), который ориентирует на «перенос империи» и той эсхатологической миссии, которую она должна воплощать («Москва — Третий Рим»).

Идея же цивилизационной геополитики, как известно, восходит к Н.Я. Данилевскому, К.Н. Леонтьеву и евразийцам-классикам, а сейчас разрабатывается целым рядом авторов — В.А. Дергачевым, А.Г. Дугиным, Л.Г. Ивашовым, И.Ф. Кефели, С.Б. Переслегиным, А.М. Чернышом, М.А. Шепелевым и др.). Ее концептуальные ресурсы связаны с цивилизационной субъектностью и особой герменевтикой геопространственных притязаний цивилизации как субъекта исторического процесса.

Для понимания общей экспозиции геополитики восточнохристианской цивилизации необходимо учесть следующую методологическую презумпцию, касающуюся соотношения конфессионального и собственно цивилизационного компонентов. Согласно В.Л. Цимбурскому, религиозные общности и цивилизации соответствуют различию на Град Земной и Град Небесный, при том, что религия — суть отображение Града Иного на географически и этнически раздробленный Земной Град, а цивилизации с их сакральными вертикалями являют собою встречные проекции геополитических «домостроительств» Града Земного на плоскость Иного Града²⁶⁰. Но особая диалектика этих величин может быть усвоена и понята с учетом понятий «цивилизация» и «цивилизационный проект».

²⁶⁰ Цимбурский В.Л. Цивилизация — кто будет ей фоном? // Цимбурский В.Л. Россия — земля за Великим Лимитрофом: цивилизация и ее геополитика. М.: Эдиториал УРСС, 2000. С. 44–56.

Под цивилизацией вообще и восточнохристианской в частности мы понимаем макросоциальную (макроэтническую) общность, которая объективирует себя в проекте построения духовного и материального порядков существования, отличается собственными универсалиями организации и нормами регуляции социокультурного процесса, полагает себя как субъекта истории гео- и хроноисторически, при этом стремится закрепить за собой определенную макроидентичность. Правда, здесь нужна важная оговорка: логика жизни цивилизации и логика жизни Церкви не только не совпадают, они в известном смысле — контрдикторны. Это противоречие усиливает эффект исторического искуса, если оно не решается на пути веры и трансценденции. Например, у того же В.Л. Цимбурского в изолирующей островной метафоре — «остров Россия», или «намагничивающей» конструкции Heartland-a.

В свою очередь цивилизационный проект — это символическая пропись бытия для конкретного цивилизационного субъекта; совокупность заданий относительно организации «материи» истории; набор «технологий» строительства универсального или специфического Града (политического, хозяйственного и культурного строя); создание соответствующей антропологической единицы; наконец, попытка «осевания» Истории из локального «угла» (этой «осью» является ось: Константинополь — Киев — Москва, а никак не Северная и Южная Пальмиры, «привязавшие» православную цивилизацию, через разрушение ее проекта, к проекту модерна западной цивилизации).

При этом сущностной характеристикой цивилизационного проекта служит «вложенный» в него образ Абсолютного Града. Тем самым, концепт цивилизационного проекта (в случае его адекватной герменевтической реконструкции) иллюстративен для цивилизации в том смысле, что он охватывает широкую сферу культурно-политических притязаний оформившегося макросубъекта, притязаний, складывающихся благодаря заложенной «внутри» социокультурной системы духовной интриги, иногда произвольно, но чаще последовательно реализуемой в логике цивилизационного строительства.

Тем не менее, история и сегодняшний день цивилизаций в немалой степени несут в себе духовные установки, носителями которых как правило выступает Церковь. Последняя может сообщать

щитъ цивилизации «теократическую мечту» (о. Александр Шмеман), побудить ее «материальное тело» двигаться в определенном направлении (А. Дж. Тойнби). Так, собственно, было и есть в логике жизни западной цивилизации, бытие которой (в формате ЕС) по-прежнему задается пространственным императивом католической церкви. Иначе как расценить прозелитизм Ватикана в лице Иоанна Павла II, посетившего в 1999 и 2001 гг. — Грузию и Украину, и «благословившего» народы этих стран на «обретение свободы», в т.ч. путем вхождения в ЕС и НАТО. Каковы последствия этого «благословения» (цветные революции, государственные перевороты, гражданские войны), теперь хорошо известно.

Очевидно, дело в том, что католическая и православная Церкви используют разную логику взаимодействия с наличными государствами. Как показал Н.Н. Лисовой, для католицизма характерна модель «Империя в Церкви» (папа Геласий). Однако «Империя в Церковь не вмещается — и не вместились. С самого начала речь на Западе шла и могла идти лишь о вырожденных, неподлинных случаях: псевдоимперии Карла Великого и Оттонов, еще более «псевдо» — Габсбургов, Наполеона, Бисмарка... Дальнейшее вырождение — «Республика в Церкви», с неизбежным затем *отделением* Церкви от государства, или, точнее, отпадением государства от Церкви»²⁶¹ (курсив. — Н.Л.). Отсюда, думается, понятно общее состояние католицизма в ЕС и мире.

Напротив, «парадигма Евсевия», характерная для православной традиции, настаивает на том, что «Церковь в царствах, королевствах, княжествах». Или, при дальнейшем вырождении, «Церковь в государстве» (в том числе в атеистическом, советском, постсоветском, постдемократическом). Но всегда «*в*»...»²⁶².

Собственно в рамках этой дихотомии и необходимо понимать цивилизационную геополитику, инициируемую духовными центрами, а не только властными структурами.

²⁶¹ Лисовой Н.Н. «Святой Диоклетиан»: святость власти и Империи в римско-константинопольско-московской парадигме // Проблема святых и святости в истории России. М.: Наука, 2006. С. 77.

²⁶² Лисовой Н.Н. «Святой Диоклетиан»: святость власти и Империи в римско-константинопольско-московской парадигме // Проблема святых и святости в истории России. М.: Наука, 2006. С. 77.

Для восточнохристианской цивилизации, ее проекта и реальной геополитики своеобразным инвариантом выступает «экспансионистский порыв» в направлении Константинополя (второго Иерусалима), который «наиболее стар, продуман и настойчив»²⁶³. К примеру, в имперской истории России имели место три периода экспансий: 1) 1770–1796 гг.; 2) 1797–1879 гг.; 3) 1879–1917 гг., которые развивали геополитическую логику «расширения» в направлении Европы, Азии, Балкан, Дальнего Востока. Но именно константинопольское направление было стратегически определяющим, и не только в военнополитическом, но и собственно, в дипломатическом аспекте.

Позволю здесь привести выдержку из донесения К.Н. Леонтьева, тогда (март 1867 года) секретаря и драгомана консульства в Адрианополе: «Ввиду грозящего разрушения империи, утратив всякую надежду на возвращение к прежнему порядку вещей, местные турки, как уже не раз было сообщено из сего консульства, предпочитают всякому другому исходу — подпадение под власть России. Предпочтению этому есть много разнообразных причин: фаталистические верования в нашествие и торжество «белокурых жителей Севера»; соседство России; хорошая дисциплина наших войск в 1829 году и уважение, которое они оказывали мечетям; сожаления крымских татар о привольной жизни их в России и рассказы их о покровительстве у нас исламу; убеждение в том, что у нас до сих пор суды устроены на религиозном, а не на гражданском начале; страх попасть под власть вчерашних рабов своих греков и сербов»²⁶⁴. Иначе говоря, в Османской империи испытывали напряжение, вызванное решить «восточный вопрос» с трансцендентных позиций. А именно: русская православная цивилизация — через свой проект — искала касания Небесного Иерусалима, но вовлекала в него как единоверцев, так и иноверцев.

Тем не менее, этот парадоксализм сегодня выглядит не так вычурно: Турция и объединенный Запад не желают присутствия России

²⁶³ *Le Donne J.* The Russian Empire and the World. 1900–1917. The Geopolitics of Expansionism and Containment. Oxford: Oxford univ. press, 1997. P. 148.

²⁶⁴ *Леонтьев К.Н.* Дипломатические донесения и ответы (1867–1871) // *Долгов К.М.* Восхождение на Афон: Жизнь и мирозерцание Константина Леонтьева. 3-е изд., пер. и доп. М.: Отчий дом, 2008. С. 564.

(как такового) на Ближнем Востоке, этой колыбели двух мировых религий и главного очага цивилизационного развития человечества.

Делая небольшое методологическое отступление, хочу еще раз указать на разницу в геополитическом мышлении на Западе и в России. Для этого необходимо вспомнить капитальное исследование К. Шмитта «Номос земли», в котором показано, как «глобальное линейное мышление» народов Запада структурировало захваченные в Новом Свете земли, а затем придало им правовой статус. Согласно Шмитту, этот процесс начался в 1492 году и продлился вплоть до XX столетия. На первом этапе были выделены «глобальные линии»: 1) для миссионерской деятельности сильнейших христианских государств в Новом Свете; 2) т.н. «линии дружбы» между католическо-протестантскими странами; 3) внутренние границы западного полушария. Затем происходит структурирование самой западной цивилизации с выделением в ней имперских тел «великих держав» — Великобритании, Франции, Германии, США, Японии и России. Наконец, в XX веке пространственный порядок земли начинает регулироваться международным правом (Лига Наций, ООН), которое методично нарушается в 1-й и 2-й мировой войнах народами — представителями западной цивилизации и ее союзниками²⁶⁵.

При этом история геополитических шатаний Запада, прошедшего секуляризацию и познавшего прагматизм, выразилась в знаменитой книге Зб. Бжезинского «Великая шахматная доска» (1997). В ней помимо обнародованной геостратегии (стратегического управления геополитическими интересами) в отношении мегаконтинента Евразии, американский геополитик ввел в оборот метафору игры на «шахматной доске». Но сам характер и направленность игры на «шахматной доске» от Лиссабона до Владивостока в отношении основных евразийских фигур («действующих лиц» — Франции, Германии, России, Китая, Индии; «геополитических центров» — Украины, Турции, Ирана, Южной Кореи) в знаменателе имеет приз — всю Евразию с ее 60% мирового ВВП и

²⁶⁵ Шмитт К. Номос земли в праве народов *jus publicum europaeum*. СПб.: Владимир Даль, 2008. С. 73–164, 165–286, 287–476.

¾ известных мировых энергетических запасов. Сами же правила игры предельно просты: США самостоятельно «расставляют» фигуры и управляют ими. Более того, в этом подходе обозначено снятие с повестки дня создание «антигегемонистской» коалиции Китая, России и Ирана, китайско-японской «оси», а также возможной перегруппировки сил в Европе не в пользу США (!).

Достаточным основанием для ведения такой сомнительной игры является «американское мировое первенство», возникшее вследствие победы в «холодной войне», в виде доминирования в четырех областях мировой власти: 1) в военной области; 2) в области экономики; 3) в технологическом отношении; 4) в области культуры²⁶⁶. Но сама «холодная война», если вспомнить этот сюжет, была выиграна в том числе при помощи Ватикана. Точнее, активной деятельности архиепископа Краковского Кароля Войтылы (впоследствии — римского понтифика Иоанна Павла II), получившего, по мнению историка А.И. Фурсова, «благословение» на сдачу Польши, а затем и всего соцлагеря заокеанскому «Хозяину»²⁶⁷.

Если же вернуться к схеме К. Шмитта, то нужно признать некоторую ее ходульность. Само по себе включение России в этот реестр западных держав представляется не вполне корректным. Если присмотреться к делу пристальней, то для политических элит Руси-России (от князей Аскольда и Дира — до Александра III и Николая II) и народа (воодушевление армии, флота и гражданских лиц в 1878 и 1916) *идея овладения Константинополем выступает в виде сакральной задачи*. Этот пункт квалифицируется современным российским автором Ю.Ю. Петруниным как «неразрешимая задача русской культуры». Данная неразрешимость в подходе Ю.Ю. Петрунина трактуется как размещение сакрального центра культуры и государственности за их пределами, — «в легендарном Царьграде (кому бы он ни принадлежал!)»²⁶⁸.

²⁶⁶ Бжезинский З. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы. М.: Международные отношения, 1999. С. 36.

²⁶⁷ Фурсов А.И. Вперед, к победе! Русский успех в ретроспективе и перспективе. М.: Изборский клуб; Книжный мир, 2015. С. 364.

²⁶⁸ Петрунин Ю.Ю. Призрак Царьграда: неразрешимые задачи в русской и европейской культуре. М.: КДУ, 2006. С. 15.

Однако данное утверждение может быть истолковано в двух направлениях: во-первых, следует признать, что Константинополь как сакральный центр восточнохристианской цивилизации привлекателен для ее «творческого меньшинства» и большинства в том смысле, что храм Софии Константинопольской олицетворяет собой *идею софийности мира*, в аспекте онтологически-символической связности Творца, твари и исторического творчества (то, что эта антично-византийская идея владела умами восточных славян, в том числе на уровне храмового зодчества и особого почитания Софии — Премудрости Божией — Киев, Новгород, Полоцк — хорошо известно).

Но в контексте цивилизационной геополитики, во-вторых, эта идея-символ приобретает иную смысловую нагрузку: *София как Мудрость*, таящаяся внутри потока событий истории, *есть притягательный идеал всечеловечества*, «этический порядок космоса» (С.Б. Крымский), расположенный в центральном храме мира. В точке встречи Трансцендентности как таковой и Имманентности как таковой (С.С. Аверинцев).

И вовсе не случайно, что на универсальную всечеловеческую семантику Софии в свое время обратил внимание сербский архипастырь и богослов, свт. Николай (Велимирович). Он, в частности, убеждал жителей Великобритании: «Храм Святой Софии в Царьграде, посвященный Божьей премудрости — Иисусу Христу, соединяет в себе святость и Петра, и Павла, и Иоанна. Его опоры усилены даже некоторыми колоннами из Храма Дианы в Ефесе, а также другими многочисленными элементами (в стиле и в материалах), берущими начало в древнем язычестве. Поистине велика и простира на Святая София. Есть в ней место и сердце даже для ислама...»²⁶⁹

А может ли быть иначе, коль скоро

И мудрое сферическое зданье

Народы и века переживет...

О. МАНДЕЛЬШТАМ

²⁶⁹ *Святитель Николай Сербский (Велимирович)*. Агония Церкви // Творения святителя Николая Сербского (Велимировича). М.: Паломник, 2006. С. 344.

Отсюда и конкретизируется задача внутреннего субъекта восточнохристианской цивилизации, ее «творческого меньшинства»: пневматологически увязать начало (по митрополиту Иллариону начало цивилизационной истории — в явлении Софии над Русью) и конец исторической драмы (новая, но уже в измененном, эсхатологическом формате встреча с Софией). Причем под этим концом нужно понимать не военно-политическую аннексию Стамбула российской армией, не причудливую геополитическую девиацию, а устойчивое намерение восточных славян соборно с другими народами отслужить вселенскую литургию во славу Премудрости и Любви (!). Тем самым, подтвердить свои цивилизационные устремления к Граду Иному.

Данная интерпретация подтверждается и позицией внешнего (по отношению к бытию православной цивилизации) наблюдателя, каким был немецкий философ О. Шпенглер. Вовсе не случайно, размышляя в своем «Закате Европы» о возможности оживления «русско-сибирской культуры», он бросил: «Нет ничего обманчивее надежды на то, что *русская религия будущего* оплодотворит западную. В этом ныне не должно было бы быть сомнений: русский нигилизм, направляя свою ненависть против государства, знания, искусства, направляет ее также против Рима и Виттенберга, дух которых сказался на всех формах западной культуры и разрушается вместе с ними. *Русский дух отодвинет в сторону западное развитие и через Византию непосредственно примкнет к Иерусалиму*²⁷⁰ (выделено мной. — Д.М.).

Эта сентенция, между прочим, говорит о том, что: 1) душа русской культуры питается и живет восточнохристианским обетованием о грядущем Царствии Божием, но не земном и профанном, а метафизически-реальном, раскрывающимся в конце времен, в финале истории и постистории; 2) субъекту русской культуры, т.е. ее народу предстоит сделать неимоверные усилия по изживанию «петрова духа» и «духа большевизма», как и их модификаций; по перестройке всего социокультурного порядка, инициированного Петром и продолженного большевиками, поскольку главную опасность псев-

²⁷⁰ Шпенглер О. Пруссачество и социализм. М.: Праксис, 2002. С. 154.

доморфоза культуры представляет нелепая вера в возможности фаустовской культуры с ее интенцией покорения мирового пространства, в ее «животворящую» форму; 3) локально-историческое движение русской культуры, ее подлинный метаморфоз, имеет единственный пункт назначения, — достижения тех духовных вершин, которые были известны магической душе (византийской культуре и цивилизации как «материнской» по отношению к русской православной).

При этом, насколько важен пункт неприятия логики и аксиологии притязаний Ватикана и его превращенных (протестантских) форм, говорит следующее обстоятельство. Предпоследний понтифик Бенедикт XVI (теолог и философ Й. Ратцингер) в одной из своих работ недвусмысленно заявил: «Не подлежит сомнению, что рациональность — существенный признак европейского духа. Можно в определенном смысле говорить, что *с ее помощью европейский дух покорил мир*, ибо форма рациональности, возникшая в Европе, сегодня характеризует жизнь всех континентов. Но рациональность может стать разрушительной, если оторвется от своих корней и сделает физическую силу единственным допустимым критерием»²⁷¹ (выделено мной. — Д.М.).

В таком случае, этот «дух» с его пространственными земными траекториями, к генерированию которого причастен Ватикан, никому не оставляет шансов для выражения своей аутентичной сути. Но важно и другое: эко- и этноцид, инспирированный этим «духом», ставит человечество в катастрофические условия существования. Впрочем, об этом уже догадался Ф.М. Достоевский («Легенда о Великом Инквизиторе»).

Итак, переводя эту догадку об основной исторической интенции русской души — «души края» (О. Шпенглер) на язык цивилизационно-геополитического дискурса, нужно заметить: задача цивилизационной элиты всеми доступными культурно-политическими средствами обеспечить как минимум полагание цивилизации как локализованного субъекта, а как максимум — всего человечества как

²⁷¹ Ратцингер Й. (Бенедикт XVI). Ценности в эпоху перемен. О соответствии вызовам времени. М.: Библийско-богословский институт св. апостола Андрея, 2007. С. 102.

всемирно-исторического субъекта. Само же это движение должно идти по интегральной «оси» (в обратном направлении: Москва — Киев — Константинополь) за пределы наличной локальной пространственно-временной структуры истории, для достижения полного единения и гармонии с Богом, другими и самим собой.

Именно поэтому, как мне кажется, космос православной цивилизации в земных условиях создан в виде модели «мира миров», интегральной этико-соборной конструкции, но с акцентированной в ее проекте миссионерско-сотериологической «осью».

«Есть подлый род господ весьма спесивых...»:
о содержательном аспекте подготовки
специалистов-международников в контексте
изучения актуальных процессов мировой политики²⁷²

Вынесенные в заглавие стихотворные строки, принадлежащие Хосе Марти²⁷³, как мне кажется, весьма точно отображают не только психологию и логику действия победителей в «холодной войне», равно как и нынешние перманентные хаосогенные акции по всему миру.

Речь идет о моделях доминирования США и их ближайших союзников (включая «мирового полицейского» — НАТО). С ними, моделями господства, лидерства, гегемонии (Зб. Бжезинский, Ч. Капчан, Г. Киссинджер, А. Маунт, Б. Скоукрофт, Т. Фридман и др.), равно как и с вариациями сомнений и отрицаний таковых (Ф. Закария, Ч. Капхен, Дж. Кьеца, Е. Примаков, А. Торкунов, Н. Хомски, Н. Фергюссон и др.), приходится иметь дело в курсах «Основы геополитики и геостратегии», «Теория цивилизаций», «Мегатренды и глобальные проблемы» и спецкурсе «Глобалисти-

²⁷² Тезисы доклада на круглом столе Международной научной конференции «Донецкие чтения 2016: Образование, наука и вызовы современности».

²⁷³ Марти Х. Банкет тиранов // Марти Х. Стихотворения. Статьи. Очерки. М.: Художественная литература, 1973. С. 89–90.

ка», читаемых студентам специальностей «Международные отношения» и «Политология» на историческом факультете Донецкого национального университета.

Но насколько верны их цели и задачи, содержательные линии — в условиях невиданной ранее исторической турбулентности — вопрос во многом открытый. В том числе и поскольку различные школы и традиции в рамках российской и мировой науки по-разному рисуют геополитическую и геокультурную картины мира. Полнота дискурса тут такова: либо апеллируют к «глобальному сверхобществу» как единственной реальности (А.А. Зиновьев), либо к «разбегающейся политической вселенной» (А.Ю. Мельвиль). Отсюда проистекает озабоченность, вызванная отсутствием общего знаменателя в понимании основ и механизмов утверждения одно- или многополярности.

Тем не менее, последние мировые тенденции (в т.ч. войны в Сирии, Донбассе, миграционный коллапс в ЕС, снятие санкций с Кубы и Ирана, «игры» в Южно-Китайском море и т.д.), а также их преломление в рефлексиях социально-политических наук свидетельствуют о большой важности процедур деконструкции американской геостратегии. Не секрет, что именно она содержит формулу обнаружения «глобального радиуса действия» (Дж. Модельски). Последняя хотя и дана в ряде программных работ американских геостратегов и геополитиков (напр., у того же Зб. Бжезинского²⁷⁴), и помимо того, частично эксплицирована критиками внешней политики США (в частности, у Дж. Къезы²⁷⁵), нуждается в уточнении и герменевтике.

Собственно ниже я постараюсь предложить собственную версию ее транскрипции с опорой на определенные идейно-мотивационные и хронополитические соображения. При этом, что

²⁷⁴ Бжезинский З. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы. М.: Международные отношения, 1999; Бжезинский З. Мировое господство или глобальное лидерство. М.: Международные отношения, 2004; Бжезинский З. Еще один шанс. Три президента и кризис американской сверхдержавы. М.: Международные отношения, 2007; Бжезинский З. Стратегический взгляд: Америка и глобальный кризис. М.: Астрель, 2012.

²⁷⁵ Къеза Дж. Мир на пороге войны. Размышления европейца. М.: Книжный мир, 2015. С. 258–266.

естественно, избирая российский фокус рассмотрения стратегически-атакующего потенциала сверхдержавы. Главный мой тезис заключается в утверждении, что из всех идейно-политических течений в США ни *неоизоляционизм*; ни *селективный ангажемент*, ни *либеральный интернационализм*, ни *лидерство*, а только лишь *имперский принцип* может дать адекватную основу понимания линии их стратегического поведения и тактических эспектаций. Замечу, что этот тезис уже ранее раскрыт представителями левого дискурса²⁷⁶, в т.ч. с учетом альтернативы «миру Империи» со стороны «мира Множества»²⁷⁷. Но левая интерпретация едва ли угадывает идейно-ценностно-мотивационные основания позиционирования Америки в мире, в силу редукции всей системы процессов к «био-политическому».

Напротив, для демонстрации тезиса нужен шаг в сторону учета позиции неореализма, главным образом, *offensive realism*-а («оффенсивного» или «наступательного реализма»), теоретически задекларированного Дж. Миршаймером. Общим местом тут выступает *наступательный принцип*, ведь гегемония — что естественно — тяготеет к усилению своего могущества и методичному ослаблению противника²⁷⁸. Собственно учет этого обстоятельства позволяет понять то, как именно США на практике реализует свою внешнюю политику и как видятся ее политикому и гражданам современные международные отношения.

На это обстоятельство как нельзя лучше указывает и структура самой *Grand Strategy*, включающая в себя Стратегию национальной безопасности (за вариантами 2002 г. и 2009 г. последовал вариант 2015), национальную военную стратегию (2015), равно как и ее (их) целевая направленность. К примеру, «Национальная военная стратегия США на 2015», с одной стороны, иницирует процесс реализации «комплексной военной стратегии», при этом намереваясь укрепить «глобальное сообщество союзников». Но с другой —

²⁷⁶ Хардт М., Негри А. Империя. М.: Праксис, 2004.

²⁷⁷ Хардт М., Негри А. Множество: война и демократия в эпоху империи. М.: Культурная революция, 2006.

²⁷⁸ Mearsheimer J.J. The Tragedy of Great Power Politics. New York: Norton&Company, 2001. P. 33–39.

эти меры необходимы для обеспечения «непреходящих национальных интересов Америки: безопасность страны, сильная, инновационная экономика, соблюдение универсальных ценностей (свободы и демократии) у себя дома и во всем мире...»²⁷⁹ Но если присмотреться внимательнее, то Америка продолжает строить Империю всеми имеющимися подручными средствами: от пяти стратегических колец Урдена и петли Бойда — до реальных гибридных (сетевых) войн, в т.ч. в Сирии и Донбассе²⁸⁰.

Кроме того, эти основополагающие тексты содержат представление о среде международных отношений («стратегической среде», «стратегическом театре»), которая помимо кластеров процессуальности: а) глобализации; б) распространения технологий; в) демографических сдвигов, интерпретирована в терминах уязвимых и зависимых фигур на «Великой шахматной доске». Или субъектно (условно-субъектно). В этом ракурсе «вызовы» гегемонии США можно ожидать от России, Китая, Ирана... Именно поэтому «наступательный реализм» США и НАТО в виде открытия РЛС в Румынии и Польше, приглашение в военный альянс Швеции и Финляндии, передача наступательного оружия Вьетнаму, а также (нелегально) Украине, не выпадают из этой повестки дня, а являются ее яркой и недвусмысленной иллюстрацией.

И последнее. В качестве усиления доктрины «наступательного реализма» можно обратиться к идеям покойного ныне геополитика В.Л. Цимбурского о сверхдлинных военных циклах. В этом отношении наиболее интересен пункт вовлеченности России, а затем и СССР в сверхдлинный военный цикл 1792–1945 гг., внутри которого нашлось, как минимум, место «наполеоновским войнам», Крымской войне, двум мировым²⁸¹. Но далее, как известно, была «холодная» война, плавно перешедшая в «теплую», а затем и «горячую». Собственно инициатива последней (либо она началась

²⁷⁹ Национальная военная стратегия Соединенных Штатов Америки 2015 года // Геополитика и безопасность. 2015. № 3 (31). С. 151.

²⁸⁰ Савин Л.В. Новые способы ведения войны: как Америка строит империю. СПб.: Питер, 2016.

²⁸¹ Цимбурский В.Л. Сверхдлинные военные циклы и мировая политика // Цимбурский В.Л. Остров Россия. Геополитические и хронополитические работы. 1993–2006. М.: РОССПЭН, 2007. С. 72–82.

в 1999 года на Балканах, либо в 2001 году в Афганистане), также принадлежали США, впрочем, как и генерирование «глобальной гражданской войны», как главного сюжета XXI века (А.С. Панарин).

Однако нас, теоретиков и преподавателей, должен интересовать ответ на вопрос, также поставленный В.Л. Цимбурским, а именно: насколько война с «международным терроризмом» в Афганистане была своей, а не чужой²⁸²? Или еще более масштабно, вовлеченность России / СССР в сверхдлинные военные циклы, инспирированные Западом, — это вообще благо для нашей цивилизации или нет?

Ответ на эти вопросы нам придется искать очень скоро, ведь война в Донбассе и в Сирии — это проекты последовательной и целенаправленной хаотизации постсоветского пространства и пространства Ближнего Востока. При этом Донбасс — органическая часть Русского мира, ныне «расшиваемого» США и их сателлитами; Сирия — некогда стратегический партнер СССР, как страна, вставшая на путь социалистической ориентации и сохраняющая верность взятым на себя обязательствам. В свою очередь «битва за Балканы» — суть выражение России / СССР к единому православному и социалистическому наследию.

В таком случае напрашивается: понимание современной мировой политики и международных отношений упирается в мировоззренческие и ценностные предпочтения ведущих акторов, прежде всего — США, претендующих на роль гаранта мировой безопасности, а на деле реализующих Grand Strategy, с ее наступательным принципом.

²⁸² Цимбурский В.Л. Это твой последний геокультурный выбор, Россия? // Цимбурский В.Л. Конъюнктуры Земли и Времени. Геополитические и хронополитические интеллектуальные расследования. М.: Европа, 2011. С. 82 и сл.

Русские проекты

Экспертный опрос РИА «Новый день»²⁸³

Самое опасное событие 2016 года?

— Думается, что таковым (самым опасным событием) может стать развертывание глобальной войны в евразийском формате. Разумеется, при самом активном участии США, ЕС, монархий Персидского залива и Турции. Причем как в болевых точках Большого Ближнего Востока, так и на постсоветском пространстве. В частности, Крыму, Приднестровье, Нагорном Карабахе, Донбассе...

Самое желанное событие 2016 года.

— Лично для меня таким событием может быть одно: признание Российской Федерацией — Донецкой и Луганской народных республик, желательно, с последующей интеграцией их в свой состав. Этот процесс вполне соответствует логике и аксиологии собирания русских земель и разделенного русского народа в единое целое!

Последний год Украины.

— К большому сожалению, цивилизационный и геополитический раскол внутри славянского мира усугубляется. Достаточно посмотреть на Балканский геополитический узел, где наблюдается сдача суверенитета отдельными государствами и переход в режим внешнего управления — например, Черногория.

Помимо этого, можно указать на пространство Украины, которое все меньше контролируется нынешним киевским режимом и его вашингтонскими кураторами в его западной части и, думается,

²⁸³ Впервые опубликовано на сайте РИА «Новый день» (31.12.2015): newdaynews.ru/moskow/553684.html; newdaynews.ru/moskow/553747.html; newdaynews.ru/moskow/554001.html; newdaynews.ru/moskow/554604.html (21.06.2016).

окончательно потерянной восточной части. Эти тенденции могут привести к распаду этого «несостоявшегося государства» и конституированию на его руинах Большой Новороссии (от Луганска до Одессы плюс Приднестровье). При этом сама Новороссия выберет единственно оправданный (исторически и аксиологически) вектор своего развития, направленный на реинтеграцию в Русский мир. Судьба же Украины может оказаться печальной, поскольку ее западные территории есть предмет геополитического интереса Польши и Румынии.

Россия и Китай: враги или братья?

— Представляется, что КНР продолжит выстраивать политику своего доминирования в Евразии реально, а не гипотетически, претендуя на роль единственного центра силы, в том числе контролируя проект «Нового шелкового пути», «нависая» над Дальним Востоком и Сибирью. В этом случае России необходимо искать формулу баланса сил с Индией для стабилизации внутриевразийской ситуации. Другое направление — взаимодействие с Ираном.

Будет ли уничтожен ИГИЛ?

— Гиперактивная стратегия России в этом вопросе, в отличие от коалиции государств, возглавляемых США, может привести к уничтожению ДАИШ. Но есть опасность ухода этой международной террористической организации в подполье. В таком случае, борьба с ней может, увы, затянуться на многие годы, причем реализовавшись на территории ЕС, России и стран СНГ. Поэтому необходимы комплексные предупредительные меры по предотвращению проникновения идеологии ИГ и ее носителей в Российскую Федерацию и сопредельные территории.

О Русской цивилизационной альтернативе

Сегодня, пожалуй, как никогда ранее остро стоит вопрос о выработке Россией и сопряженных с цивилизационной логикой ее развития обществ и государств — иномерной глобальной («горячей») войне — альтернативной версии существования и развития. Версии мироустроительной. И это обстоятельство имеет свое объективное основание в нежелании России, Китая, Индии, Ирана, Бразилии и целого ряда других стран²⁸⁴ активно участвовать в «мегатренде» глобальной войны.

Но логика поведения глобального Хищника пока неумолима: ведь даже допуская наличие великих и региональных держав (Г. Киссинджер), он не мытьем, так катанием стремится к ослаблению их роли в мирополитическом процессе. К примеру, сам мэтр американской дипломатии в своей передовице в газете *Washington Post* от 05. 03. 2014 года указывал: «Слишком часто украинский вопрос воспринимается как решающий поединок: присоединится ли Украина к Востоку или Западу. Но если мы желаем сохранения и процветания Украины, она не должна стать восточным форпостом против Запада и наоборот. Она должна служить мостом между ними. *Россия должна принять как факт, что попытки сделать Украину своим сателлитом и, тем самым, вновь передвинуть российские границы, обречены заново вовлечь Москву в бесконечный цикл взаимного давления с Европой и США...*»²⁸⁵ (выделено мной. — Д.М.).

В этой связи хочу заметить, что иные субъекты международных отношений, а не США или ЕС, почему-то «должны принять как факт» то-то и то-то (идя в очередной раз на уступки), т.е. жертвуя своей национальной безопасностью в ближнезарубежном контуре. В противном случае, как бы ни вуалировал Киссинджер эту

²⁸⁴ Вынужденных не просто вооружаться, реформировать армии, а иногда и переписывать военные доктрины в пользу бога Марса, но быть вовлеченными в начавшийся 24 марта 1999 года / 11 сентября 2001 года военный мегацикл Запада.

²⁸⁵ Цит. по: Киссинджер Г. Для урегулирования украинского кризиса нужно начать с конца // Цивилизация, притворившаяся страной: ведущие западные аналитики о России. М.: Эксмо, 2016. С. 151.

мысль, Россию ожидает «бесконечный цикл» давления со стороны Запада. И как же прав был Н.Я. Данилевский, в свое время указавший на *Drang nach Osten*, как на закономерное («бессознательное чувство», «исторический инстинкт») отношение Запада к России²⁸⁶. Между тем, такая неравносность, создаваемая Западом, не может самоупраздниться, как не может западное сообщество сойти с исторической арены. Даже пройдя через рукотворные «кризисы»...

К сожалению, пока не оправдался прогноз, касающийся изменения баланса мировых сил в пользу Востока и России за счет ослабления Запада и США²⁸⁷. Ни последствия войны в Ираке, ни ипотечный кризис 2008 года, ни провал политики США в Грузии, ни сбой в хаотизации Большого Ближнего Востока, ни госпереворот на Украине и уход Крыма, ни неудачная война в Донбассе не вызвали «стратегическую усталость». Скорее, напротив.

В качестве аргумента, указывающего на тотальную экономическую войну против всего мира, включая Россию, перекрестно сошлюсь на аналитику двух авторов — Дж. Сороса и В.Ю. Катасонова.

У первого находим: «США на протяжении многих десятилетий создавали систему глобального управления банками и иными финансовыми организациями. Поскольку доллар обслуживает подавляющую часть всех международных расчетов, эти расчеты проходят через банковскую систему США, и Вашингтон имеет возможность при необходимости блокировать их. Второй важный элемент системы — финансовый контроль со стороны Вашингтона над банковскими системами других стран. Схема контроля такова: Федеральная резервная система США (ФРС) осуществляет эмиссию долларов, первыми получателями которых являются банки Уолл-стрита (они же — главные акционеры ФРС). Банки Уолл-стрита размещают полученные деньги как внутри США, так и за рубежом... Третий элемент созданной США глобальной системы управления банками — идеологиче-

²⁸⁶ Данилевский Н.Я. Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германско-Романскому. 6-е изд. СПб.: СПбУ; Глагол, 1995. С. 41.

²⁸⁷ Уткин А.И. Подъем и падение Запада. М.: АСТ: АСТ Москва, 2008. С. 473–684.

ское обоснование применения возможностей блокирования долларовых транзакций иностранных банков и финансовых организаций... И вот на наших глазах выстраивается четвертый элемент системы, предполагающий прямой административный контроль со стороны Вашингтона. Речь идет о законе FATCA (ФАТКА)... Это закон экстерриториального действия, прямо посягающий на суверенитет других государств»²⁸⁸. Такова фактура «финансовой войны» против России.

У В.Ю. Катасонова в свою очередь зафиксировано: США стали глобальной политико-экономической системой: во-первых, метрополией *Rex Americana*; во-вторых, наличие ФРС, созданной и функционирующей в интересах «узкой группы мировых ростовщиков»; в-третьих, доллар — «продукция печатного станка» ФРС. Цель этой системы — подчинить весь мир, включая Россию, узкой группы мировой олигархии²⁸⁹. А события на Украине, как и санкции против России, квалифицированы как война против тех, «кто пытается проводить самостоятельный экономический и политический курс»²⁹⁰.

При этом уже ни для кого не секрет, что именно глобализация и ее системное военно-стратегическое и культурно-информационное обеспечение являются проектными величинами, сегодня вполне объективированными в материю Истории западной пост-христианской / постпросвещенческой, техно-урбанистской, гедонистически-потребительской цивилизацией. В том числе — в пространстве Евразии, этой интегральной площадки для общего месторазвития, не исключающего логику его частных вариантов. Но после 1991 года благодаря гиперлиберальной терапии России и стран СНГ, их социальная онтология и динамика стали определяться именно американскими императивами. К счастью, поверхностно, но не глубинно-психологически или морально²⁹¹. Поэтому двойная (европейско-

²⁸⁸ *Сорос Дж.* «Фонд» для России: что было, что будет. М.: Алгоритм, 2015. С. 199–200.

²⁸⁹ *Катасонов В.Ю.* Америка против России. Холодная война 2.0. М.: Книжный мир, 2015. С. 161–368.

²⁹⁰ *Катасонов В.Ю.* Америка против России. Холодная война 2.0. М.: Книжный мир, 2015. С. 370.

²⁹¹ Известный советолог Р. Пайпс как-то сетовал: «Русские не верят в то, что государством можно управлять демократическим образом. Они считают, что пра-

евразийская) коррекция Русского пути после 1999 года дало вполне predetermined процесс.

Но здесь следует иметь в виду: Россия и Русский Мирь «до» и «после» 2014 года — реальности не однопорядковые. Хотя 24 марта 1999 года / 11 сентября 2001 года мир был подожен Америкой (переведен в режим «горячей войны»), сам бикфордов шнур был вложен в жизненное пространство русской цивилизации. Попытка же поджечь Кавказ, на этот раз через Грузию (ставшую при Саакашвили ненавистницей России), заставила руководство России включить «защитные механизмы», а в дальнейшем, после госпереворота в Киеве, сосредоточиться на стратегии собирания русских (советских) земель. Иначе говоря, действуя на опережение. Естественно, признав распад СССР — «крупнейшей геополитической катастрофой».

Но по большому счету это только первый шаг в обретении цивилизационно-имперского самосознания, второй — тезис о патриотизме как идеологическом клише России, который служит делу активной нравственной связи поколений, и социокультурного воспроизводства на этой основе. Однако еще важнее решить проблеме «другого», т.е. явных и скрытых угроз, методично исходящих от западных «партнеров», равно как и у сторонников (агентов) Запада внутри Русского Мира.

Учитывая то, что в последнее время как внутри России, так и на Западе у наблюдателей сложилось достаточно любопытное мнение о контрадикторности этих культурно-исторических величин, предлагаю рассмотреть их подробнее.

Вначале нужно указать на все заметнее проявляемую по всему фронту отношений «экзистенциальную несовместимость» США и России: «Америка хочет определять границы России, систему ее отношений с окружающими ее странами и с Евросоюзом, вообще ее национальные интересы, а также ее политическое устройство, ее внутреннюю политику, содержание российского законодательства и даже то, какой именно человек должен находиться во главе российского государства. Казалось бы, это абсурд, но ведь дело

вительства других стран — это какие-то преступные группировки, которые используют власть для собственной выгоды. Что вся эта демократия — фасад и враки». См.: *Пайнс Р.* Два пути России. М.: Алгоритм, 2015. С. 71.

обстоит именно так»²⁹², — замечает В.Т. Третьяков. И России в такой геополитической логике приходится обороняться, но и подумывать о контригре в Донбассе, в Крыму, на Украине, в Сирии.

Далее, нужно отдать должное германскому политологу А. Рару, увидевшему в пикировках Запада (США и ЕС) и России — мировоззренчески-ценностный конфликт. Причем он имеет предысторию, вылившуюся в 1-ю и 2-ю мировые, «холодную войну». Теперь — «горячую», уже пылающую на границах России. Причина в различном видении индивидуальных, социальных и культурных ценностей. Если «в России восстанавливается потерянная христианская культура — люди опять ходят в церкви, верят в Бога, придают большое значение семье, патриотизму и национальным традициям», то Запад «ставит во главу угла идеал свободы, защиты прав человека и самореализации каждой отдельной личности», включая права меньшинств. Но самое важное заключается в следующем: о столкновении двух концепций будущего мироустройства, а именно, европейцы и американцы полагают, что человечество должно разделять общие ценности, русские поддерживают идею культурного и ценностного многообразия²⁹³.

Наконец, существенно важна свежая аналитика итальянского политолога Дж. Кьеца, показавшего, что современный Запад вновь актуализировал русофобию в виде идеи о том, «будто Россия и русские являются прирожденными агрессорами по отношению к своим соседям»²⁹⁴. И это на фоне того, что НАТО прибрал к рукам всю Центральную и Восточную Европу, притом перейдя границы бывшего СССР, поглотив не только прибалтийское трио, но навис над Сербией и Македонией, Грузией, Молдавией и Украиной (!). Поэтому «высказывания об «агрессии» России ввиду этого вопиющего стремления Запада установить свое господство вызывают недоумение. Но отчего же европейское общественное мнение (и руководство) — самокритично вопрошает Кьеца, — по-

²⁹² Третьяков В.Т. Конфликт с Западом. Уроки и последствия. М.: Алгоритм, 2015. С. 27.

²⁹³ Рар А. Россия — Запад: кто кого? М.: Издательство «Э», 2016. С. 277–278, 280.

²⁹⁴ Кьеца Дж. Русофобия 2.0: болезнь или оружие Запада? М.: Издательство «Э», 2016. С. 123.

*прежнему обвиняют ягненка, пьющего ниже по течению реки, в том, что он мутит воду волку, лакающему выше по течению?»*²⁹⁵
И этот вопрос не является риторическим.

Уже хотя бы потому, что распрекрасная европейская демократия, во-первых, не только нарушает принцип свободы слова (главным образом по отношению к Донбассу); во-вторых, исходит из ложного представления о нравственной вселенной, где именно Запад ассоциируется с Добром, а не-Запад со Злом, вопреки всем стандартным версиям их, Добра и Зла, соотношения. В плане международных отношений этот пункт связывается с одолением коммунизма в СССР и соцсодружестве, и с «началом тотальной экстраполяции «Добра»²⁹⁶. Последнее можно связать и с войнами, происходившими по контурам СССР, с войнами в Югославии, «цветными революциями» в странах СНГ и на Большом Ближнем Востоке, теперь в Донбассе...

Но Запад, помимо этого испытывает то, что другой итальянский политический мыслитель — Д. Дзола, обозначил как «тройкий функциональный дефицит». Речь идет о: 1) «дефиците последовательности, непротиворечивости, возникающем из непоследовательности или антиномии пользы и вреда, возникающих в результате принятия политического решения»; 2) «структурном дефиците, вызванном отсутствием единого органа принятия решений и наличием цепи нецентрализованных и фрагментированных решений»; 3) «дефиците времени, порождаемом нарастающей непредсказуемостью, даже в краткосрочной перспективе, переменных политической системы и ее отношений с внешней средой...»²⁹⁷.

В таком случае, Запад, как бы он ни ухищрялся, обрекает всех участников международных отношений, но главное самого себя, на игру с нулевой суммой. Поэтому и принцип транспарентности здесь не очень эффективен.

Именно поэтому теперь, как никогда ранее, важна контр-инициатива, или если угодно, метаигра, органично вырастающая из

²⁹⁵ Кьеза Дж. Русофобия 2.0: болезнь или оружие Запада? М.: Издательство «Э», 2016. С. 130.

²⁹⁶ Бодрийяр Ж. Дух терроризма // Бодрийяр Ж. Дух терроризма. Войны в Заливе не было. М.: РИПОЛ классик, 2016. С. 103, 104.

²⁹⁷ Дзола Д. Демократия и сложность: реалистический подход. М.: Высшая школа экономики, 2010. С. 235–236.

логики русской истории и самоекультурно-цивилизационного кода России. Отсюда, из этой диспозиции, вытекает одна важная методологическая тонкость: переход от сугубо оборонительных практик, к разработке цивилизационной (по сути — цивилизационно-геополитической) стратегии для России вполне оправдан. В этом переходном ряду — «Русская доктрина», «Право и Правда», «Проект Россия» и многое другое, сделавшие немалый задел в деле выработки «высшей стратегии» или «цивилизационной стратегии»²⁹⁸.

Сегодня, к примеру, в пестрой палитре русских think tanks уже формализованы и актуализированы — как на уровне теории, так и на уровне практики — государственные приоритеты России. Так, состоявшийся в «Гумилев-центре» в 2013 году круглый стол на тему «Где искать национальную идею?» продемонстрировал, что таковая может развиваться в двух направлениях: 1) как технотронный проект; 2) как проект по формированию нового человека²⁹⁹. В свою очередь центр С.С. Сулакшина дал комплексную развертку национальной идеи через 20 функционалов, опорой которой является «идея России о самой себе, для ее собственной жизни и успешности»³⁰⁰. Есть и более приземленный вариант ее прочтения: Россия обязана справиться с исторически накопленными долгами государства перед собственным народом и сегодня сделать центром политической активности — человека, его интересы, достоинство и условия жизни³⁰¹. Собственно здесь предлагается модель good society, в которой акценты смещены на микроисторические экзистенциальные параметры. Конечно, данная перспектива важна и нужна в условиях диктата санкций и программы импортозамещения. Но она не отменяет мезо- и макроуровней исторических реалий, на которых Россия и Русский Мирь собственно и возможны как субъекты исторического процесса.

²⁹⁸ «Цивилизационная стратегия — это процесс умножения общих интересов и создание единого социокультурного пространства, в котором обитают разные субъекты, согласные, невзирая на различия интересов, соблюдать общие «правила игры». См.: Панарин А.С. Философия политики. М.: Новая школа, 1996. С. 71.

²⁹⁹ Национальная идея современной России: круглый стол // www.gumilev-center.ru/stenograma-kruglogo-stola-nacionalnaya-ideya-sovremennoj-rossii (25.11.2013).

³⁰⁰ См.: Национальная идея России: В 6 т. М.: Научный эксперт, 2012.

³⁰¹ Степанов С.А., Тарко А.М. Россия в XXI веке: проблемы идентификации и национальных целей. М.: Библио-Глобус, 2015.

Однако, как я пытался (вслед за А.С. Панариным) показать, что Россия возможна и желательна *либо в качестве империи, либо в качестве цивилизации*, либо, что намного точнее с точки зрения соответствия ее исторической сущности — *цивилизационной империи*, лишает приоритетности вопрос о задачах национально-ориентированного дискурса³⁰². И дело касается всего объема систем и процессов, которые Россией генерированы в ходе дискретно-непрерывного исторического маршрута, в той или иной мере закреплены (закодированы) в ядро принципов / ценностей / идеалов. Нередко взаимодополняющих, нередко контрастирующих и даже взаимоисключающих.

И дело тут, по-видимому, в аксиоматике самой социальной теории: где-то православно-метафизической, где-то марксистски, позитивистски и технократически нормативной, где-то подчеркнуто гибридной. Но сама по себе социальная теория обязана исходить из некоторого предположения о процессе (континуальном, дискретном, континуально-дискретном), вводя фигуры обоснования либо из его истоков, либо из его структуры, либо из «вложенной» телеологии. В этом плане и наблюдается маятниковое движение дивергенции / конвергенции точек зрения и позиций, в основном сосредоточенных вокруг полюсов «Третьего Рима» и «Третьего Интернационала».

Отсюда и всеобъемлющая медиаторно-герменевтическая задача по созданию цивилизационно-имперского образа России. В качестве избранного пакета основных образов можно назвать:

- образ «православной цивилизации» (А.С. Панарин), включающий в себя интеграцию православной традиции и универсалий Просвещения;

- образ «Острова России» (В.Л. Цимбурский), генерирующий структурный синтез: обжитой «основной земли», государственно оформленного «основного человечества» и «сакральной» (в основе своей — православной) вертикали;

- образ диахронно-динамической четырех-имперской России с выходом на конституирование «пятой империи», синхронизи-

³⁰² Муза Д.Е. Россия в системе координат глобального мира: метафизика, идеология, прагматика / Предисл. С. Ю. Житенева / Центр стратегической конъюнктуры. М.: Издатель Воробьев А.В., 2016. С. 212–215.

рующей ценности и достижения предшественниц (А.А. Проханов), в рамках которой сосуществуют по типу дополнительности: идея Пасхи как национальная идея России, философия «общего дела», религия Победы, корреспонденция «Технического» и «Духовного» Космосов;

– образ России-Евразии как империи и цивилизации А.Г. Дугина, имеющий привязку к месторазвитию и циклизму, централизованной государственности, религиозный плюрализм и терпимость при доминатности православия, иерархически сложно организованной социальности, самобытными интересами и ценностями, плюс своими стратегиями глобальной ноомахии;

– образ России как «традиционной духовной цивилизации», «цивилизации ценностей» (Л.Г. Ивашов), геополитически центрирующей (географически, ландшафтно, климатически, лингвистически, культурно и религиозно-идеологически) Евразию, ее евразийский Запад и евразийский Восток, но реализующая четыре параллельных процесса: 1) проект собственного возрождения и развития; 2) проект реанимации СНГ в экономике (ЕврАзЭС), вертикально-интегрированной структуре производства, восстановление пространств культуры, науки и образования, общей безопасности (ОДКБ); 3) инициируется развитие ШОС с привлечением новых членов и образованием Евро-Азиатского союза; 4) усиление БРИКС как альтернативной архитектуры мирового порядка;

– образ России как православной империи (М.Б. Смолин), в которой «универсальное государство» дорастает до цивилизации, до самобытного политико-культурного мира, предназначение которого удерживать целый мир, а не только православную ойкумену, от обрушения в бездну, быть гарантом морально-сотериологического порядка.

Как видим, данный набор образов (которых, разумеется, значительно больше) акцентирует глубинно-сущностные характеристики России — цивилизационной империи, проявляемые ею последовательно феноменально на протяжении больших хронополитических циклов. Как минимум, романовского и советского. Но здесь, как мне кажется, кроется важнейшая проблема, связанная с актуальным расширением (на деле восстановлением) империи и выполнением соб-

ственно цивилизационных функций, среди которых не только поддержание принципа суперэтнического христианского и светского гуманистического универсализма, реализация экономической интеграционной евразийской модели «внутриконтинентальных» и межконтинентальных притяжений ШОС и БРИКС, гибкий политический союз в масштабах Россия — Беларусь, СНГ, Россия — Китай, всемирно-сетевая культурная политика «мягкой силы» Русского Мира, но и культурно-цивилизационная модель управления конфликтами.

Она заключается в культурно-цивилизационной транскрипции и коррекции мирополитической существующей картины мира, со сверхдержавой во главе (олицетворяющей не только «Свободу», «Демократию», «Права человека», «Добро» и т.д., но и безальтернативную «глобальную Власть»), и всеми теми, кто готов или не готов жить в этом Pax Americana по правилам сверхдержавы. Жить в монологическом идеолого-политическом, финансовом, промышленном, военном, дипломатическом, торговом, языковом, культурном универсуме. В каком направлении? — резонанс вопрос.

Известно, что в истории человечества были названы положительные и отрицательные (священный и профанный) примеры организации мирового общежития. В первом случае это Царство Небесное и Церковь, во втором — «вавилонская башня» и «домик на холме». Нетрудно догадаться, какие из них в той или иной мере реализовались в рамках цивилизационных маршрутов: в Китае — Поднебесная империя, в Индии — иерархически структурированный мир парциального восхождения к Абсолюту; внутри исламской цивилизации — сопряженно-дуалистическое движение государства и церкви к Абсолюту; в России — симфоническое государственно-церковное («красный проект» этого не отменяет) утверждение принципа предверия, а затем и соборного скачка в Царство Божие; Запад же артикулировал целый ряд процессов — либерально-плюралистический («Вавилонская башня»), тоталитарный проект для избранных в виде империи-фабрики (фашизм), либерально-индивидуалистический («домик на холме»). Но самое важное, каждый вариант был и во многом остается действенным (!), хотя и с известными вариациями.

Такая архетипика вообще дает возможность уяснить нынешнее положение дел, включая претензии — из локального (регионального) угла — построить дом для всего человечества в его наиболее «счастливой» версии. Чаще всего без Неба, «другого», но зато с Адом крошечным для «других». И неважно, называется она «демократический мир» или как-то иначе. Между тем, эти цивилизационные традиции реализуют соответствующие модели управления мировой ситуацией (конфликтами, «снятием» противоречий, «замирением» и т.д.). Насколько они эффективны, понятно на примере Афганистана, Ирака, Ливии, Сирии, Донбасса...

Напротив, русской цивилизационно-имперской традиции инвариантным инструментом такой трансформации картины мира выступает *диалог всех заинтересованных сторон* (!). На деле политолог, удерживающий в поле внимания хрупкость мира и солидарную ответственность за его нынешнее состояние, а также возможное некроважидное (по-европейски или по-американски) будущее.

Собственно с этой презумпцией, как представляется, связана цивилизационная альтернатива, содержащаяся в культурном самосознании России, и которую она должна совместно с другими реализовать, уберегая мир от глобальной войны.

Ноосферное сознание и его превращенные формы: некоторые соображения к рефлексии проблемы³⁰³

Предшествующий век ознаменовался первыми систематическими забастовками на заводах. Будущий, безусловно, чреват угрозой забастовки в ноосфере.

М. –Ж. Пьер Тейяр де Шарден *Феномен человека*.

Точка Омега науки и Христос Откровения совпадают материально в своей природе «универсальных Центров».

М. –Ж. Пьер Тейяр де Шарден *Христос Эволюции*

В последнее время дискуссии о ноосфере как реальности и соответствующих ее системной сложности средствах отражения / сопряжения / конструирования приобретают особую остроту. Думается, не случайно, поскольку от прежних имитационных моделей наука и практика перешли к тяготеющему к тотальности управлению социально значимыми, глобально-ориентированными процессами и системами. Но на этом переходе обнаружились некоторые коллизии, которые нуждаются в четком описании и разрешении.

При этом центральной зоной битвы ноосферологов, как бы они ни специализировались и какие бы акценты ни расставляли в деле понимания реальности ноосферы, была и остается сфера сознания. Последняя, нужно заметить, выступает в виде особого проблемного поля как в наследии самого академика В.И. Вернадского, так и в большинстве ее современных интерпретаций, следующих в русле «вернадскианской революции» (Ж. Гринвальд), равно как и за ее интеллектуальными и моральными горизонтами.

Но если присмотреться к разрабатываемым в современной ноосферологии версиям онтологии ноосферного сознания, его

³⁰³ Материал подготовлен в коллективную монографию «Ноосферология: мировоззрение, теория, практика» (Симферополь, КФУ имени В.И. Вернадского).

структуры и функций, то обнаружится достаточно пестрая палитра взглядов, простирающихся от четкой предметной фокусировки природы ноосферного сознания³⁰⁴ до космически-экстериорных его вариаций³⁰⁵. Подчеркну, часто содержательно не конгруэнтных не только друг другу, но и исходным интуициям В.И. Вернадского и других основателей и разработчиков ноосферной парадигмы.

Между тем, как недавно показал, опираясь на архивные данные Мочалов И.И., для Вернадского сознание — это проблема «горячего» сознания, до конца не редуцируемая к модели «Сознание-Разум» в силу эволюционной логики мироздания. Более того, поскольку «процесс эволюции *не кончен*: во что превратится Homo sapiens faber? — Дальнейшее развитие разума?»³⁰⁶ (курсив. — М.И.), то привязка к тем или иным формам рациональности или сверхрациональности выглядит как весьма односторонняя и методологически неоправданная.

К примеру, отечественный автор В.В. Буряк, проделав содержательный анализ предмета ноосферологии: «совокупность мыслительных актов homo sapiens, выражаемых в вербальной форме («когнитосфера» — специальный предмет когнитивных наук), сетей межличностной интеллектуальной коммуникации в информационной среде («инфосфера» — специальный предмет изучения коммуникативности и mediastudies), технологической деятельности («техносфера» — предмет философии техники) и совокупности интерпретируемых артефактов («семиосфера» — система вещей-знаков, предполагающих рациональную интерпретацию — предмет семиотики и культурологии), пришел к заключению о том, что ноосферу и ее «субсферы» пронизывают общие признаки. Среди них

³⁰⁴ Смирнов Г.С. Ноосферное сознание и ноосферная реальность. Философские проблемы ноосферного универсума. Иваново: Ивановский государственный университет, 1998.

³⁰⁵ Радьяр Д. Планетаризация сознания. От индивидуального к целому. М.: REFL-book; К.: Ваклер, 1995.

³⁰⁶ Мочалов И.И. Феномен сознания в понимании В.И. Вернадского: к постановке вопроса // Философские идеи В.И. Вернадского и современность. Сборник статей и материалов конференции, посвященной 150-летию В.И. Вернадского. Москва, 25–26 марта 2013 г., Институт философии РАН. М.: ИФ РАН; Технетика, 2013. С. 24.

названы: когнитивная деятельность, рациональное мышление, «машинная деятельность», коммуникация, семиотизация мира³⁰⁷.

Но в таком случае возникает ряд вопросов: а куда из современных дискурсов о ноосфере «испарились» «пневматосфера», заявленная о. Павлом Флоренским³⁰⁸ и признаваемая В.И. Вернадским, а также «антропосфера», «этосфера», «эстетосфера» и т.д., часто неподотчетные одной только целе-рациональности? Каким образом «прогнозируемая» ноосфера вмещает в себя (на правах какой такой селек-

³⁰⁷ *Буряк В.В.* Ноосферология: методологические принципы междисциплинарного дискурса // Ноосферология: наука, образование, практика / Под общей редакцией д.ф.н. О.А. Габриеляна. Симферополь: Предприятие Феникс, 2008. С. 141, 142. Замечу, что в дальнейшем В.В. Буряк развернул свою программу ноосферных исследований, ведя ее от «модернистского идеологического и философского проектов Просвещения («Века Разума»)), одним из выразителей которого и был В.И. Вернадский, — к междисциплинарной транскрипции «динамики эмерджентных технологий и перспективы их конвергенции». (см.: *Буряк В.В.* Динамика культуры в эпоху глобализации: ноосферный контекст Симферополь: ДИАЙПИ, 2011. С. 36, 4), т.е., протнотистике объективаций «инструментального разума». При этом данный автор оказался вне дискуссии, инициированной и проводимой В.А. Кутыревым с начала 90-х гг. прошлого столетия о борьбе миров: «естественного» и «искусственного», «культуры» и «технологии», «человеческого» и «иноного». См.: *Кутырев В.А.* Естественно и искусственное: борьба миров. Нижний Новгород, 1994; *Кутырев В.А.* Культура и технология: борьба миров. М.: Прогресс-Традиция, 2001; *Кутырев В.А.* Человеческое и иное: борьба миров. СПб.: Алетейя, 2009.

Более того, вне фиксации весьма проблемного сопряжения био- и техноценозов (см.: *Кудрин Б.И.* Классика технических ценозов. Общая и прикладная ценология. Томск: Томский государственный университет, Центр системных исследований, 2006; *Кудрин Б.И.* Философия технетики: основания постнеклассической философии техники. М.: Технетика, 2007), которые, согласно тому же В.А. Кутыреву, ведут к торжеству «когнитологии» или «теории мышления без сознания, без образов и психики...». В итоге — «без понимания» (!). И в конце концов, *отказу от человека как такового*. См.: *Кутырев В.А.* Последнее целование. Человек как традиция. СПб.: Алетейя, 2015. С. 11 и сл.

³⁰⁸ Так, отец Павел Флоренский в своем письме к В.И. Вернадскому от 21.IX.1929 года высказался в том смысле, что в биосфере существует то, что можно было бы назвать «пневматосферой», а именно: существование «особой части вещества, вовлеченной в круговорот культуры или, точнее, круговорот жизни духа». И далее: «Несводимость этого круговорота к общему круговороту едва ли может подлежать сомнению. Но есть много данных, правда еще недостаточно оформленных, намекающих на особую стойкость вещественных образований, проработанных духом, например, предметов искусства. Это заставляет подозревать существование и соответственно особой сферы вещества в космосе». См.: Письмо П.А. Флоренского — В.И. Вернадскому // *Флоренский П.* Оправдание Космоса / Сост., вступ. статья и примечания К.Г. Исупова. СПб.: РХГИ, 1994. С. 206.

ции?) названные «перфектные» формы развертывания «техносферы», о которой — в терминах «поступательной рациональности» с ее квазиобъективностью — давно и прямо высказался М. Хоркхаймер в своей «Критике инструментального разума»?

Проще: не являемся ли мы свидетелями подавления очередной волной позитивизма самого существа ноосферизма, столь далекого от интуиций русского и французских мыслителей — В.И. Вернадского и Э. Леруа, П. Тейяра де Шардена — соответственно, от плоскостной трактовки бытия и сознания, включенных в логику глобальной эволюции?

Замечу, что у самого Вернадского на этот счет есть отнюдь недвусмысленное признание: «Я живу всегда — при всей отвлеченности моей природы — в сознании, что рационализирование охватывает небольшую часть духовных проявлений человеческой личности, что разум охватывает далеко не все и нельзя даже считать его главным и основным решателем жизненных проявлений личности»³⁰⁹ (курсив мой. — Д.М.).

Однако если мы хотим реально осуществить ревизию ноосферных исследований, в т.ч., с учетом логики продвижения от ноосферной аксиоматики — биосферы и ноосферы — к фиксируемым «субсферам» (их множеству и прогрессирующей вариативности), то неминуемо придем к проблеме превращенных форм этой системной целостности. Последняя, если следовать известной канонике, возникает там и тогда, где и когда *внутренние отношения сложной системы деформируются настолько, что утрачивается ее «сущностная роль», а косвенные выражения обнаруживают «способность к самовозрастанию»*³¹⁰. И как бы ни рядился указанный выше дискурс (дискурсы) в одежды меж- и интердисциплинарности, артикулируя формы ноосферного динамизма: «ноосфера 1» и «ноосфера 2»³¹¹ есть не что иное, как «пре-

³⁰⁹ Вернадский В.И. Из дневника // Прометей: Историко-биографический альманах. Сер. «Жизнь замечательных людей». Т. 15 / Сост. Г. Аксенов. Научн. ред. И.И. Мочалов. М.: Молодая гвардия, 1988. С. 118.

³¹⁰ Мамардашвили М.К. Форма превращенная // Философская энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1970. Т. 5. Сигнальные системы — Яшты. С. 386–387.

³¹¹ Подробнее см. концептуальную развертку в: Буряк В.В. Ноосферогенез, глобализация и современное информационное общество: Монография. Симферополь: Ариал, 2014.

вращенное выражение» исходных ноосферных интуиций и определений. Главным образом постольку, поскольку *отношения уровней системы оборачиваются*, а именно: «продукты процесса выступают как его условия, встраиваются в его начало в виде предварающих «моделей», «программ»»³¹².

Иллюстрацией к сказанному может послужить недавняя заявка того же автора о когнитивном просвечивании глобализации на трех уровнях: 1) эволюции ноосферы; 2) планетарных трансформаций; 3) ускоренного развития информационного общества³¹³. Но первые два уровня здесь служат фоновыми величинами, а их логика редуцирована к «драйверу планетарных трансформаций», т.е. к «информатизации и интернетизации ноосферы».

Разумеется, подобные «когнитивные озарения» выглядят, мягко говоря, наивно, ведь тот же М.К. Мамардашвили предупреждал о гипостазировании «псевдосубстанциальных элементов», зачастую осуществляемое без оглядки на опасности фетишизма производных форм³¹⁴. В нашем случае — техногенно-информационного, ризомно-сетевого, а то и виртуально-денежного метаболизма, к тому же снабженного неповторимым «сетезом» (А.К. Секацкий) и методично выдаваемого некоторыми авторами за ноосферу. Между тем, академик Н.Н. Моисеев не случайно делал ударение на недопустимости воплощения нового варианта антиутопии с доминирующим в ней «кристаллом власти» (Э. Канетти), причем власти подчеркнуто информационной³¹⁵. Иначе говоря, *конституирования анти-ноосферного содержания сознания, а за ним и бытия*.

³¹² Мамардашвили М.К. Форма превращенная // Философская энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1970. Т. 5. Сигнальные системы — Яшты. С. 388.

³¹³ Буряк В.В. Глобальные трансформации и тренды интернетизации // Вестник Адьгейского государственного университета. 2015. Вып. 1 (156). С. 19.

³¹⁴ Мамардашвили М.К. Форма превращенная // Философская энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1970. Т. 5. Сигнальные системы — Яшты. С. 388.

³¹⁵ В ситуации концентрации власти в руках небольшой группы «произойдет глобальное зомбирование планетарного человечества», что отвечает маркеру «изоциренный информационный тоталитаризм». См.: Моисеев Н.Н. Судьба цивилизации. Путь разума. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 86. Насколько оказался он прав в своих опасениях, можно убедиться, познакомившись с совершенствующей Grand Strategy США от 2015 года (см.: National security strategy 2015), включающей в себя сумму hard и soft power, беззастенчиво выдаваемых за smart power.

Но дело, если на него посмотреть непредвзято, не только в просчетах «новейшей» методологии (претендующей «покрыть» своим контуром весь объем насущных вопросов ноосферологии и соответствующей практики). Прежде всего — в предметных представлениях об общей эволюционной логике развития Универсума, о глобальных социоприродных процессах и системах (гео-био-антропо-социо-техно-космосферах), отличающейся своей открытостью, самоорганизацией и нелинейностью³¹⁶. Однако странно, что эти «мелочи» не заботят американского «гуру» адептов достижительности универсумом Сингулярности — Рэя Курцвейла, считающего нынешнее «ускорение технологической эволюции» наиболее важным (если не единственным) направлением биологической эволюции³¹⁷. В частности, выражающееся в том, что «биологический мозг» способен решать задачи на основе «примитивных двигателей» — «центров удовольствия и неудовольствия», в то время как новый, «цифровой мозг» в перспективе может справиться с «более амбициозной задачей», а именно, «создания лучшего мира»³¹⁸. Разумеется, вождеденной Сингулярности (!).

Насколько абсурдна эта программа, показано бывшим коллегой Курцвейла — Дж. Ланиром в его «Манифесте», осуждающем «кибернетических тоталистов». В частности, его хронологически-структурный контраргумент приоткрывает завесу над мейнстримом культурно-технологического тренда: «Сингулярность, однако, влечет физическую гибель людей и загрузку их сознаний, где они продолжают осознавать себя, или даже аннигиляцию человечества в тот неумолимый миг, который предшествует воцарению на Земле сверхразума. Общим у Апокалипсиса и сингулярности является то, что живых свидетелей их пришествия не останется»³¹⁹.

Второе весомое возражение (пространственно-властный контраргумент), было высказано политологом Е. Морозовым, ныне сторонником киберреализма взамен ранее культивируемых им интер-

³¹⁶ Моделирование нелинейной динамики глобальных процессов / Под ред. И.В. Ильина, Д.И. Трубенцова. М.: МГУ, 2010.

³¹⁷ Курцвейл Р. Эволюция Разума. М.: Издательство «Э», 2015. С. 295.

³¹⁸ Курцвейл Р. Эволюция Разума. М.: Издательство «Э», 2015. С. 203, 204.

³¹⁹ Ланир Дж. Вы не гаджет. Манифест. М.: Астрель: CORPUS, 2011. С. 48.

нетоценризма и киберутопизма. Причем здесь имеет место эмпирический базис в виде не прошедшей верификацию «Доктрины Googl-a», т.е. ставки то, что все диктатуры мира (Иран, Египет, Китай и т.д.), столкнувшись с достаточным количеством гаджетов, коммуникаций и иностранных грантов, будут обречены и уступят власть демократическим процессам и институтам. Напротив, пример Ирана, Египта, а теперь и Сирии опровергает этот наивный (монокаузальный) подход. Более того, участники «twitter-ных революций» выступают в них явно одуроченными массами, так и не достигшими вождельных прав и свобод. Отсюда следует: «если “логика” Интернета не оправдывает ожиданий и оказывается трудноуловимой, несуществующей или по сути антидемократичной, то вся остальная программа действий тоже рассыпается, она в лучшем случае неуместна, а в худшем — дезориентирует»³²⁰.

Наконец, историк и философ науки Дж. Глик недавно справедливо обратил внимание на то, что у сторонников современной информационно-парадигмы попросту нет своего «демона Лапласа», способного обеспечить «фильтрацию» и «поиск» информации, этого главного субстрата информационной эпохи и информационного общества³²¹.

Отсюда намерение прояснить вопрос о природе ноосферного сознания, форма и содержание которого напрямую связаны с идеей «вернадскианской революции», или *парадигмального сдвига в понимании биосферно-ноосферного ансамбля, в т.ч. в космологическом контексте*³²². Учет этого обстоятельства вообще ведет к отсечению «сущностей, употребляемых без надобности», проще, ориентирует на искомый, ноологический уровень восприятия затрагиваемой проблемы. Тем более, после того, как была предло-

³²⁰ Морозов Е. Интернет как иллюзия. Обратная сторона сети. М.: АСТ; CORPUS, 2014. С. 392.

³²¹ Глик Дж. Информация. История. Теория. Поток. М.: АСТ; CORPUS, 2013. С. 450–452.

³²² Заслугой французского ученого Ж. Гринвальда является соединение принципа «научной революции» Т. Куна с фундаментальными интуициями и обобщениями В.И. Вернадского, его парадигмальными представлениями. Хотя сам Жан Гринвальд указывает на «невидимый» характер этой самой революции (!). См.: Гринвальд Ж. Вернадскианская революция // «Ноосфера». Журнал Фонда имени В.И. Вернадского. 2013. № 3. С. С. 100.

жена «ноосферная мера вернадскианской революции» (В.Н. Василенко), включающая в себя «*понимание единства эволюции Большой (глобально развитой) науки и Большой (планетной, космической) истории поколений человечества...*»³²³ (курсив. — В.В.).

Думается, что указанные выше несообразности преодолимы в том случае, если обратиться к опыту системного осмысления и выработке стратегического видения перспектив ноосферной реальности и ноосферного сознания, кристаллизовавшемуся в локальных ноосферологических школах России. Речь идет о школе Н.Н. Моисеева; школе В.П. Казначеева; школе А.Д. Урсула; школе А.Л. Яшина; школе Э.В. Гирусова; школе А.И. Субетто и некоторых других. Общим признаком российской парадигмы, что нужно подчеркнуть особо, является *укорененность в традициях русского космизма, с одной стороны, и нацеленность на поиск такой формы социального (или «коллективного») интеллекта, который не-искаженно воспроизводит и парциально регулировал бы глобальные и космические процессы.*

Причем общая ориентация этих школ также соответствует французской ноосферологической традиции, опиравшейся, во-первых, на постулат о том, что «геометрическая сферичность Земли и психическая изогнутость духа гармонируют друг с другом», а во-вторых, на «силлогизм»: «эволюция — это возрастание сознания», а «возрастание сознания — действие к единению»³²⁴.

Мои же собственные критические усилия, проделанные в указанном направлении, нацелены на используемую в качестве «универсальной» схемы эволюции: *физико-химической* (атом > молекула>) и *биологической* (клетка > организм > стадо > популяция > биоценоз > биосфера), сопряженной с ними *социальной* (человек >

³²³ Василенко В.Н. Ноосферная глобалистика: императивы эволюции науки и истории человечества в природе // Эволюция: Мегаистория и глобальная эволюция. Материалы симпозиума / Отв. ред. Л.Е. Гринин, А.В. Коротаев. Волгоград: Учитель, 2015. С. 84.

³²⁴ Тейяр де Шарден П. Феномен человека. М.: Наука, 1987. С. 193. Более подробно об эволюционно-ноосферных представлениях П. Тейяра де Шардена см.: Жерар Д. От биосферы — к ноосфере. После В. Вернадского, вклад Пьера Тейяра де Шардена // Ноосфера. Журнал Фонда имени В.И. Вернадского. 2013. № 3. С. 93–97.

коллектив > социум > сообщество > человечество > антропосфера) и *техно-технологической* (орудие > машина > прибор > ЭВМ > комплекс > техноценоз > техносфера), но на нынешнем этапе почему-то, и притом безоговорочно, «вмещающей» в прокрустово ложе техноэволюции³²⁵. При этом без ответа остается вопрос: а не упраздняются ли в таком случае «механизмы» наследственности и отбора? Не есть ли техноморфизм (как и редукция к нему), при всей сложности эволюционной логики, наивным и незрелым *scredo* этого типа сознания? Причем развивающего в стагнации «превращенных форм». Ведь недаром Ж. Эллюль обратил внимание на «бегство» современных интеллектуалов в «политику и интеллектуализм», как «надежные» коконы производства «смысла» и т.п. техноморфных вещей³²⁶.

В свою очередь мною проведены исследования³²⁷ этой девиации в культурологической, социальной, политологической и антропологической плоскостях, при четкой фиксации фальшивости и тупиковости «технико-технологической оргии», в которой, увы,

³²⁵ Муза Д.Е. Глобалистика: учебное пособие. Донецк: Ноулидж, 2012. С. 226–228.

³²⁶ Эллюль Ж. Технологический блеф // Это человек. Антология / Сост., вступ. Ст. П.С. Гуревича. М.: Высшая школа, 1995. С. 281.

³²⁷ См.: Муза Д.Е. Современные трансформации системы культуры: от идеи — через технологии — к продуктам // Социально-философские проблемы культуры: монография / Л.Н. Никитин [и др.]; Министерство образования и науки Украины, Донецкий национальный университет экономики и торговли имени М. Туган-Барановского. Донецк: [ДонНУЭТ], 2010. С. 70–89, 121–122; Муза Д.Е. Антропологический поворот XXI века: контрапункт технологии и рынка // Ноосфера і цивілізація. Випуск 10–11 (12). Донецьк: ДонНГУ, 2011. С. 120–129; Муза Д.Е. Проблема телеологии техники в философии техники В.В. Алехина // Збірка матеріалів круглого столу «ІІ наукові Альохінські читання» (30 травня 2012 р.). Донецьк: Цифрова типографія, 2012. С. 18–23; Муза Д.Е. НЕТО-кратические элиты: pro et contra // Философия элитологии. Сборник трудов Первого Всероссийского элитологического конгресса с международным участием / Науч. ред. проф. А.М. Старостин. Ростов-на-Дону: Донское книжное издательство, 2013. Т. 3. С. 283–290; Муза Д.Е. Информационное общество: притязания, возможности, проблемы. Философские очерки. Днепропетровск: Адверта, 2013; Муза Д.Е. Пост-антропологический дискурс: к ревизии мировоззренческо-методологических оснований // Філософські дослідження. Збірник наукових праць. Луганськ: Східноукраїнський національний університет ім. В. Даля, 2014. Вип. 21. С. 111–129; Муза Д.Е. Homo Matrix как иллюзия: к критике позитивного опыта виртуального // Философские деспикриты. 2015. Выпуск № 14. Барнаул: АлтГУ, 2015 // www.philosophicaldescript.ru/?q=taxonomy/term/14.

успели поучаствовать многие коллеги. На деле же — подменяя саму суть ноосферного принципа.

Напротив, российская ноосферология, начиная с работ академика Н.Н. Моисеева, уже продемонстрировала полноту понимания процессов самоорганизации Вселенной, которая подчинена эволюционным изменениям в логике коэволюции — «соразвития, сопряженного развития двух или более систем» с общим для них «эволюционно-синергетическим эффектом»³²⁸. И только в этом створе можно говорить о *супермагистральной глобальной эволюции*, которая (векторность) связывается с «устойчивым развитием»³²⁹. Следовательно, с определенным типом сознания, способным решать массу организационно-практических задач глобального уровня.

И в этой связи возникает наибольшая трудность в определении статуса и характера и функций научного сообщества, которое отличается наличием ноосферного сознания по преимуществу. Так, необходимо вспомнить, что поскольку ноосфера — это «разумная организация человечества (земная оболочка, регулируемая разумом)»³³⁰, то проблему управления глобальной эволюцией можно решить путем создания «внегосударственных организованных форм мировой научной среды»³³¹. Естественно, с акцентами на направляемый труд и общение³³², определенный социально-политический строй³³³.

³²⁸ Ильин И.В., Урсул А.Д., Урсул Т.А. Глобальный эволюционизм: Идеи, проблемы, гипотезы. М.: МГУ, 2012. С. 363.

³²⁹ Ильин И.В., Урсул А.Д. Глобальные исследования и эволюционный подход. М.: МГУ, 2013. С. 201–206.

³³⁰ Письмо В.И. Вернадского Е.Г. Ольденбург от 2 мая 1942 года // *Вернадский В.И. Дневники. Июль 1941 — август 1943 гг.* / Сост. В.П. Волков. М.: РОССПЭН, 2010. С. 449.

³³¹ *Вернадский В.И. Научная мысль как планетное явление // Вернадский В.И. О науке. Том 1. Научное знание. Научное творчество. Научная мысль.* Дубна: Феникс, 1997. С. 303–538.

³³² *Вернадский В.И. Несколько слов о ноосфере // Вернадский В.И. Философские мысли натуралиста.* М.: Наука, 1988. С. 503–512.

³³³ Наиболее точное выражение этого пункта находим в переписке академика В.И. Вернадского с Б.Л. Личковым: здесь, в частности, рассмотрен главный социальный катаклизм XX века — Вторая мировая война, который мотивировал ученого определить, какая из идеологически фундированных социально-политических систем может «остановить», а какая продолжить становление ноосферы (либерализм, марксизм в его советской редакции, национал-социализм).

На этом фоне вопрос о первенстве научного сообщества в деле решения текущих ноосферных задач и продвижения к ноосферному идеалу (суператтрактору) выглядит как вполне оправданный. Правда, при его постановке и обосновании существует определенный скепсис. К примеру, И. Пригожин так фиксирует когнитивные трудности современной (постнеклассической) науки: «Прокладывая тропинку, избегающую драматической альтернативы между слепыми законами и произвольными событиями, мы обнаруживаем, что значительная часть конкретного мира вокруг нас до сих пор «ускользала от ячеек научной сети», если воспользоваться выражением Уайтхеда. Перед нами открылись новые горизонты, возникли новые вопросы, появились новые ситуации, таящие опасность и риск...»³³⁴

Само по себе это наблюдение справедливо, но если воспользоваться анализом внутреннего состояния научного сообщества, его профессионального дела («фрактальность эволюции науки проявляется прежде всего в том, что развитие научного знания происходит мутовками через точки <бифуркации>, в которых рождаются альтернативные теории») ³³⁵, то можно прийти к неутешительным выводам.

К примеру, о том, что наука (научное сообщество) как главный субъект ноосферогенеза и ноосфероразвития занята реализацией *внутренних* (производство и фильтрация новых знаний, утверждение идеалов и норм, оценочная, коммуникативная, формирование

Обращаясь к его письмам, мы видим, что во время отступления Красной армии из Киева Вернадский писал Личкову: «Дорогой Борис Леонидович, тяжело переживаю с Вами взятие Киева... Но я смотрю вперед с большим спокойствием. Не только теоретически (ноосфера). Немцы пытаются силой создать в начинающийся век науки насильственный поворот хода истории вспять». См.: В.И. Вернадский — Б.Л. Личкову (Боровое, 8 октября 1941) // Переписка В.И. Вернадского с Б.Л. Личковым (1940–1944). М.: Наука, 1980. С. 70. Но этот оптимизм великого ученого имел корни в представлении о неизбежном торжестве научного разума и морали, плюс коррелирующим с ним глобальным социальным проектом — марксизмом. В отношении последнего Вернадский был весьма определен: «Я мало знаю Маркса, но думаю, что ноосфера всецело будет созвучна его основным выводам». См.: В.И. Вернадский — Б.Л. Личкову (Москва, 1 ноября 1940) // Переписка В.И. Вернадского с Б.Л. Личковым (1940–1944). М.: Наука, 1980. С. 40.

³³⁴ Пригожин И., Стенгерс И. Время, хаос, квант. М.: Прогресс, 1999. С. 263.

³³⁵ Хайтун С.Д. Общество против человека: Законы социальной эволюции. Изд. 2-е. М.: Ком книга, 2010. С. 105.

образцов поведения ученых) и *внешних* (инновационная, информационная, реализаторская, нормативно-правовая, социального контроля, адаптационная, интеграционная и др.) функций³³⁶. Однако такая постановка вопроса должна иметь расширительное толкование, а именно: *к ноосферной стратегии человечества наука причастна посредством технико-технологического перевооружения и нравственного преобразования человека*³³⁷.

Вообще же, такой методологический разворот несет в себе принципиально важную, но почему-то трудноуловимую позицию. А именно: та и другая задачи могут быть решены при их соотношении: на повестке дня *проблема \sin — согласования (корреляции) динамики био- и техноценозов*, по другой версии — *коэволюции динамики природных и социальных систем*, но в обоих случаях, на основе ноосферно-гуманистической программы, в частности, с учетом закона «техно-гуманитарного баланса» (А.П. Назаретян); *проблема \tan — космофического духовного прорыва посредством ноосферного сознания и мудрости*.

Но если первый пункт уже разработан в деталях³³⁸, то второй как раз вызывает самые ожесточенные споры. Остановлюсь на нем подробнее, поскольку этот пункт является принципиальным.

Дело в том, что в российской ноосферологии уже произошла дифференциация понятий «интеллект», «разум» и «сознание». Например, тот же академик Н.Н. Моисеев полагал, что «Интеллект, разум — это системное свойство нейронов мозга, не выводимое из свойств единичного нейрона... Точно так же Коллективный Разум (коллективный интеллект) — это системное свойство совокупности индивидуальных разумов людей, способных обмениваться информацией, формировать общее миропонимание, коллективную память и, может быть, самое главное — вырабатывать и принимать коллективные решения»³³⁹. При этом «коллективный

³³⁶ Бабосов Е.М. Социология науки. Мн.: Харвест, 2009. С. 112–136.

³³⁷ Моисеев Н.Н. Мировоззрение современного рационализма. Введение в теорию самоорганизации // Моисеев Н.Н. Расставание с простотой. М.: Аграф, 1998. С. 343.

³³⁸ См.: Моисеев Н.Н. Быть или не быть... человечеству?. М.: б.и., 1999. С. 48.

³³⁹ Моисеев Н.Н. Агония России. Есть ли у нее будущее. Попытка системного анализа проблемы выбора // Моисеев Н.Н. Расставание с простотой. М.: Аграф, 1998. С. 461.

интеллект — естественный феномен», который усиливается особым инструментарием выработки необходимых решений — «искусственным интеллектом»³⁴⁰. Что же до сознания, то оно конституируется на основе принципа единства знаний (рационального / интуитивного, естественно-научной / гуманитарной культур) с обязательной ориентацией на единую картину мира³⁴¹.

В свою очередь академик А.И. Субетто предложил различать «интеллект», «разум» и «сознание» следующим образом: «интеллект» — это родовое понятие, указывающее на механизм эволюционного развития, противостоящий механизму естественного отбора, т.е. стихийному ходу эволюции, плюс «отвечающий» за управленческие решения, касающиеся настоящего и будущего. «Разум» у него предстает инстанцией интеллекта, способной преодолевать некий «порог» и становиться космопланетарным. «Сознанию» же отведены функции отражения и самоотражения. По большому счету — оно «эволюционно вторично по отношению к интеллекту». Все бы хорошо, но структура и функции «интеллекта» диморфичны: они обладают лево-правополушарными функционалами, а именно, доминантами «сознания» и «бессознательно-го» — соответственно. Но если эти рассуждения экстраполировать на социум, то кристаллизуется своеобразная диалектика разнокачественных социальных процессов, на которые и нацелен «общественный интеллект» в виде управляющего органа общей и социальной эволюции³⁴².

Но здесь, как мне кажется, кроется несколько не вполне осознаваемых по масштабу и глубине проблем: 1) проблема социальной цельности и моральной релевантности самого научного сообщества — не только «вызовам» постсовременности, но и предстоящим сверхзадачам ноосферного строительства; 2) проблема культурного и исторического априори самой социальной ди-

³⁴⁰ *Моисеев Н.Н.* Агония России. Есть ли у нее будущее. Попытка системного анализа проблемы выбора // *Моисеев Н.Н.* Расставание с простотой. М.: Аграф, 1998. С. 461–463.

³⁴¹ *Моисеев Н.Н.* Судьба цивилизации. Путь Разума. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 197–198.

³⁴² *Субетто А.И.* Ноосферное смысловедение / Под научн. ред. проф., д.ф.н. Л.А. Зеленова. Кострома: КГУ имени Н.А. Некрасова, 2012. С. 139–148.

намики (направляемой и управляемой интеллектом), с которой необходимо считаться как никогда ранее, а не «выносить за скобки», как это часто делается в наше время.

Так, первую проблему можно зафиксировать, обратившись к работам нескольких современных авторов. Например, американский исследователь Пол Диксон, занимавшийся анализом деятельности крупнейших фабрик мысли США (Think Tanks), в частности, корпорации RAND, дает понять: «Существует целый ряд различных обстоятельств, в силу которых средства, затраченные на научные исследования и разработки, во многих случаях не дают совершенно никакого результата, что приводит к весьма серьезным последствиям как для американской науки, так и для американского общества»³⁴³. Среди этих обстоятельств названы неудовлетворительная система информации, непрофильность компаний, диктат военных и разведывательных ведомств (их политическое доминирование), апатия и отсутствие требований в федеральных органах³⁴⁴. Но дело, как известно, не ограничивается формальными сбоями, поскольку у научно-технического прогресса и политики есть непревзойденный «двигатель». И этим двигателем является свободный рынок, который «умудрился» не только создать невиданный внешний долг для США, но и разбросать по миру, благодаря деятельности ФРС, ничем не обеспеченную денежную массу.

Далее, необходимо подчеркнуть следующее обстоятельство: современные практики в сфере обработки наукой (и не только) масштабного информационного поля (полей), нацелены как на смыслоосвоение, так и на смыслогенерирование. Однако в условиях четко проявившегося духовного вакуума, выражающегося в элиминации большинства традиционных ценностей и идеалов, дело заканчивается «перебором смыслов», причем, как правило, микроскопических (!)³⁴⁵. В таком случае резонен вопрос: а какой Смысл рождает научно-информационная работа (картину мира,

³⁴³ Диксон П. Фабрики мысли. М.: АСТ, 2004. С. 64.

³⁴⁴ Диксон П. Фабрики мысли. М.: АСТ, 2004. С. 66–71.

³⁴⁵ Свирцов Л.В. Информационная культура и цельное знание. М.: МБА, 2011. С. 31.

ноосферную стратегию, направленную на оптимизацию супермагистралей глобальной эволюции) при условии, что «уравнение смыслов» — суть главный ее метод? И не отсюда ли такая озабоченность когнитивными диссонансами, которая, если доверять аналитике Д. Чалмерса, уходит корнями в «двухаспектный принцип»: как возможно сочленение физических процессов и сознательного опыта, когда информационное пространство — как медиум — остается феноменальным и реальным³⁴⁶. Проще говоря, актуализируется проблема в размытости информационных и ценностных критериев современного научного творчества, столь необходимого для поддержания и развития ноосферного проекта.

Наконец, в рассматриваемой проблеме есть и та сторона, на которую указывает С.Б. Переслегин, а именно: *о масштабном постиндустриальном кризисе XXI века, от которого несвободна и сама наука*. В этом контексте резонансно звучат пункты, указывающие на суть этого системного кризиса:

- снижение статуса научной деятельности, прежде всего в области естественных наук;
- в резком падении связности науки, что проявляется во все более и более узкой специализации (около 72 тысяч научных дисциплин);
- в отсутствии сколько-нибудь действенных механизмов междисциплинарного взаимодействия;
- в резком замедлении производства новых смыслов (по некоторым оценкам, до уровня «темных веков»);
- в отсутствии рефлексии оснований науки и научного метода исследования;
- в «ритуализации» процесса исследования и опубликовании его результатов;
- к тенденции научного сообщества к замыканию и превращению в касту, свободную от всякого общественного контроля;
- в отсутствии сколько-нибудь осмысленного управления исследованиями;

³⁴⁶ Чалмерс Д. Сознательный ум: В поисках фундаментальной теории. М.: Либроком, 2013. С. 355–358.

- в господстве грантовой системы финансирования, что придает науке сервисный статус;
- в потере четкой методологической границы между наукой и лженаукой;
- в возрастании нетерпимости в научной среде (под предлогом борьбы с лженаукой);
- в широком распространении научных суеверий;
- в потере связности научного, вненаучного и трансцендентного познания³⁴⁷.

Как видим, эти соображения не могут не вызывать скепсиса в отношении состояния дел в научном сообществе, хотя и поставившем вопрос о недвусмысленном восхождении человечества к метаразуму, как искомой и вожденной Мудрости³⁴⁸, но все чаще сворачивающего на путь перманентных «забастовок в ноосфере». Более того, все явственнее проступающего дрейфа к анти-ноосфере, как средоточию войн (от обычных до информационных), экономических и технологических «разрывов» в теле человечества, отсутствия реального диалога культур и цивилизаций на фоне усугубляющихся социоприродных противоречий. Но данное обстоятельство, сколько бы оно ни маскировалось «озабоченностью» о судьбах ноосферы и человечества, никак не восходит к абсолюту (суператтрактору) — «Христу Откровения», поскольку сама «точка Омеги науки», ее системной сборки попросту не видна³⁴⁹. Если не считать прорывом серийные инверсии (адронный колайдер).

³⁴⁷ Переслегин С. «Дикие карты» будущего. Форс-мажор для человечества. М.: Алгоритм, 2015. С. 83–84.

³⁴⁸ Лазарев Ф.В., Трифонова М.К. Оправдание мудрости. Симферополь: Синтагма, 2011. С. 545–550.

³⁴⁹ Академик Н.Н. Моисеев, как известно, предполагал, что Рынок станет такой «точной сборки» и принятия адекватных системологических решений. Но сама метафора Рынка не просто наивна, она нуждается в соответствующем эволюционно-ноосферном обосновании. «Спонтанный порядок» Ф. фон Хайека основанием глобального эволюционизма быть не может. Более того, Разум — биполушарен, и пора бы вспомнить о правом полушарии, «лириках», о «пойэзисе» (М. Хайдеггер), призванного играть не просто симметричную, но ведущую роль в глобальной эволюции. Сегодняшние инфо-сети-интеллектоцентристы, забывая об этих в общем-то аксиоматичных вещах, тем не менее педалируют принцип «эмерджентности», полагая, что Сеть, как *Deux ex machine* конституирует необходимо-гармоничный и притом сверхразумный порядок вещей.

Но данный сюжет, в виде второй проблемы, подводит нас к весьма и весьма дискретным когнитивным и социальным практиками в мире. В «мягкой» версии они представлены полевыми исследованиями и обобщениями американского психолога Р. Нейсбита. Речь идет о фиксации когнитивных стилей и социокультурных различий и следующем отсюда сомнении в общности и универсальности знания (опыта) людей Востока и Запада. Они, различия, касаются не только восприятия объектов в («вырезанном» и контекстуальном виде — соответственно), но и процедур их постижения (систематизация и нелинейное межфакторное взаимодействие). При этом само сознание американцев (референтная группа) и китайцев (референтная группа) по-разному артикулирует эволюционную процессуальность и гомеостазис (линейно и циклически). На Востоке она выражается в самодовлеющей схеме: экология > экономика > общий строй > внимание > метафизика > эпистемология > когнитивные процессы > экология...³⁵⁰ На Западе то же, но системы и элементы процесса выстроены в линию, а сознание конституируется на поздних этапах эволюции (вспомним Вольтера, Гегеля, Конта, Парсонса и т.д.), не имея номологической связи с ранними и средними этапами.

Отсюда сомнения автора в возможности преодоления когнитивных, ценностных, социально-политических и культурных диссонансов. В частности, из трех возможных сценариев: а) вестернизации Востока; б) конвергенции Востока и Запада; в) расхождения, включая ментальные и культурные противостояния.

Но здесь следует отметить: казалось бы, несколько утихли «страсти по Хантингтону», однако конфликтогенная сущность современного мира все чаще и чаще проявляет себя, включая вхождение в «вожделенный» многими Запад.

Как раз в этом ключе формируется «сильная» версия, разрабатываемая А.Г. Дугиным в привычной для его парадигмы глубинной метафизики, на этот раз задействованной в экспликации агона умов³⁵¹. Оставляя в стороне интереснейшие наблюдения над «дей-

³⁵⁰ Нейсбит Р. География мысли. М.: Астрель, 2012. С. 60–62.

³⁵¹ Дугин А.Г. Ноомахия: войны ума. Три Логоса: Аполлон, Дионис, Кибела. М.: Академический проект, 2014; Дугин А.Г. Ноомахия: войны ума. Логос Европы: средиземноморская цивилизация во времени и пространстве. М.: Академиче-

ствиями» трех Логосов в Истории — Аполлонова (высота), Дионисова (ширина) и Кибелова (глубина), а также возникающих на их основе структур Dasein и «историалов» каждой из цивилизаций, нужно обратить внимание на *ноомахический характер мировой истории* в диахронном и синхронном аспектах³⁵². По сути, так обрисована грандиозная палитра арьергардных боев между Логосами цивилизаций и Логосами внутри цивилизаций, которые сегодня видятся автору этого подхода в виде «поражения» Логоса аполлонического или индоевропейского, низвержения «торжествующих титанов» не только модерна, но и всего Логоса Европы (!). В т.ч., в рамках фиксации «конца истории» (Ф. Фукуяма), «пост-истории» (А. Гелен), «вечного настоящего» (Ж. Бодрийяр). Но не отмены иных Логосов...

Между тем, этот теософско-метафизический анализ причудливым образом «стыкуется» с поэтическими откровениями М.А. Волошина («Путями Каина»)³⁵³:

Как глаз на расплзающийся мир
Свободно налагает перспективу
Воздушных далей, облачных кулис
И к горизонту сводит параллели,
Внося в картину логику и строй, —
Так разум среди хаоса явлений

ский проект, 2014.; *Дугин А.Г.* Ноомахия: войны ума. Цивилизация границ: Россия, американская цивилизация, семиты и их цивилизация, арабский логос, туранский логос. М.: Академический проект, 2014; *Дугин А.Г.* Ноомахия: войны ума. По ту сторону Запада. Индоевропейские цивилизации: Иран, Индия. М.: Академический проект, 2014; *Дугин А.Г.* Ноомахия: войны ума. По ту сторону Запада. Китай, Япония, Африка, Океания. М.: Академический проект, 2014; *Дугин А.Г.* Ноомахия: войны ума. Германский логос. Человек апофатический. М.: Академический проект, 2015; *Дугин А.Г.* Ноомахия: войны ума. Французский логос. Орфей и Мелопина. М.: Академический проект, 2015; *Дугин А.Г.* Ноомахия: войны ума. Англия или Британия? Морская миссия и позитивный субъект М.: Академический проект, 2015; *Дугин А.Г.* Ноомахия: войны ума. Латинский логос. Солнце и крест. М.: Академический проект, 2016.

³⁵² Что потребует соответствующих процедур верификации.

³⁵³ Чем не европейский «историал», о котором писал еще И. Кант в «Предполагаемом начале человеческой истории», но который гениально раскрыл именно русский поэт (!).

Распределяет их по ступеням
 Причинной связи, времени, пространства
 И укрепляет сводами числа.
 Мы, возводя соборы космогоний,
 Не внешний в них отображаем мир,
 А только грани нашего незнания.
 Система мира — слепки древних душ,
 Зеркальный бред взаимоотражений
 Двух противопоставленных глубин.
 Нет выхода из лабиринта знания,
 И человек не станет никогда
 Иным, чем то, во что он страстно верит.
 А далее, тот же «титанический» призыв:
 Так будь же сам вселенной и творцом!
 Сознай себя божественным и вечным
 И плавь миры по льялам душ и вер.
 Будь дерзким зодчим Вавилонских башен,
 Ты — заклинатель сфинксов и химер!³⁵⁴

Как видим, переключка здесь полная и абсолютная.

И все же, подводя итог, мне бы хотелось подчеркнуть мысль основателей ноосферологии — В.И. Вернадского и П. Тейяра де Шардена *о возможности универсализации разума и сознания на путях схождения ключевых геобиосоциальных и пневматологических точек эволюции*. Насколько это схождение возможно — вопрос открытый, но уже сейчас понятен и их ноосферный скепсис, и скепсис современных авторов. В том числе и главным образом из-за невозможности вырваться из «кольца власти» Разума — к космической Мудрости.

³⁵⁴ Волошин М.А. Путиями Каина // Волошин М.А. Стихотворения. М.: Книга, 1989. С. 318–319.

К историософии единой исторической судьбы (тезисы о возможной траектории интеграции Сербии в структуру русско-евразийской цивилизации)³⁵⁵

1. В начале рассмотрения заявленной темы следует вспомнить о месте и роли СФРЮ в политической структуре биполярного мира, в которой она занимала вполне уникальное место. Югославская федерация как формация национально-наднационального типа входила в число стран соцсдружества, была страной «реального социализма» (хотя и с некоторыми вполне оригинальными политико-правовыми и культурно-историческими вариациями), но обладала определенной степенью свободы, как в отношении ядра соцлагеря — СССР, так и в отношении иных центров силы — Европы и США.

2. Социокультурная идентичность СФРЮ, как ранее в Королевстве сербов, хорватов и словенцев, была слоистой, и помимо идеологии мирового социализма (коммунизма), реализуемой в качестве сопрягающей регионы и народы стратегии «имперского обруча» И.Б. Тито, она вмещала этнические и конфессиональные фигуры идентичности и соответствующие им нарративы (серб-

³⁵⁵ Впервые опубликовано: Србија и Евроазијски савез, зборник радова. Приредио Зоран Милошевић. Едиција геополитичке расправе књига 5. Шабац: Центар академске речи доо, 2016. С. 24–29.

При подготовке материала были использованы следующие работы: *Писарев Ю.А.* Образование Югославского государства. Первая мировая война. Освободительная борьба югославянских народов. Австро-Венгерское владычество. Монархия Габсбургов. М.: Наука, 1975; *Гуськова Е.Ю.* История Югославского кризиса 1990–2000 / Русский национальный фонд. М.: Русское право, 2001; *Хомски Н.* Новый военный гуманизм: Уроки Косова. М.: Праксис, 2002; *Муза Д.Е.* Миграционный коллапс Европы? Размышления о первопричинах, смысле и перспективах происходящего // Новая Земля. Журнал Изборского клуба Новороссии. Октябрь 2015. № 9 (12). С. 20–22; *Бутл Р.* Траблы с Европой. Почему Евросоюз не работает, как его реформировать и чем его заменить. М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2015; *Винокуров Е.Ю., Либман А.М.* Евразийская континентальная интеграция. СПб.: Евразийский банк развития, 2012; *Прп. Иустин (Попович).* Достоевский о Европе и славянстве. СПб.: Адмиралтейство, 1998; *Матвейчев О.А.* Что делать, Россия? Прорывные стратегии третьего тысячелетия. М.: Эксмо, 2013; *Маркович М.* Сербия как апология России. М.: Паломник; Сибирская благовонница, 2007; *Святитель Николай Сербский (Велимирович).* Творения: Наука чудес. М.: Паломник, 2011.

ский, черногорский, словенский, хорватский, боснийско-герцеговинский, македонский), при жесткой централизации власти и доминантности интернационального нарратива, его регионально-универсализирующих смыслов.

3. Системный кризис СССР как социалистической сверхдержавы, падение Берлинской стены, повлекли за собой концентрические круги ослабления властно-управленческих функций практически всех субъектов мирового социализма, включая СФРЮ, в т.ч. перестройку внутриреспубликанских и внутрикраевых отношений вплоть до целой цепочки конфликтов: Словения (1991), Хорватия (1991–1995), Босния и Герцеговина (1992–1995), Косово (1998–1999), инциденты в Прешевской долине (1999–2001), наконец, Македония (2001).

4. На этом фоне конституирование СРЮ (22.04.1992) предпринималось в качестве стабилизирующей, хотя и реактивной, межэтнические отношения меры. Но быть может, в те годы ничего иного в стратегическом проектном отношении и быть не могло: тотальное наступление Запада и его коварные планы, выдаваемые за «демократический транзит», решительно демотивировали не только элиты, но и народы. Напротив, семейству балканских народов — всем вместе и поодиночке — был предложен путь вхождения в вожденный европейский дом, с его подчеркнуто «райскими» атрибутами: демократия по-европейски как режим наибольшего благоприятствования всему, кроме исконных традиций, включая православие, пресловутый мультикультурализм, так и не ставший интеграционной парадигмой (!), затем, лаицизм и толерантность, «взвинченное» правосознание и мораль «нового гуманизма», активное изживание «наций» и «национализмов», точнее, растворение их в квази-Левиафане, при сотворении и культивировании «либероида»... Естественно, в этой ситуации югославы, присутствующие в конфессиональных и политических традициях, по-разному обозначили свое участие / неучастие в жизни «европейского дома не-бытия». Среди всех, наиболее последовательную версию невключения, как о том свидетельствует феноменология и аксиология новейшей истории Балкан, проявила Сербия. Но она же — «образцово-показательно» — была наказана недо-Европой, США и НАТО.

5. Если присмотреться к интеграционным процессам с ЕС ставших самостоятельными государствами бывших союзных республик, то обнаруживается, что здесь есть свои лидеры и аутсайдеры, в иной терминологии: «доноры» и «реципиенты». С нескрываемым «объективизмом» в отчетах серьезных аналитиков, в числе «доноров» чаще всего фигурируют Германия, Франция и Великобритания³⁵⁶, а «реципиентов» — Греция, Румыния, Португалия, Чехия, Словакия, страны Балтии и т.д. Но в условиях тотальной миграционной волны, накрывшей Европу и ставшей головной болью практически для всех государств ЕС, резко изменили внутрисоюзную политическую, экономическую и этнокультурную ситуацию. По большому счету, эта проблема приобрела гротескные формы, и прежде всего — для стран Балканского полуострова, которые, ведомые своими правительствами, выстроились в очередь за право войти в «Европу народов» (Македония, Черногория, Сербия, т.н. государство Косово).

6. Между тем, одна из «серьезных» мотиваций для новых участников, называемых экспертами по ЕС и Евразии, некогда «зажатых» между сверхдержавами, — «уберечься от коммунизма». Более того, сама европейская конструкция зиждется на следующих «судьбоносных» принципах: 1) недопущении новой европейской войны; 2) остоном ЕС остаются Германия и Франция; 3) ЕС чрезвычайно горд тем обстоятельством, что он «помог» вернуться в западное сообщество «заблудшим сынам дома ЕСовского», т.е., некогда «оккупированным» коммунизмом странам Восточной Европы; 4) в члены ЕС стоит достаточно длинная очередь, крайней в которой является нео-фашистская Украина или запятнавшая себя в сотрудничестве с ИГИЛ (ДАИШ) — Турция; 5) европейская семья дала каждому члену шанс «нового звучания» на мировой арене; 6) трансформационные процессы в ЕС, затрагивающие, прежде всего, институты этого субнационального объединения, «автоматически» ведут к искомому человечеством универсализму. Разумеется, большая часть этих принципов сомнительна и не выдерживает никакой критики.

³⁵⁶ Хотя последняя, что создает интригу для «старых европейских наций», уже 23.06.2016 г. покидает ЕС (!). Brexit, похоже, стал началом конца этого проекта.

7. Относительно Евразийского интеграционного вектора Балкан существует определенный скепсис, опирающийся на слабое участие Сербии, Черногории, Словении и т.д. в «евразийских играх обмена», как на институциональном, так и субъектном уровне. Напр., в энергетическом секторе и транспортной инфраструктуре, трансграничной торговле и общих рынках, инвестициях и экологии, наконец, трудовой миграции доля югославян пока, к сожалению, минимальна. В процессуальном плане евразийская интеграция, пройдя ряд этапов (1-й — 90-е гг. XX века, 2000-е годы, современный этап), вышла к ряду форматов — ТС, ОДКБ, ЕврАзЭС, ШОС. Однако поначалу она разворачивалась в пространстве СНГ, затем она пошла на Восток (Китай, Индия, Пакистан, Иран и т.д.), чего не скажешь о западном направлении, которое зависит от интересов и протекционизма ЕС и его «плавающей» на Восток границы. К примеру, в рамках миграционных коридоров по «оси» Евразия — Европа наличествуют такие: Россия — Украина, Украина — Россия, Турция — Германия, Казахстан — Россия, Россия — Казахстан, Беларусь — Россия, Узбекистан — Россия, Азербайджан — Россия, Румыния — Италия, Румыния — Испания. Да и количественные оценки этих процессов далеки до оптимально-возможных.

8. Помимо этого, полезно вспомнить, что религиозные и политические институты Европы неоднократно и намеренно торпедировали югославскую общность (1-я мировая война — противостояние с Австро-Венгрией, Германией и Болгарией при благословении Ватикана; 2-я мировая война — противостояние с Германией, Италией, Венгрией при активной, хотя и не всегда последовательной поддержке со стороны СССР; «холодная война» — с «входом» в европейский театр действий Америки, а значит, чудовищное геостратегическое, экономическое и культурно-информационное давление со стороны США и НАТО, при нерелевантных ответных мерах — отказе И. Сталина доверить И.Б. Тито реализацию коммунистического проекта «Балканской федерации».

9. Напротив, братская помощь России — югославянам, ее кенотическое отношение, то ли в формате Российской империи, то ли в формате СССР (хотя и частично), то ли в формате нынешней Российской Федерации — определенный исторический инвариант. Между

тем, он и сейчас акцентирует православную, суперэтническую, цивилизационную общность — общую для народов Евразии — историософию единой исторической судьбы. Естественно, что она связывается не с решением сутобо экономических и политических вопросов, но в обязательном порядке акцентирует приоритет общемировоззренческого и духовно-нравственного единства.

10. Историософия единой исторической судьбы России и Сербии, шире — Евразии и Балкан, с одной стороны, России, Сербии и Европы, славян и ЕС — с другой, зафиксирована нормативно: выбор между «Богочеловеком» и «человекобогом». Наиболее точно на эту дихотомию указал в своем тайновидении прп. Иустин (Попович). Так, гибельность дрейфа в сторону Европы связана с «гордым догматом о непогрешимости человека», а значит, распространением и рецепцией этой губительной идеи. В этом случае югославам, как ранее иным народам Европы, предложено дело «по продаже Христа», начатое ради земной власти. Причем в модусе непогрешимости каждого народа и отдельного человека (!). Глубинная причина — последовательный отказ европейцами от Лика Богочеловека Христа, этого «единственного непогрешимого руководства для человеческого существа» (прп. Иустин Попович). Вследствие этого — генерирование бесчисленного количества теорий, концепций, доктрин (сегодня — неолиберализм, мультикультурализм, признание прав ЛГБТ сообществ и толерантность), якобы способных связать всех и вся в европейский кондоминиум и обеспечить в нем искомое «счастье». Напротив, русская версия жизни народа сопряжена с образом Христа, что предопределило ее лик и судьбу. И вовсе не случайно, поскольку в основе бытия России и русских людей (что показал прп. Иустин Попович, исследуя произведения и духовное завещание Ф.М. Достоевского) был положен метод «личного самоусовершенствования во Христе и по Христу», открывающий перспективу «совершенного духовного единения людей во Христе». Поначалу в формате «всеславянства», а затем — «всечеловечества».

11. К сожалению, сегодня, в интеллектуальной среде, в т.ч. российской, существует мнение о том, что Россия должна стать «центром Европы, а Европа — окраиной России», на том основании,

что именно «новый манхэттенский проект» гуманитарного покроя от 100 «головастых» философов (они смогут сгенерировать «новую интеллектуальную моду» — О.А. Матвейчев). Но если они, допустим, генерируют идею «Новой Русской Европы», то каковы ее общие сущностные черты, помимо выделенных кантианцами, гегельянцами, позитивистами, марксистами, хайдеггерианцами и постмодернистами), и какова их практическая польза в плане «интеграции без остатка»? В конце концов, можно ли примирить «дух гуманистический, механический, римокатолический» и его превращенную форму — протестантский, равно как и социально-политические ценности и идеалы, инспирированные указанными «верными учениями», до сего дня существующие в Европе, хотя и в «снятом» виде, с «духом Христовым»?

12. И поскольку сегодня в своем раздифференцированном виде ЕС в основном поносит и отрицает Россию, следуя «божественным санкциям» американского империализма, а то и собственному «праху земных интересов» (Ф.И. Тютчев), нужно, напротив, прислушаться к мудрости сербов о русских и наоборот. Имеется в виду призыв проф. М.С. Марковича к тому, чтобы Сербия вела апологию России, как духовного средоточия православной ойкумены. И наш скромный призыв к России и Русскому миру: *стать апологетами Сербии и других славянских православных народов* — для реализации собственного проекта единения славян, а за ними всех, не желающих жить в логике Евро-Содома и Содомо-Америки.

13. Но при этом очень важно понять, что искомая духовная связь, которая и должна развернуться и сыграть свою историческую роль, пролегает в молитвенной практике народов России и Балкан, а затем в их политической, экономической и культурной интеграции. В особенности она прописана у св. Николая Сербского (Велимировича) в его цикле «Моления на озере». В частности, у него есть удивительная «молитва за народных вождей и правителей», в которой встречается следующие пронзительные слова: «Ради любви Своей к народам Своим, Создателю, исполни народных вождей страхом Своего суда. И ради них и их спасения не прогневайся [на них], Господи, но поддержи их Своим Духом силы, премудрости и святости, дабы спасли они свои души, способ-

ствуя спасению Твоих народов, денно и нощно взирая на Тебя как на Вождя вождей и Владыку владык. По молитвам святого Александра Невского, святого Стефана Дечанского и прочих властодержцев, рабов Твоих, умилюсь, Всемилостивый, и услышь молитву нашу. Аминь». В том и видится наша общая судьба.

VIII Вселенский (всеправославный) собор или собор десяти поместных православных церквей?³⁵⁷

С 16 по 26 июня 2016 года на о. Крит состоялось событие, которое не может не волновать православную мировую общественность. Готовившийся около 55 лет Вселенский Собор Православной Церкви, как ожидали многие, должен был стать не просто рабочей встречей иерархов 14 поместных православных церквей или их представителей (каковых было великое множество за эти годы), но мощным соборным гласом свидетельства Вселенского Православия об Истине Христовой в нынешнем, самообольщенном и разлагающемся мире. Однако Собор по целому ряду причин прошел в «урезанном» формате, в том числе из-за мотивированного отказа Антиохийской, Болгарской, Грузинской и Русской Церквей, а его решения не отражают полноты разума и воли всей Православной Церкви.

Ниже, не претендуя на всецелый охват этого события, хотелось бы обратить внимание на его фактуру, содержание и смысл. Для этого рассмотрим ряд аргументов в пользу созыва Собора: исторический, экклесиологический, социальный и миссионерский.

Во-первых, с момента последнего Вселенского собора минуло двенадцать с небольшим столетий (II Никейский собор, осудивший ересь иконоборчества и утвердивший иконопочитание как норму, состоялся в 787 году), и хотя догматическое учение Церкви

³⁵⁷ Впервые опубликовано в журнале: Новая земля. 2016. № 6 (20). С. 4–7.

оформлено, правила и каноны прописаны, а само *мировое Православие живет и питается буквой и духом семи Вселенских Соборов* (подчеркивая значение их деяний и участников в церковном календаре), мир претерпел значительные изменения этнического, политического, хозяйственного, технологического, культурного и морального характера.

Во-вторых, актуальная мировая ситуация побуждает поместные Православные Церкви реагировать на мировую динамику, с учетом ее «разламывающих» историю тенденций: нескольких волн секуляризации, перманентных битв идеологий, вплоть до объявления победителем либерализма (неолиберализма), невиданной ранее этнической турбулентности, распада государств и формирования на их основе новых, включая наднациональные конструкции типа ЕС, «биотехнологической», «информационной» и «нанотехнологической» революций, теорию и практику трансгуманизма, надвигающуюся экологическую катастрофу...

Естественно, в этих чрезвычайных условиях Православная Церковь не может остаться в стороне, поскольку многие из указанных процессов имеют духовную природу и требуют корректной оценки.

Например, принятый на Архиерейском соборе РПЦ в 2000 году доктринальный документ «Основы социальной концепции Русской Православной Церкви» соотнесен с условиями ее, Церкви, существования в современных реалиях (особенно разделы V, VIII, X, XII, XIII, XVI). В этот ряд можно поставить книгу (тогда еще митрополита Смоленского и Калининградского) Патриарха Кирилла «Вызовы современной цивилизации. Как отвечает на них Православная Церковь?»³⁵⁸. Или многогодичный цикл авторских программ митрополита Волоколамского Илариона (Алфеева) — «Церковь и мир», который касается широкого спектра вопросов церковной, общественной и культурной жизни³⁵⁹. Причем как внутрироссийской, так и мировой.

³⁵⁸ Митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл (Гундяев). Вызовы современной цивилизации. Как отвечает на них Православная Церковь. М.: Даниловский благовестник, 2002.

³⁵⁹ Напр., частично отраженных в книге: Митрополит Иларион (Алфеев). Церковь и мир: диалоги о временном и вечном. М.: Эксмо, 2014.

Не секрет, что и другие поместные Церкви испытывают нешуточное «насилие глобального», проявляемое в виде локальных и региональных конфликтов (Ирак, Ливия, Египет, Сирия), неумного «джинна международного терроризма» (Евразия, США), и как следствие, миграционных волн, насилия, моральной дезориентации (ЕС), запредельной либерализации брачно-семейных и иных социальных отношений (США, ЕС), ухудшения экологической обстановки (повсеместно).

В этом контексте созыв Всеправославного собора кажется оправданным. Тем более, что сама повестка дня Собора, в начале процесса его подготовки, состоявшая из 100 тем и вопросов, охватывала многообразие внутренних и внешних проблем, так или иначе довлеющих над Вселенским Православием. Однако сегодняшняя повестка акцентирует внимание на шести ключевых: «Отношения Православной Церкви с остальным христианским миром», «Диптих» (в данном случае — иерархический порядок расположения Церквей), «Автономия и способы ее предоставления», «О диаспоре», «О смысле и ценности Поста», «Таинство брака и препятствия к нему». Собственно эти темы во многом и стали камнем преткновения как на последней стадии подготовки, так и нашли свое отражение в заявлениях о неучастии названных поместных Православных Церквей в работе Собора.

Рассмотрим пункты несогласия подробнее.

У Антиохийской Православной Церкви, представляющей Ближний Восток и Север Африки, возникли вопросы в отношении границ, точнее, «уход» под опеку Иерусалимской Церкви территории государства Катар. При этом территориальный спор берет свое начало в апреле 2014 года и несмотря на усилия на ряде предсоборных встреч и совещаний, а также двусторонних контактов, так и не был урегулирован.

У Грузинской Православной Церкви возникло несогласие со своим местом в Константинопольском Диптихе (устанавливающим такой порядок: Константинопольская Церковь, Александрийская Церковь, Антиохийская Церковь, Иерусалимская Церковь, Русская Церковь, Сербская Церковь, Румынская Церковь, Болгарская Церковь, Грузинская Церковь, Кипрская Церковь, Элладская Церковь,

Польская Церковь, Албанская Церковь, Церковь Чешских земель), полагая, что ее законное место — шестое. Примечательно, что в Диптихе Русской Православной Церкви — Грузинской Церкви отведено именно шестое место. Кроме того, Грузинская Церковь не согласна с определениями акта «Таинство брака и препятствия к нему», ссылаясь на 72-е правило V–VI Вселенского собора о недопустимости смешанных браков для православных христиан.

У Болгарской Православной Церкви вообще возникли вопросы о необходимости созыва Всеправославного собора по данной повестке, о регламенте его проведения, но главное — принципиальное несогласие с экуменическими пунктами акта «Отношения Православной Церкви с остальным христианским миром». А именно, апеллируя к еkkлeзиологической норме о Единой Святой Соборной и Апостольской Церкви (Никео-Константинопольский Символ Веры, член девятый). Между тем, только в XX веке на эту норму (а значит, недопустимость общения с Римско-Католической церковью как равной, как «сестрой»), обращали внимание св. Паисий Святогорец и св. Порфирий Кавсокаливит. Естественно, что и в наши дни Священный Кинот Святой Горы Афон также высказался против этих экуменических популяризаций.

У Русской Православной Церкви возникли вопросы к регламенту, который был разработан еще в начале предсоборного процесса патриархом Константинопольским Афиногором I. Наиболее четко ее обозначил в своем заявлении 14.06.2016 года председатель ОВЦС митрополит Иларион (Алфеев): «Хотел бы отметить: в Регламенте Всеправославного собора говорится о том, что Константинопольский Патриарх созывает его с согласия всех Поместных Православных Церквей. Этого согласия не было ни на состоявшемся в январе Синаксисе, потому что его решения не подписала тогда Антиохийская Церковь, нет его и сейчас, после отказа трех Церквей от участия в Соборе. Следовательно, если все-таки этот Собор будет созван, это произойдет в нарушение Регламента, поскольку Всеправославный Собор должен созываться с согласия всех Православных Церквей.

Поэтому мы будем обращаться к Константинопольскому патриарху с предложением провести Всеправославный собор в другие

сроки, а время, которое появится в результате такого решения, употребить на то, чтобы решить накопившиеся проблемы и достойно подготовить Собор»³⁶⁰. Собственно это и было сделано, хотя Фанар почему-то оказался «глух» к голосам четырех Поместных Православных Церквей.

Тем не менее, собор состоялся... Его решения еще только предстоит осмыслить и оценить. Однако принятые Собором официальные документы, и прежде всего — акт «Отношения Православной Церкви с остальным христианским миром» не подписал ряд архиереев: Митрополит Черногорско-Приморский Амфилохий (Сербская Православная Церковь), митрополит Морфский Неофит, митрополит Амафунтский Николай, митрополит Лидрский Епифаний, митрополит Лимассольский Афанасий, митрополит Неапольский Порфирий (Кипрская Православная Церковь) и митрополит Навпактский Иерофей (Элладская Православная Церковь). И это не удивительно, если внимательно вчитаться в итоговый документ, в особенности в пункты 4 и 6.

Приведу их полностью:

«4. Непрестанно молясь «о соединении всех», Православная Церковь всегда развивала диалог с отделенными от нее, ближними и дальними, первенствовала в поиске путей и способов восстановления единства верующих во Христа, *принимала участие в экуменическом движении с момента его появления и вносила свой вклад в его формирование и дальнейшее развитие*. Кроме того, Православная Церковь, которой присущ дух вселенскости и человеколюбия, в согласии с божественным произволением «*чтобы все люди спаслись и достигли познания истины*» (1 Тим. 2:4), всегда трудилась ради восстановления единства христиан. Вот почему участие православных в движении за восстановление единства с другими христианами в Единой Святой Соборной Апостольской Церкви нисколько не чуждо природе и истории Православной Церкви, так как последовательно выражает апостольскую веру и Предание в новых исторических условиях...

³⁶⁰ Председатель ОБЦС рассказал журналистам о позиции Священного Синода по вопросу об участии Русской Православной Церкви во Всеправославном Соборе // Патриархия.ru.

6. Единство, которым обладает Церковь по своей онтологической природе, не может быть нарушено. Тем не менее Православная Церковь признает историческое наименование других не находящихся в общении с ней инославных христианских церквей и конфессий, и в то же время верит, что *ее отношения с ними должны строиться на скорейшем и более объективном уяснении ими всей еkkлезиологической тематики, особенно в области учения о таинствах, благодати, священстве и апостольском преемстве в целом*. Так, исходя из богословских и пастырских соображений, она благожелательно и положительно смотрела на диалог с остальными христианами на двустороннем и многостороннем уровнях и на участие в экуменическом движении новейших времен вообще, веря, что таким образом она несет активное свидетельство о полноте Христовой истины и о своих духовных сокровищах тем, кто находится вне ее, преследуя объективную цель — подготовить путь к единству»³⁶¹ (выделено мной. — Д.М.).

Тем не менее, многие эксперты и аналитики утверждают, что за фасадом критского Собора, между прочим, взятого под охрану американским авианосцем «Гарри Трумэн» (?), скрывается не что иное, как *антихристианский лик экуменизма*. В этой связи хочу напомнить два контраргумента, отрицающих экуменическую ересь по существу.

Первый принадлежит прп. Иустину (Поповичу), наиболее четко выраженному им в работе «Православная Церковь и экуменизм». Точнее: ересь экуменизма здесь высвечивается *через апостольско-святоотеческий путь следования Богочеловеку и Спасителю Иисусу Христу, Главе Православной Церкви*. Так, для упреждения расползания ереси экуменизма он апеллировал к деяниям VII Вселенского собора, «дабы ни один из православно исповедующих Господа не споткнулся о камень еретического зловерия». Поэтому преподобный напоминает: «Ибо святые отцы прочь изгоняют всякое еретическое заблуждение и отсекают гнилые члены, если они неизлечимо больны; и имея лопату-веялку в своих руках, они

³⁶¹ См. официальный сайт Великого собора: www.holycouncil.org/-/rest-of-christianworld?inheritRedirect=true&redirect=%2Fhome&_101_INSTANCE_VA0WE2pZ4Y0I_languageId=ru_RU.

очищают гумно, причем пшеницу, то есть всякое питательное слово, укрепляющее сердце человека, собирает житницу Православной Вселенской Церкви, а плевелы еретического злоучения выбрасывают вон и сжигают огнем неугасимым...»³⁶². Более того, прп. Иустин полагал, что если таковой Собор состоится, его деяния будут иметь очень и очень тяжелые последствия: возникнут ереси, образуются расколы и, в конце концов, будут погублены многие человеческие души.

Между тем, на Соборе исподволь был поднят вопрос об автокефалии Украинской Православной Церкви, которую ранее (в эпоху президента В.А. Ющенко) в 2008 году уже формулировал патриарх Варфоломей I, а сейчас педалирует Верховная Рада Украины. И это на фоне вполне канонического варианта широкой автономии УПЦ МП, а также войны, развязанной нелегитимным киевским режимом против Донбасса.

Второй из них, уже подзабытый анализ ереси экуменизма, проделанный приснопамятным владыкой Иоанном (Снычевым). Так, в его гражданской проповеди 1995 года сказано следующее: «Прикрываясь благородной целью «устранения межрелигиозной розни» и «воссоединения верующих в единой братской семье», теоретики экуменизма забывают упомянуть о главном: о том, что в таком «воссоединении» будет утеряна величайшая драгоценность — истина Закона Божия, погребенная под грузом человеческого лжеумудрствования. Как и всякая ересь, экуменизм лжет, предлагая «братски соединить» Истину с ложью, лукаво делая вид, что не понимает противоестественность такого соединения, надеясь, что люди, замороженные благородством лозунгов, не заметят страшной подмены»³⁶³. Так в чем же состоит эта подмена?

Согласно анализу этого феномена владыкой Иоанном, подмена, во-первых, заключается в широко известном тезисе об «исторически

³⁶² *Преподобный Иустин (Попович)*. Православная Церковь и экуменизм. М.: Паломник, 2005. С. 223, 224.

³⁶³ *Митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Иоанн*. «Смотрите, не ужасайтесь» // Выбор судьбы. Проблемы современной России глазами русских архиереев. СПб.: Царское дело, 1996. С. 64.

произошедшем разделении церквей», а не отпадении западной части Церкви (1054) вследствие еретических и политических заблуждений. На этой основе Православию как «одному из» многочисленных исповеданий предлагается объединиться со всеми, в т.ч. с инославными. Во-вторых, экуменический взгляд опирается на идею о том, что «каждая из разделившихся церквей хранит свою часть Божественной Истины». Но владыка, цитируя Новый завет: «Разве разделился Христос?» (1 Кор. 1: 13), утверждает тем самым догматическую цельность православной веры, зафиксированную в деяниях 7 Вселенских соборов. В-третьих, ложь экуменизма покоится на идее о том, что «его нравственным основанием является любовь». Действительно, любовь — первая и главная добродетель Христианства, свойства которой, как известно, описаны апостолом Павлом (1 Кор. 13: 1–3). Но Господь Иисус Христос, понимая, сколь могут быть губительны те или иные духовные заблуждения, провозгласил идею непрестанной духовной брани за неприкосновенность святыни веры (Мф. 10: 34). В-четвертых, экуменизм рекламирует свою аполитичность. Этот тезис не выдерживает никакой критики, поскольку единая «мировая религия», за которую выступают экуменисты, служит мировоззренческим фундаментом «нового мирового порядка». Ведь не случайно она поддерживается ведущими странами Запада. Наконец, в-пятых, что те, кто пребывает в рамках экуменического движения, делают это для того, чтобы «свидетельствовать инославным об истинах православия». Но сама Церковь более 2000 лет живет спасительной благодатью и ни в каких других «свидетельствах» истины не нуждается»³⁶⁴.

Таким образом, священное Предание в лице святых отцов однозначно определило характер и направленность экуменического движения, усматривая в нем едва ли не главную опасность жизни Вселенской Православной Церкви. Сам же Собор, ставший собором десяти Поместных Православных Церквей, не выразил соборного духа Предания, хотя на это претендовал. Что же дальше?

³⁶⁴ Митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Иоанн. «Смотрите, не ужасайтесь» // Выбор судьбы. Проблемы современной России глазами русских архиереев. СПб.: Царское дело, 1996. С. 65–71.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

О главном условии реализации Россией позитивной цивилизационной альтернативы

В заключение хочу не просто взять на себя смелость сделать необходимое обобщение. Но сделать это в особой форме, применение которой даст искомое содержание и смысл.

Для этого выскажу следующее положение: при реализации мироустроительной альтернативы русской цивилизацией, а именно, цивилизационной стратегии, включающей в себя такие «опоры»:

1) *византийский опыт имперского строительства с акцентами на государственно-церковных отношениях (не проекты патриарха Никона и царя Алексея Михайловича, но симфония властей);*

2) *этико-мировоззренческую конструкцию «разочарования» во всех земных порядках, но следования допущению новой «цветущей сложности» как православно-христианского социализма (по афонскому типу: общинно-национально-частный);*

3) *метафизическое языковое и культурное творчество, воспроизводящее модель «мира миров», позже трансформировавшуюся в реальность Русского Мира;*

4) *софиологическую семантику и прагматику бытия, охватывающую весь объем социокультурных практик;*

которые позволили *дивергентно по отношению к современному Западу выстроить «красную империю» с ее социально-политическими, хозяйственными и культурно-антропологическими сюжетами*, во многом завязанные на вождя и идеологему солидарного и справедливого общества, и обрушившуюся вследствие отказа русского народа от идеи стать «народом коммунистических ангелов» (А.А. Зиновьев), разумеется, на фоне тотальной войны против нее Запада, выразившейся в геополитическом уничтожении, либо «похищении» ее субъектности, общей истории, в т.ч., коснувшейся ряда бывших советских республик, создании из них Hot point

после победы в «холодной войне», а главное, *развязанной против России, Китая, исламского мира, рискнувших на новую дивергенцию, «горячей войны», необходима новая антропологическая перспектива.*

Она, если следовать логике великой русской истории, должна быть основана на *антропологическом максимализме*, т.е. максимальной вовлеченности в горнило бытия, в спор Неба и Земли, борьбу Добра со Злом, Правды и Кривды, Прекрасного и Безобразного, Жизни и Смерти. Словом, вовлеченности в *мировую экзистенцию*, центральной частью которой является именно Россия (об этом есть свидетельства таких разных в своих мировоззренческих и профессиональных приоритетах людей, как прп. М. Грек и Ю. Крижанич, Р.-М. Рильке и Т.Г. Масарик, Дж. Рид и Х. Маккиндер, В. Шубарт и Р. Тагор, Ф. Кастро и С. Милошевич, П. Неруда и прп. Иустин Попович, М. Койвисто и Ш. де Голль, В. Страда и Ж. Нива...). Поэтому имеет смысл говорить о русском и советском человеке, которых А.А. Зиновьев остроумно маркировал «руссоидом» и homo soveticus-ом.

Думается, что именно сейчас нужен шаг в сторону понимания их, «руссоида» и homo soveticus-а связанности, причем в ракурсе матрешечного устройства. Проще говоря, первичности человека русского типа по отношению к советскому, а тем более к постсоветскому. К сожалению, этого не помнят некоторые ведущие современные авторы, проектирующие для России high-tech и high-hume, новую экономическую политику и проблемы управления, но видящие конфликт между исторически русским человеком и советским человеком, равно как между Московским царством и петербургским самодержавием и СССР³⁶⁵.

Дабы утвердить аутентичную версию, сошлюсь на мысль поэта Юрия Кузнецова, акцентуированную почти тридцать лет назад:

Вокруг индустриальные пустыни
Ловушки быта расставляют век.
Легко ты принял ложные святыни,
Рассеянный и гордый человек.

³⁶⁵ Делягин М.Г. Новая Россия. Какое будущее нам предстоит построить. СПб.: Питер, 2016. С. 252.

От двух из них заходит ум за разум.
Вот ты стоишь у Вечного огня,
Как перс-язычник пред горящим газом
Стоял когда-то, голову склоня.
Гляди, чего на свете только не бывает!
Огонь потух: подвел газопровод.
Сухой снежок горелку заметает,
И по домам расходится народ.
Увы, ничто не вечно под луной!
И твой огонь, и твой огонь земной...
А вот другой обман перед глазами,
С почетным караулом и цветами.
Могила Неизвестного солдата —
К нему приходят люди на поклон.
Его поклон велик и место свято.
Но почему он имени лишен?
Кому он неизвестен? Близким людям?
Сиротам? Овдовевшим матерям?
О Боге все говорить не будем,
Уж он-то знает всех по именам.
Тут Сатана, его расчет холодный:
Заставить нас по нашей простоте
Стирать черты из памяти народной
И кланяться безликой пустоте³⁶⁶.

Собственно эти две ошибки, указанные поэтом, мало-помалу преодолеваются: с одной стороны — гедонизм, ибо аскетизм православного жития ему противоречит, а с другой — беспамятство, выразившееся в создании Бессмертного Полка, с его реальными героями и их наследниками. Поэтому и связь между поколениями становится вполне очевидной и желательной, поскольку в ней залог внутреннего диалога, а потенциально, диалога внешнего. Но именно он и послужит главным противоядием тотальной агрессивности, и нужно надеяться, выведет человечество к мироразмерному азимуту.

³⁶⁶ Кузнецов Ю.П. Ложные святые // Кузнецов Ю.П. До последнего края. Стихотворения и поэмы. М.: Молодая гвардия, 2001. С. 239.

Для записей

Научное издание

Муза Д.Е.

Актуальность
глобальной войны
и русская цивилизационная
альтернатива

Подписано в печать 16.11.2016. Формат 60х88/16. Бумага офсетная. Гарнитура «Таймс».
Печать офсетная. Усл.-печ. л. 15,0. Уч.-изд. л. 11,88. Тираж 500 экз.. Заказ № 108.

Оригинал-макет и обложка подготовлены *А.В. Воробьевым*. Корректор *Е.В. Феоктистова*
7720376@mail.ru Издатель Воробьев А.В.

г. Москва, ул. Профсоюзная, 140-2-36. **8(495)772-03-76**

Типография ООО «Телер». 125299, г. Москва, ул. Космонавта Волкова, д. 12.
Лицензия на типографскую деятельность ПД № 00595